

2023

Volume 17

No 2 (64)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2023

Том 17

№ 2 (64)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 172 с. Тираж 32 экз. Заказ № 23078. Цена свободная. Дата выхода в свет 30.06.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

HISTORY

Balezin A. S.

Decolonization of East African countries: a Soviet View
(based on the materials of the newspaper Pravda).....160

Koltsov M. V.

Italian Awards of the First World War.....178

Frolov R. M.

Ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque
vellet: Cicero on Antonius' Presence Near the City of Rome
in 43 BCE (Phil. 3.27; 5.21–22).....190

Navruzov A. R.

Legal aspects of Muslim enlightenment in the first third
of the 20th century in the North Caucasus.....198

Iakimova M. O.

Legal aspects of Muslim enlightenment in the first third
of the 20th century in the North Caucasus.....208

LAW

Lushnikov A. M.

Socio-legal doctrine of Keynes: history and modernity 216

Tarusina N. N.

A few theses about duty in the education and family,
or why cucumbers cause insomnia 226

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.

Discrimination in labor relations: economic approach and labor law 238

Butneva M. Yu.

To the question of the possibility of recognizing a claim
in administrative cases provided for by Chapter 30 of the CAS
of the Russian Federation.....246

Solovyev O. G., Pantyukhina I. V.

Topical issues of criminal law regulation in the sphere of economic
activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation):
reflections on the background of a special military operation 258

Goncharova Yu. O.

Novelty of criminal legislation on liability for looting (Article 356.1
of Criminal Code of the Russian Federation): technical and legal
analysis of the structure of the crime 266

PSYCHOLOGY

Karpov A. V.

The content and specifics of the microstructural organization
of the process of metathinking (article one).....272

Koneva E. V., Roschina G. O., Rusanova L. S.

Communicative aspects in indicators of inclusive education monitoring 288

Chistopolskaya A. V., Karpov D. L., Trifonova S. A.

Phenomenological analysis of the art perception.....298

Serova E. A.

Socio-psychological specifications of volunteers taking into account
the intergenerational approach.....308

Senin I. G., Zhiltsov S. A.

Influence of self-esteem on the level of professional competence
of a manager.....316

ИСТОРИЯ

Балезин А. С.

Деколонизация стран Восточной Африки: советский взгляд
(по материалам газеты «Правда»).....160

Кольцов М. В.

Итальянские награды Первой мировой войны.....178

Фролов Р. М.

Ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque
vellet: Цицерон о присутствии проконсула Антония у города Рима
в 43 г. до н.э. (Phil. 3.27; 5.21–22).....190

Наврузов А. Р.

Правовые аспекты мусульманского просветительства
первой трети XX в. на Северном Кавказе 198

Якимова М. О.

Процесс ратификации Германией договора о вступлении
Хорватии в ЕС в освещении немецкой прессы (2012–2013 гг.).....208

ПРАВО

Лушников А. М.

Социально-правовая доктрина Кейнса: история и современность 216

Тарусина Н. Н.

Несколько тезисов о долженствовании в сферах образования
и семьи, или почему огурцы вызывают бессонницу.....226

Лушников А. М., Лушникова М. В.

Дискриминация в трудовых отношениях: экономический подход
и трудовое право 238

Бутнева М. Ю.

К вопросу о возможности признания иска по административным делам, предусмотренным главой 30 КАС РФ.....246

Соловьев О. Г., Пантюхина И. В.

Актуальные вопросы уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): размышления на фоне специальной военной операции.....258

Гончарова Ю. О.

Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления.....266

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В.

Содержание и специфика микроструктурной организации процесса метамышления (статья первая).....272

Конева Е. В., Рощина Г. О., Русанова Л. С.

Коммуникативные аспекты в показателях мониторинга инклюзивного образования.....288

Чистопольская А. В., Карпов Д. Л., Трифонова С. А.

Феноменологический анализ восприятия художественных произведений.....298

Серова Е. А.

Социально-психологические особенности волонтеров с учетом межпоколенческого подхода.....308

Сенин И. Г., Жильцов С. А.

Влияние самооценки на уровень профессиональной компетенции руководителя.....316

Decolonization of East African countries: a Soviet View (based on the materials of the newspaper Pravda)

A. S. Balezin¹

¹Institute of World History, RAS, 32A Leninsky prospekt, Moscow 119334, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-160-177

Research article
Full text in Russian

The process of decolonization of Africa in the USSR was strongly welcomed by the masses. The latter was largely promoted by the newspaper Pravda, the most popular newspaper of the USSR times. The article analyzes the information that the newspaper gave in the early 1960's about the decolonization of the East African countries - Kenya, Uganda, Tanganyika and Zanzibar. The Soviet reader was informed about these countries in a very general way, as well as about their leaders of decolonization in them and the declaration of independence. The problems faced by the young states – economic, political, ethnic, social – were also shown, and they were explained as the heavy heritage of colonialism. The establishment of diplomatic relations of the USSR with new states and the desire for mutual friendship was emphasized almost immediately in all cases. The progressive nature of the transformations carried out by the Governments of these states and, if possible, their socialist nature were also emphasized.

Keywords: decolonization; Africa; Kenya; Uganda; Tanganyika; Zanzibar; Pravda newspaper

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balezin, Alexander S. | E-mail: alex.balezin@yandex.ru
| Doc. Sc. (History), Professor

Деколонизация стран Восточной Африки: советский взгляд (по материалам газеты «Правда»)

А. С. Балезин¹

¹Институт всеобщей истории РАН, Ленинский пр-т, 32А, Москва, 119334, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-160-177
УДК 93/94(6) + 930.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Процесс деколонизации Африки в СССР приветствовался в широких слоях населения, чему в значительной мере способствовала газета «Правда» – самая массовая газета времен СССР. В статье анализируются публикации начала 1960-х годов о деколонизации восточноафриканских стран – Кении, Уганды, Танганьики и Занзибара. Советскому читателю в самом общем виде рассказывали о независимости и деколонизации, о проблемах, стоящих перед молодыми государствами, о тяжелом наследии колониализма. В публикациях читателей информировали об установлении дипломатических отношений СССР с новыми государствами и стремлении к взаимной дружбе. В статьях подчеркивался прогрессивный характер преобразований, проводимых правительствами этих государств и – где было возможно – социалистический характер.

Ключевые слова: деколонизация; Африка; Кения; Уганда; Танганьика; Занзибар; газета «Правда»

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балезин, Александр Степанович | E-mail: alex.balezin@yandex.ru
Доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник

СССР всячески поддерживал деколонизацию Африки. В Программе КПСС 1961 года подчеркивалось: «КПСС рассматривает братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное иго, как один из краеугольных камней своей международной политики» [1].

Советское руководство выражало надежду, что страны континента, обретя независимость, пойдут по пути некапиталистического развития.

В Программе КПСС говорилось: «Какой путь избрать – внутреннее дело самих народов. При нынешнем соотношении сил на мировой арене и реальной возможности могучей поддержки со стороны мировой системы социализма народы бывших колоний могут решить этот вопрос в своих интересах. Их выбор будет зависеть от соотношения классовых сил. Некапиталистический путь развития обеспечивается борьбой рабочего класса, народных масс, общедемократического движения и отвечает интересам абсолютного большинства нации» [1].

Присутствовало понимание, что выбор будет трудным. Характерен в связи с этим пассаж, изъятый из окончательного текста Программы. Он присутствовал в ее проекте, опубликованном в «Правде» тремя месяцами ранее: «Этот путь потребует от буржуазии уступок, но это будут уступки в пользу нации. На некапиталистическом пути развития все слои населения могут найти применение своим силам» [2].

Процесс деколонизации Африки в СССР приветствовался, чему способствовала газета «Правда» – самая массовая газета тех времен. Ее тираж доходил до 10 миллионов экземпляров. «Правду» читали везде: в больших городах и отдаленных уголках страны. Она была главным источником информации. И важно, что на ее страницах находили отражение и трудности, с которыми столкнулись молодые независимые государства Африки.

Из стран Восточноафриканского региона первой политическую независимость получила Танганьика – 9 декабря 1961 г. Вот какую информацию о ситуации сразу после провозглашения независимости дала «Правда» от своего корреспондента О. Орестова с места событий: «В Танганьике из 9 миллионов жителей только 22 тысячи европейцев. Около полутора тысяч – плантаторы. Однако они поставляют 45 % всей экспортной продукции сельского хозяйства. Другую половину продукции дают миллионы африканских фермеров. Иными словами, немногочисленные европейцы владеют огромными площадями земли, африканцы – мелкими, ничтожными участками. Совершенно ясно, что полунищий африканский земледелец не в состоянии создать что-либо даже отдаленно похожее на такую плантацию и завод. Поэтому ценнейшую культуру агавы разводят только европейцы. Африканцам приходится довольствоваться более дешевым кофе, земляными орехами, хлопком. Задолго до провозглашения независимости Танганьики Лондон позаботился о том, чтобы “права” английских плантаторов не были ущемлены. Стране была “дана” конституция, подготовленная в Англии. Она предусматривает, что из 71 места в парламенте 11 будут отданы европейцам и 10 – выходцам из Азии, главным образом индийцам <...> Нам удалось посетить один из самых богатых районов страны – Северную провинцию, у склонов великой афри-

канской горы – Килиманджаро. Вся администрация провинции – в руках английских чиновников <...> цель их службы – постараться не допустить никаких изменений. То же <...> в центре – столице Дар-эс-Саламе.

Хочется верить <...>, что судьбы страны будет отныне вершиться <...> в кабинете премьер-министра, бывшего школьного учителя Юлиуса Ньерере и в ЦК правящей партии ТАНУ (Африканского национального союза Танганьики). Правда, в правительстве Ньерере есть еще два англичанина: министр финансов и министр здравоохранения и труда; все видные административные посты занимают также английские чиновники. Ньерере подчеркнул, что пока Танганьика сохранит 85 % английских государственных служащих.

Центром политической жизни в столице все больше становится <...> Центральный Комитет ТАНУ. Энергичный, решительный и смелый заместитель генерального секретаря партии Боронго рассказал нам, что партия ТАНУ имеет около миллиона членов и на последних выборах завоевала 50 мест в парламенте <...> Все члены ТАНУ стоят за республику, за ликвидацию наследия колониализма. Страна берется за работу по преодолению нищеты, безграмотности, болезней, экономической отсталости. Ей предстоит трудный, очень трудный путь, но этот путь избрал ее народ, который не позволит, чтобы колонизаторы ставили ему палки в колеса...» [3].

В первую годовщину независимости «Правда» опубликовала статью об изменениях, произошедших в Танганьике за год. Механизм представления независимости предполагал, что первый год в стране сохраняется пост британского генерал-губернатора, а правительство возглавляет премьер-министр-африканец. Через год страна избирала своего президента. В материале о Танганьике, помимо обязательного пассажа о дружественных отношениях с СССР, подчеркивался ее социалистический выбор:

«...Казалось бы, что могло измениться в стране за год? Однако изменения есть. Они заключаются прежде всего в новом отношении к труду, в стремлении изменить облик страны, построить новое общество. Недавно состоялись выборы первого президента Танганьики. <...> На вопрос “За что вы голосуете?” большинство избирателей отвечало: “За политику ТАНУ, за борьбу против нищеты, неграмотности и болезней”. Партия ТАНУ и правительство провозгласили строительство социализма в качестве своей конечной цели. “Я уверен, писал избранный на пост президента республики Юлиус Ньерере, что слаборазвитые страны могут достичь успехов только на пути социализма”. Главными методами изменения экономики страны он считает кооперирование и движение самопомощи. Сейчас движение самопомощи – бесплатных обществен-

ных работ населения – стало повседневным делом. В нем участвуют тысячи африканцев.

“Прошло шесть месяцев с того времени, как народ начал путем самопомощи строительство нашей новой нации, – говорит недавно премьер-министр Кавава. – Уже есть первые прекрасные результаты. Правительство сэкономило 150.000 фунтов <...> построены тысячи километров новых дорог, 165 школ, 134 общественных здания, 83 лечебницы” <...>

Партия ТАНУ наметила ряд реформ. С января будущего года вводится новый минимум заработной платы: в Дар-эс-Саламе и Танге – 150 шиллингов в месяц, в большинстве других районов страны – 125 и 100 шиллингов.

Большие планы у правительства в области образования и здравоохранения. Трёхлетний план развития предусматривает ликвидацию неграмотности. Как и на других “английских” территориях, в Танганьике почти отсутствовало медицинское обслуживание населения. Один врач здесь приходился на 20 тысяч человек. Сейчас ведется строительство медицинских центров и госпиталей, готовятся первые собственные медицинские кадры.

Официально заявив о проведении политики позитивного нейтрализма, Танганьика установила дипломатические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Советский Союз предоставил сто стипендий студентам из Танганьики, которые сейчас обучаются в Москве. <...> Когда <...> премьер-министр Кавава узнал, что в «Правде» будет опубликована статья о Танганьике, он сказал: “Передайте читателям «Правды», что наш народ питает самые теплые чувства к Советскому Союзу. На мой взгляд, очень важно, чтобы мы больше знали друг о друге. Это укрепит нашу дружбу” [4].

Второй в регионе получила независимость Уганда – 9 октября 1962 г. Вот что сообщала «Правда» о новорожденном государстве и его проблемах:

«С тех пор, как в 1894 году Уганда стала английским протекторатом, миллионные прибыли перекочевали в сейфы английских банков. Но народ оставался нищим. Уганда – страна хлопка и кофе. Арендуя землю, угандский крестьянин с утра до вечера занят тяжелым трудом, чтобы потом в конце года продать хлопок по заранее установленным ценам в три, а то и в четыре раза ниже, чем в Англии. Кроме того, он должен выплатить за землю. И, в конце концов, у него остается ничтожная часть урожая. И не лучше положение угандца в городе <...> Даже местные чиновники получают в три раза меньше, чем белые, а рабочие-африканцы получают в 20–22 раза меньше рабочих-европейцев, выполняя ту же работу.

“Мы много ждем от независимости, – говорит <...> активист партии Народный конгресс Уганды. – Ведь еще по сей день в тюрьме находятся

некоторые борцы за свободу, и только 9 октября они выйдут на свободу по амнистии. Мы хотим, чтобы наша страна была действительно независима и едина". Мой собеседник неслучайно говорит о единстве. Это очень важно для Уганды. На ее территории расположены четыре полуавтономных королевства – Буганда, Торо, Анколе и Буньоро. В Буганде существует монархия. Недалеко от здания парламента в Кампале расположен дворец кабаки (царя). Кабака до настоящего времени сохраняет собственную армию, полицию и суд. Англичане всячески пытаются раздуть противоречия внутри страны, подогревают сепаратизм в различных районах Уганды <...>

В КОАЛИЦИОННОМ правительстве, которое возглавляет Оботе, 12 портфелей находятся у представителей наиболее популярной в стране партии – Народный конгресс Уганды. Остальные четыре портфеля – у партии Кабака Иекка (партия Буганды). На выборах <...> Народный конгресс Уганды добился победы, провозгласив лозунг немедленного предоставления независимости. Теперь партия выступает за развитие национальной экономики, за солидарность стран Африки» [5].

Далее в том же номере газеты была размещена дополнительная информация и карта Уганды: «Уганда – бывший протекторат Англии в Восточной Африке. Территория – 243 тыс. кв. км, население – 6,682 тыс. чел. (1960), из них 99 проц. – африканцы, в основном народы банту. Уганда делится на 4 провинции: Буганду, Восточную, Западную и Северную. Административный центр – Энтеббе (8,5 тыс. чел.).

Уганда – экономически слаборазвитая аграрная страна. В сельском хозяйстве преобладает производство экспортных культур: кофе, хлопка, табака, чая, сахарного тростника, арахиса, масличных семян. Предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов контролируются иностранными, главным образом английскими, частными компаниями. В стране имеются богатые месторождения полезных ископаемых, но горнодобывающая промышленность, сосредоточенная в руках английских монополий, развита слабо. Почти 70-летнее колониальное господство обрекло миллионы африканцев на бесправие и нищету. Массовая безработица и расовая дискриминация, которая особенно проявляется в оплате труда, еще более усугубляют тяжелое положение африканского населения. Большинство профсоюзов, которые играют пока незначительную роль (они охватывают лишь около 2 проц. рабочих), объединено в Конгресс профсоюзов Уганды. Мощная волна национально-освободительного движения африканских народов, поднявшаяся с особой силой после второй мировой войны, захватила и Уганду. Английские колонизаторы в конце концов были вынуждены признать право народа еще одной африканской страны на самостоятельное существование» [5].

В первую годовщину независимости Уганды «Правда» публикует статью М. Домогацких. В ней рассказывается, как страна продлевают стоящие перед ней трудности: «Год назад, 9 октября 1962 года, когда была провозглашена независимость страны, партия народный конгресс Уганды заявила своему народу, что она не остановится на полпути и добьется подлинной независимости как во внутренней, так и во внешней политике <...> Две трети национального продукта и 90 % экспорта Уганды составляют кофе и хлопок, чай и табак, бананы и масличные культуры. Ведущая отрасль сельского хозяйства – хлопок, дающий свыше 15 миллионов фунтов стерлингов дохода. Уганда – крупнейший производитель кофе, под плантациями которого занято более двухсот тысяч гектаров земли.

Промышленных предприятий в Уганде очень мало. Цементно-асбестовый завод в Тороро, медные рудники в Килембе, медеплавильный завод в Джиндже, где находится также и самая крупная электростанция, возведенная на Белом Ниле. Есть еще несколько десятков разбросанных по стране предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, – вот, и вся промышленность. Но уже теперь правительство Уганды намечает пути промышленного развития. Началось строительство нескольких фабрик, обсуждаются проекты первичных основ крупной индустрии. У страны не хватает собственных средств и специалистов, и поэтому правительство рассчитывает на иностранную помощь, но без каких-либо политических условий. ПЕРЕД МОЛОДЫМ африканским государством стоит много сложных и трудных задач. Одна из главных – это объединить все племена Уганды в одну семью, ликвидировать еще существующие раздоры и смуты, поднять жизненный уровень, культуру и просвещение народа. Правительство принимает меры для строительства школ, расширяет самый крупный в Восточной Африке колледжMakerере, который будет готовить кадры для экономического и культурного строительства. Правительство посылает юношей учиться за границу. С большим желанием едут молодые угандийцы в социалистические страны, в том числе и в Советский Союз.

В области внешней политики Уганда со дня своего рождения провозгласила позитивный нейтралитет, невступление в военные блоки, поддержание дружественных отношений с соседними странами. Показателем такой политики является установление дипломатических отношений со многими странами, в том числе и с рядом социалистических государств, включая Советский Союз <...>

Недавно в Чехословакии, Советском Союзе и Германской Демократической Республике побывала делегация Уганды во главе с А. К. Киронде, которая изучала проблемы сотрудничества Уганды в области экономики, культуры и просвещения со странами социализма» [6].

12 декабря 1963 г., в день провозглашения независимости Кении, и на следующий день «Правда» опубликовала несколько материалов, в том числе с картой. В газете отмечалось: «С сегодняшнего дня на карте Африки исчезает еще одно колониальное пятно: Кения стала независимой. Территория Кении – 583 тысячи квадратных километров, население – 8676 тысяч человек. Столица страны – город Найроби. Кения – аграрная страна. Здесь возделываются кофе и чай, которые идут на экспорт, а также пшеница, ячмень, сахарный тростник. Часть населения занимается скотоводством.

В конце XIX века Кения стала колонией Британской империи. Английские колонизаторы хищнически эксплуатировали богатства страны. Они ничего не сделали для ее индустриализации. Промышленность Кении ограничена обработкой продуктов сельского хозяйства и изготовлением потребительских товаров. Свободолюбивый народ Кении много лет боролся против иноземного господства. Эта борьба приняла особенно широкий размах в нынешний период, когда могучий поток национально-освободительного движения охватил весь африканский континент. Борьбу патриотов возглавила крупнейшая партия страны – Африканский национальный союз Кении (КАНУ) во главе с вождем кенийского народа Джоמו Кениатой. Ее активные выступления заставили колонизаторов пойти на уступки. В феврале 1962 года Англия была вынуждена согласиться на внутреннее самоуправление Кении и назначить дату предоставления ей независимости. В мае 1963 года состоялись выборы в парламент Кении. Одержавшая на выборах победу партия КАНУ сформировала правительство во главе с Кениатой. В ночь с 11 на 12 декабря провозглашена полная независимость Кении, которая стала тридцать четвертым независимым государством в Африке» [7].

Второй материал номера дополнял первый: «В первый день независимости Кении на стадионе «Ухуру» состоялся грандиозный митинг. “Это величайший день в истории Кении”, – сказал премьер-министр Д. Кениата». По его словам, «путь к свободе был для кенийского народа долгим и тяжелым. Независимая Кения намерена поддерживать дружественные отношения со всеми странами мира на основе взаимного уважения, суверенитета и равноправия». Далее будущий президент отметил, что долг всех кенийцев – «трудиться на благо мира во всем мире», подчеркнув, что будет «считать своими друзьями всех тех, кто стремится к миру» [8].

1 февраля 1964 г. газета опубликовала материал своего специального корреспондента И. Беляева «Кения на новом пути» об итогах и проблемах первого месяца жизни молодого государства. В нем говорится: «Свобода принесла Кении не только радость, но и заботы. Это начали понимать даже те, кто ожидал, что после 12 декабря прошлого года все механически

само собой быстро изменится к лучшему. Кения – африканская страна. Но в Элдорете, Накуру да и в самом Найроби слишком многое походит на Англию <...> Число английских сеттлеров (так называют себя английские поселенцы) не превышает 25–30 тысяч вместе с детьми – они захватили более 7,5 миллионов акров земли. И какой земли! В 1920 году все захваченные сеттлерами земли колониальные власти объявили собственностью британской короны. Истинных же владельцев – африканцев – они согнали в резервации, деликатно названные по-английски «закрытыми районами». Сотни тысяч людей были обречены на физическую и моральную деградацию <...> И вот теперь, когда страна стала свободной, африканцы ждут, что их первое правительство начнет радикальные внутренние преобразования именно с земли. Но задача эта на деле далеко-далеко не проста. <...> Начавшееся в 1961 году земельное урегулирование предусматривает изъятие ферм у части фермеров-англичан и передачу их африканцем. К июню будущего года землю получают 18 тысяч семей, и в первую очередь те, кто сражался в рядах “Мау-Мау”. Еще миллион акров намечено распределить до конца 1966 года. В Кении многие говорят о недостаточных масштабах таких мер, у истоков которых стояла еще английская колониальная администрация <...> В Кении нет промышленности. Несколько небольших предприятий не меняют сути дела. Значение сельского хозяйства в стране пока решающее. Роль же африканцев в нем, к сожалению, пока невелика. Колониальные власти намеренно консервировали в зародыше их стремление вести хозяйство современными методами. Да и необходимые для этого машины безумно дороги. В результате почти все продукты на кенийский рынок и на экспорт поставляют сеттлеры. Если начать их немедленно выселять с принадлежащих африканцам земель, то это неминуемо приведет к хаосу в экономике Кении <...> выступая перед сеттлерами в Накуру, Дж. Кениата провозгласил свой ставший теперь известным во всей Африке лозунг: “Харамбее!”. В переводе с суахили он значит: “Все вместе!”. Едва появился “Харамбее!”, как кенийского лидера обвинили чуть ли не в сговоре с англичанами. Во время моих поездок в Кению у меня сложилось иное впечатление. Провозглашение “Харамбее!” – шаг вынужденный, и лозунг не является результатом какого-то сговора нынешнего правительство Кении с бывшими колонизаторами <...>

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что англичане и в настоящее время держат в своих руках контроль над всей экономикой и финансами Кении <...> До эвакуации английских военных баз из Кении, на что вынужден был согласиться Лондон, остается еще почти год <...> Наряду с провоцированием пограничных конфликтов английские колонизаторы уделяют большое внимание попыткам столкнуть между собой отдель-

ные племена внутри Кении. С этой точки зрения весьма существенно, что английская финансовая “помощь”, обещанная Кении (о ней говорилось выше), сопровождается еще и таким условием: она может быть использована только в центральных провинциях. Этой помощи искусственно лишается население других провинций, в том числе и кенийского Запада – Ньянзы, очень нуждающейся в средствах для улучшения ирригации. Это действует в направлении усиления подозрений и разногласий между различными племенами. <...> нелегкое наследие оставили колонизаторы кенийскому народу. Тяжелым путем приходится ему идти сейчас» [9].

В данной статье, повествующей, как и предыдущие, в основном о тяжелом наследии колониализма, доставшемся молодым государствам, видна специфика Кении – наличие большого числа белых поселенцев.

Своя специфика была и у провозгласившего независимость двумя днями раньше – 10 декабря 1963 г. – Занзибара. Вот что сообщала об этом «Правда» на следующий день после получения островом независимости – 11 декабря 1963 г. – в материале своего специального корреспондента Т. Колесниченко: «На карте Африки появилось новое, 33-е независимое государство», снабженное картой Занзибара и Пембы:

«Нелегким путем пришла свобода на Занзибар. Крупнейший после Мадагаскара остров у берегов Африки издавна привлекал внимание заокеанских хищников, которые превратили его в невольничий рынок. Тысячи рабов содержались в подземельях, которые и сейчас еще можно увидеть в нескольких километрах от города. С 1890 года был официально объявлен британский протекторат над островами Занзибар и Пемба.

Занзибар – страна гвоздики. Здесь 80 % ее мирового производства. А собирают гвоздику вручную, как сто лет назад. Каждый день на улицах города можно видеть телеги, доверху нагруженные мешками гвоздики. В телеги запрягаются люди, двое спереди, трое сзади. Длинная вереница таких телег тянется в направлении порта. Нищета, неграмотность, болезни – таков результат английского господства. Занзибар может служить классическим примером колонизаторской политики – разделай и властвуй. Из трехсот тысяч населения три четверти составляют африканцы народности банту, остальные – арабы, индийцы и другие. Натравливая одну народность на другую, английские колониальные власти пытались обескровить освободительное движение. Летом этого года Англия объявила о предоставлении Занзибару внутреннего самоуправления. В июле были проведены всеобщие выборы. Одержавшие на них победу Националистическая партия и Народная партия Пембы и Занзибара сформировали коалиционное правительство. После этого на конференции в Лондоне была установлена дата провозглашения независимости Занзибара – 10 декабря 1963 года. Накануне этой даты я беседовал с видным дея-

телем освободительного движения Амани Тхани. “Прежде всего мы хотим укрепить нашу независимость, – сказал он о планах на ближайшее будущее. <...> Во внешней политике Занзибар будет придерживаться курса позитивного нейтрализма и дружбы со всеми странами, в том числе, конечно, и социалистическими”.

Несмотря на то, что только сейчас представителям Советского Союза и других социалистических стран удалось посетить Занзибар, который англичане держали за семью замками, приятно было убедиться, что здесь много знают о Советском Союзе и считают его лучшим другом Африки. “Передайте привет советскому народу, Хрущеву”, – так заканчивают свои беседы со мной многие занзибарцы» [10].

Историческая специфика Занзибара состояла в том, что почти сразу же за провозглашением независимости 12 января 1964 г. там произошла антисултанская революция. Поначалу суть событий была не вполне понятна. В «Правде» со ссылкой на британские источники информации прошла следующая – первая – информация о ней:

«...Вооруженные группы, насчитывающие около 600 человек, совершили нападение на казармы и склады полицейских сил Занзибара. Положение на Занзибаре остается неясным. Корреспонденты иностранных информационных агентств передают противоречивые сообщения. Английский военный корабль “Оуэн” получил приказ направиться к Занзибару, чтобы в случае необходимости эвакуировать английских граждан с острова» [11].

Однако уже 16 января газета публикует под названием «Занзибар не одинок в борьбе» небольшую статью Т. Колесниченко. В ней событиям уже дается ясная оценка – это антиимпериалистическая и антифеодальная революция: «Радио Занзибара сообщает, что новое правительство, свергнувшее султана, полностью контролирует положение. Принимаются меры к нормализации экономической жизни страны. <...> Правительство обратилось к населению с призывом приступить к работе. <...> Во многих странах Восточной Африки прошли массовые митинги с требованием “Руки прочь от Занзибара!”. Важную роль сыграла позиция правительств Кении, Уганды и Танганьики <...>. Кения и Уганда официально признали Республику Занзибара и Пембы и ее правительство. Главы этих государств подчеркнули, что новое правительство Занзибара в соответствии с принципами африканского единства получит любую поддержку от их стран. В то время, как пресса колонизаторов продолжает распространять нелепые слухи о «коммунистическом проникновении» и оплакивает бывший султанат, многие общественные организации Восточной Африки, политические и государственные деятели приветствуют антиимпериалистическое и антифеодальное выступление на Занзибаре.

Правительство Кении запретило бывшему султану Занзибара, который прибыл вчера на корабле в Момбасу, вступить на кенийскую землю.

Твердая позиция независимой Африки сыграла свою роль. Объявлено, что военные суда Англии и США покинули воды Занзибара <...> По последним сведениям из Занзибара, новое правительство запретило деятельность в стране бывших правящих партий. Султан объявлен пожизненным изгнанником» [12].

18 января на страницах «Правды» Т. Колесниченко подтвердил высказанную им оценку занзибарских событий. В статье говорится:

«Проезжая по улицам города, убеждаешься, что на них царит спокойствие. Революционная армия сохраняет порядок и дисциплину. “Мы хотим отложить винтовки и взять в руки орудия труда, мы хотим не разрушать, а строить, мы хотим мира. Главное, чтобы никто нам не помешал”, – это говорит сопровождающий нас член ЦК партии «Умма» Али Мафуд Мохаммед.

Нам удалось побеседовать и с <...> руководителями республики Абейдом Каруме и Хангой. “Это хорошо, что вы приехали, – сказал Каруме журналистам. Мир должен знать правду о нашей борьбе. Мы хотим сами решать все свои проблемы”.

<...> Журналисты встретились также с руководителем революционной армии фельдмаршалом Джоном Окелло. <...> Окелло заявил, что революционное правительство будет придерживаться независимой внешней политики и неприсоединения к блокам. Оно вместе с тем является сторонником африканского единства и поддержки освободительной борьбы в колониях» [13].

Серия материалов Т. Колесниченко сообщала новые подробности о положении на Занзибаре после революции. Так, в опубликованном 19 января репортаже «Первые дни молодой республики» говорится: «Здесь стало известно, что правительство запретило пребывание большинства западных журналистов на Занзибаре. В задачу внутренней политики, по мнению членов правительства, с которыми мне пришлось беседовать, входит прежде всего укрепление единства. Колонизаторы веками разделяли народ по цвету кожи и национальности. Новое правительство считает необходимым обеспечить равные возможности всем занзибарцам – и арабам, и африканцам.

Сегодня на пресс-конференции представитель революционного правительства сообщил, что отныне их независимое государство будет называться: Народная Республика Занзибара и Пембы» [14].

20 января в репортаже Т. Колесниченко подчеркивается желание Занзибара установить дружественные отношения с СССР: «...Особую радость занзибарцев вызвала телеграмма Н. С. Хрущева о признании Со-

ветским Союзом Народной Республики Занзибара и Пембы <...> Герой восстания Мусса Махиссара сказал мне: “Теперь империалисты подумают дважды, прежде чем решиться на интервенцию. Признание Советским Союзом нашей республики придает ей большой международный авторитет”.

Министр иностранных дел Абдурахман Мохаммед (Бабу) сделал следующее заявление для советской печати: “Признание Советским Союзом нашей народной республики имеет исключительно важное значение. В трудную минуту мы почувствовали дружескую поддержку братского советского народа. Передайте через ‘Правду’ самое горячее поздравление и благодарность советскому народу и его правительству. Признание Советским Союзом нашей республики еще больше укрепит дружбу, как между нашими народами, так и между СССР и всей Африкой” [15].

21 января вышла в свет короткая информация ТАСС, где говорится:

«Во всей стране царит полное спокойствие. Корреспондент ПАП побывал в нескольких занзибарских деревнях. Теперь в каждой деревне есть революционные советы. Эти советы будут проводить ангарную реформу на островах» [16].

В конце января 1964 г. в «Правде» прошла новая серия материалов о Занзибаре, связанных с концентрацией западных, в частности британских, войск в Восточной Африке; поводом послужили восстания в армиях Кении, Уганды и Танганьики. Так, 27 января «Правда» под заголовком «Предотвратить угрозу вмешательства в дела Занзибара» публикует пространное заявление МИД СССР. В нем, помимо осуждения агрессивной политики западных держав и выражения поддержки Занзибару, подчеркивался прогрессивный характер начавшихся в островном государстве преобразований: «Как известно, 12 января 1964 года населением Занзибара была устранена власть ставленников колонизаторов и провозглашена Народная Республика Занзибара и Пембы. К власти пришли патристические силы, объединенные в партиях “Афро-Ширази” и “Умма”, пользующиеся поддержкой большинства 340-тысячного населения страны. Правительство объявило о своем намерении провести ряд экономических реформ, передать землю крестьянам, изменить односторонний колониальный характер экономики страны, покончить с нищетой, болезнями, неграмотностью населения» [17].

Когда ситуация вокруг Занзибара разрядилась, 4–6 февраля «Правда» опубликовала ряд материалов Т. Колесниченко, подчеркивающих прогрессивный характер преобразований в островном государстве: «Прошло всего три недели, как народ острова вышел на путь новой жизни. Но уже заметны большие сдвиги. Вырабатывается новый план развития страны. На конфискованной у феодалов земле будет производиться

не только основное богатство острова – гвоздика, но и кукуруза, рис и другие сельскохозяйственные продукты. Намного будет расширен порт. Патриоты решили объединиться в одной партии – «Афро-Ширази юнион». Объединились также профсоюзы страны, справедливо считая, что только единство движения рабочего класса принесет свои плоды. Несколько дней назад создана Федерация революционных профсоюзов Занзибара. В эти дни занзибарцы с большой теплотой принимают гостей – делегацию советских профсоюзов. Исполком Федерации революционных профсоюзов встретился с делегацией. В ходе беседы было выработано совместное заявление, в котором подчеркивается общность взглядов ВЦСПС и профсоюзов Занзибара по таким принципиальным вопросам, как борьба с колониализмом, сохранение мира на земле» [18].

Явное благоволение новых занзибарских властей СССР заставило Запад говорить о коммунистической угрозе на острове, который стали называть «Африканской Кубой». В связи с этим – пассаж из той же статьи Колесниченко: «Западная пресса занимается сейчас измышлениями. Она пишет, например, о вмешательстве советских коммунистов в дела Занзибара. Измышления западной прессы вызывают возмущение африканцев. «Мы признаем вмешательство России, – сказал профсоюзный лидер Мфаме Омар, – вмешательство в историю. Россия вмешалась в наши события в 1917 году, она указала всему миру путь к свободе». Я беседовал с фельдмаршалом Джоном Окелло. Он сказал: «Коммунистическая угроза – старый пропагандистский трюк. Я подтверждаю, а уж мне это доподлинно известно, поскольку революционный комитет назначил меня руководить вооруженным восстанием, – революция совершена народом Занзибара. Оружие мы добыли в бою, захватив арсенал полиции. Но мы не будем держаться в стороне от социалистических стран. Мы надеемся на самое тесное сотрудничество со всеми демократическими странами и, конечно, в первую очередь с социалистическими, в том числе с большим другом Африки – Советским Союзом»» [19].

В статье, опубликованной днем позднее, среди прочего подчеркивается прогрессивный характер преобразований на Занзибаре: «Сейчас Занзибар находится накануне большого события – обсуждения и принятия новой конституции. Коренной ломке подвергается государственный аппарат страны. Из него удаляются эксплуататорские элементы <...>

Член кабинета министров Твала <...> сказал: «Наша революция уничтожила монархический бюрократический аппарат султана. Это не означает, что все служащие старого правительства смещены – многие, кто поддержал революцию, работают с нами. Каковы планы на будущее? Прежде всего, если так можно сказать, ‘занзибаризация’. Это означает, что все, в том числе, конечно, и представители национальных меньшинств стра-

ны, смогут принять широкое участие в строительстве новой республики. Я имею в виду арабов и индейцев. Вместе с тем совершенно ясно, что африканцы, которые раньше дискриминировались, займут достойное место во всех областях экономического, культурного и государственного строительства”.

Занзибарцы с гордостью также отмечают рост международного авторитета своей страны. На местном аэродроме ежедневно приземляются самолеты, привозящие сюда дипломатов самых разных стран. С большим удовлетворением здесь встретили известие о том, что Советский Союз уже назначил временного поверенного в делах. Республика установила дипломатические отношения с ГДР, что получило широкий отклик во всей Восточной Африке» [20].

В большой статье Т. Колесниченко «Занзибар: уроки и перспективы» от 11 марта события рассматриваются на фоне национально-освободительного движения на континенте. Но и там среди прочего – опять же о прогрессивном характере преобразований в островном государстве:

«Западным обозревателям, уныло комментирующим новости с Занзибара, приходится признать: это – подлинная революция, а не “банановый или гвоздичный путч”. Султанат и прежнее правительство были свергнуты в результате организованного выступления народных масс. Его возглавила партия «Афро-Ширази», представляющая интересы большинства населения острова. Только на последних выборах она получила более 60 процентов голосов всех избирателей. Ее лидеры Абейд Каруме, Касим Ханга в течение долгих лет последовательно выступали за уничтожение колониализма и феодализма. Выполнение выдвинутой ими программы, по существу, явилось началом национально-освободительной, антиимпериалистической, антифеодальной революции, в основе которой лежит борьба за действительную свободу, экономическую независимость и коренные социальные преобразования.

Объявив Занзибар Народной республикой, революционное правительство вырабатывает сейчас программу переустройства жизни страны. Как рассказывали занзибарские руководители, партия “Афро-Ширази”, выражая мнение народа, не только уничтожит феодальные отношения, но и покончит с капиталистической эксплуатацией на Занзибаре. Все земли Занзибара национализуются и становятся государственной собственностью. Об этом заявил 8 марта на массовом митинге президент Народной Республики Занзибар А. Каруме. Он подчеркнул, что решение о национализации всех земель на Занзибаре вступает в силу немедленно»[21].

И о месте занзибарской революции в процессе деколонизации Африки:

«Влияние занзибарской революции на Африку исключительно велико. И если говорить о ее перспективах, то необходимо прежде всего

иметь в виду те страны, где колонизаторы еще правят: Мозамбик, Анголу, Южную Родезию, расистский застенек ЮАР. Для тех, кто не хочет уйти из Африки добром, пример Занзибара служит грозным предостережением, а для народов последних колоний – источником надежды и революционного опыта... Занзибар показал, что только в тесной связи с массами, только выражая их интересы, политические партии и лидеры Африки могут добиться больших успехов за действительную независимость» [21].

Спустя месяц с небольшим, в материалах, посвященных объединению Занзибара с Танганьикой, Т. Колесниченко прямо пишет о социалистическом выборе островного государства: «... Потребуется, очевидно, большая борьба, чтобы народ не только не потерял свои революционные завоевания, но и упрочил их. Западная печать не скрывает, что колонизаторы, напуганные социалистическим курсом Занзибара, надеются использовать свои позиции для давления на правительство и поворота вправо. Но не такие планы у народов Танганьики и Занзибара» [22].

На самом деле так и случилось: в рамках нового государства – Объединенной Республики Танзании – социалистический курс Занзибара оказался в значительной мере подкорректирован [23].

Фокус надежды в верхах СССР на социалистический выбор в Восточной Африке переместился в Кению. Как раз в апреле 1964 г. в СССР две недели находилась партийно-правительственная делегация этой страны. Делегацию возглавлял просоветски настроенный вице-председатель правящей партии КАНУ министр внутренних дел Огинга Одингга. Делегацию принимали в СССР на самом высоком уровне. Визит широко освещался в «Правде».

В опубликованном газетой советско-кенийском коммюнике по результатам визита большое место занимает перечисление достигнутых договоренностей о помощи СССР в строительстве целого ряда промышленных и сельскохозяйственных объектов, о предоставлении кредитов, строительстве госпиталя и технического колледжа в качестве подарков правительству и народу Кении. В коммюнике подчеркивалось:

«Обе стороны с удовлетворением отметили, что отношения между Советским Союзом и Кенией, народ которой в мужественной борьбе против колониализма завоевал свободу и независимость, успешно развиваются на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимного уважения. Было выражено стремление всемерно укреплять узы дружбы между двумя странами. Советский народ решительно поддерживает усилия кенийского народа и правительства во главе с национальным героем Джомо Кениатой в справедливой борьбе против империализма и неоколониализма, за упрочение независимости и развитие национальной экономики и культуры Кении <...>

В ходе обмена мнениями было отмечено полное совпадение точек зрения по вопросу о необходимости оказания всемерной поддержки борьбе народов, все еще находящихся под гнетом колониализма, в частности народам Анголы, Мозамбика, «португальской» Гвинеи и испанских колоний в Африке, ведущим мужественную борьбу против колонизаторов. Была решительно осуждена также расовая дискриминация и зверские расправы властей ЮАР и Южной Родезии над коренным африканским населением, ведущим борьбу за свою свободу. Кенийская делегация заявила, что она высоко оценивает дружественную и бескорыстную поддержку, оказываемую Советским Союзом странам Африки, а также африканскому национально-освободительному движению» [24].

Заключительным аккордом визита делегации Одинги в СССР явилось письмо Джомо Кениаты Хрущеву, опубликованное на страницах «Правды». В нем говорилось: «Господин премьер-министр, меня очень ободрил великодушный отклик вашего правительства на нужды народа Кении. Я полностью разделяю Вашу заботу о том, чтобы эта помощь пошла на пользу африканским народным массам, которые в прошлом подвергались жестокой колониальной и империалистической эксплуатации. Мы также связаны обязательством исходить из принципа ликвидации экономической эксплуатации человека человеком, и я не сомневаюсь, что строительство промышленных и других объектов, предусмотренных в соглашении, явится мощным фактором, способствующим развитию социализма в Кении» [25].

Радужным надеждам руководства СССР на развитие крепкой дружбы с Кенией и строительство там социализма сбыться не пришлось. В 1965 г. внутривнутриполитическая ситуация в Кении изменилась, обострилась борьба между правым и левым крылом в правительстве и руководстве партии. Переломным событием в изменении политических сил в Кении стала мартовская конференция партии 1966 г. Она знаменовала собой победу правых. Огинга перестал быть вице-президентом партии, а затем и вице-президентом страны. Соответственно резко ухудшились и советско-кенийские отношения [26].

Таким образом, процесс деколонизации Восточной Африки нашел достаточно подробное отражение в газете «Правда». Советского читателя информировали в самом общем виде о странах континента, о том, как проходит деколонизация, о проблемах, стоящих перед молодыми государствами, о тяжелом наследии колониализма. Деколонизация стран региона подавалась как важная составляющая деколонизации всего африканского континента.

Ссылки

1. Правда. 1961. 2 ноябр.
2. Правда. 1961. 30 июля.
3. Правда. 1962. 5 янв.
4. Правда. 1962. 9 дек.
5. Правда. 1962. 9 окт.
6. Правда. 1963. 9 окт.
7. Правда. 1963. 12 дек.
8. Правда. 1963.13 дек.
9. Правда.1964. 1 февр.
10. Правда. 1963. 11 дек.
11. Правда. 1964. 13 янв.
12. Правда. 1964. 16 янв.
13. Правда. 1964. 18 янв.
14. Правда. 1964. 19 янв.
15. Правда. 1964. 20 янв.
16. Правда. 1964. 21 янв.
17. Правда. 1964. 27 янв.
18. Правда 1964. 4 февр.
19. Правда. 1964. 5 февр.
20. Правда. 1964. 11 марта.
21. Правда. 1964. 11 марта.
22. Правда. 1964. 28 апр.
23. Балезин А. С. СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой (по архивным источникам) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 1. С. 54-66. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-54-66
24. Правда. 1964. 18 мая.
25. Правда. 1964. 10 июля.
26. Балезин, А. С. СССР - независимая Кения. Короткий «медовый месяц» (1963-1966 годы) / А. С. Балезин // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 93-99. DOI: 10.31857/S013038640004251-4

Italian Awards of the First World War

M. V. Koltsov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -178-189

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the description of Italian awards (crosses, medals, badges and diplomas) established during and following the First World War. The author tells about the history of the institution, appearance, materials of manufacturing and main occurring variants of Italian award for the combatants (for bravery, injury or participation in a world conflict) and civilians (relatives of personnel killed in war service), as well as the specifics of awarding the Cavaliers.

Keywords: Italy; First World War; cross; medal; badge; obverse; reverse; mint stamp; ribbon; bar

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koltsov, Mikhail V. | E-mail: votan-mk@mail.ru
| Cand. Sc. (History)

Итальянские награды Первой мировой войны

М. В. Кольцов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-178-189
УДК 94(450)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена описанию наград Италии (кресты, медали, знаки и дипломы), учреждённых в ходе и по итогам Первой мировой войны. Автор рассказывает об истории учреждения, внешнем облике, материалах изготовления и основных встречающихся вариантах итальянских наград для военных (за храбрость, ранения или за участие в мировом конфликте) и гражданских лиц (родные и близкие погибших воинов), а также специфике награждения кавалеров.

Ключевые слова: Италия; Первая мировая война; крест; медаль; знак; аверс; реверс; клеймо; лента; планка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольцов, Михаил Вячеславович

E-mail: votan-mk@mail.ru

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории

23 мая 1915 г. Италия, являясь с 1882 г. участником Тройственного союза, вступила в Первую мировую войну на стороне противоположного блока – Антанты. К этому времени у государства, возникшего на карте Европы всего лишь в 1861 г., действовала вполне сложившаяся наградная система, которая была представлена орденами и медалями, как существовавшими со времён Савойско-Сардинского государства, так и появившимися после объединения страны. Это были, например, ордена «Святого Благовещения или Аннунциаты» (1362 г.), «Святых Маврикия и Лазаря» (1572 г.), «Короны Италии» (1868 г.). Наградами за воинские заслуги и подвиги были «Савойский военный орден» (1815 г.), а также три степени «Медали за воинскую доблесть» («Золотая» и «Серебряная» – 1793 г., «Бронзовая» – 1887 г.).

В годы Первой мировой войны и сразу после её окончания итальянская наградная система была дополнена значительным количеством наград, памятных знаков и дипломов. Их можно разделить на четыре группы: 1) кре-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

сты за воинские заслуги; 2) награды для ветеранов, как военных, так и гражданских; 3) знаки для раненых и увечных военнослужащих; 4) награды для членов семей погибших воинов, включая матерей, вдов и детей. Следует отметить, что в данной статье речь пойдёт именно об официальных наградах, учреждённых королевскими решениями, тогда как масса ведомственных или общественных медалей, знаков и значков остаётся за пределами нашего исследования.

Первая мировая война с её невиданным ранее масштабом боевых действий, гигантских разрушений, затрат и потерь в призывных миллионных армиях поставила перед наградными системами стран-участниц целый ряд новых задач. В частности, это необходимость отмечать и поощрять во всё более возрастающих объёмах случаи воинского героизма, что нашло отражение в учреждении новых и беспрецедентном росте количества вручений уже существовавших наград за храбрость. Со своей стороны Италия, вступив в войну, оказалась в ситуации, при которой массовый характер награждений «Савойским военным орденом» и тремя степенями «Медали за воинскую доблесть» был априори невозможным. В связи с этим Италия решила воспользоваться опытом своих союзников по войне, например таких, как Франция и Бельгия (в 1915 г. здесь появились награды с одинаковым названием – «Военный крест»), и учредить «Крест военных заслуг» (*Croce al merito di guerra*). Указ короля Виктора Эммануила III № 205 от 19 января 1918 г. гласил, что к кресту могут быть представлены военнослужащие, соответствующие одному из следующих критериев: 1) не менее одного года воинской службы и участия в операциях на суше, море или в воздухе; 2) боевое ранение и получение соответствующего знака; 3) повышение по службе на основании упоминания о воинских заслугах; 4) совершённый воинский подвиг, но недостаточный для представления к «Медали за воинскую доблесть» [1]. Подчеркивалось, что действие указа распространяется и задним числом, то есть на весь период участия Италии в войне, начиная с мая 1915 г.

«Крест военных заслуг» представляет собой бронзовый прямой крест размером 37 на 37 мм. Своей формой (так называемый «греческий») крест отсылает к гербу правящей Савойской династии, который в то время был также размещён в центре государственного флага. Аверс награды включает в себя следующие элементы: на верхнем луче – увенчанный короной вензель короля Виктора Эммануила III, на вертикальных лучах – надпись «MERITO DI GUERRA» («Военные заслуги»), а на нижнем – римский меч гладиус, обрамлённый дубовой ветвью с листьями и желудями (фото 1)¹. В центре реверса «Креста военных заслуг» помещена пятиконечная звезда, от которой расходятся расширяющиеся лучи, символизирующие сияние (фото 2). Следует отметить, что в специализированной литературе и сообществах коллекционеров существует путаница с определением аверса и реверса данной награды, по крайней мере, её варианта времён Первой ми-

¹ Иллюстрации к статье доступны на внешнем ресурсе. URL: https://vk.com/album246912365_291754157 (дата обращения: 12.03.2023).

ровой войны. Однако в указе об учреждении креста говорится именно о такой последовательности изображений на аверсе и реверсе, которая была указана выше [1]. Крепление «Креста военных заслуг» представляет собой слегка сплюснутый шарик на ножке (*arriccagnolo*) с продетой сквозь него треугольной скобой, через которую продевалась лента для ношения. Её изначальной цветовой комбинацией было сочетание одиннадцати вертикальных синих и белых полосок – шесть и пять соответственно (фото 3). Через три месяца произошло изменение ленты, на которой осталось всего пять полосок: три широких синих и между ними две более узких белых (фото 1). Кавалерам предписывалось носить на левой стороне груди только один «Крест военных заслуг». В случае второго и третьего награждения указ предписывал помещать на ленте креста одну или две бронзовые короны шириной 6 мм (фото 4). Впоследствии этот принцип был изменён: за второе – четвёртое награждения следовало носить на ленте одну, две или три бронзовые, за пятое – седьмое – одну, две или три серебряные, а за восьмое – десятое – одну, две или три золотые короны [2].

К «Кресту военных заслуг» полагался наградной аттестат, который выдавался тем ведомством или подразделением, от имени которого делалось представление, например военным (фото 5) или военно-морским министерством. Королевский указ гласил, что вручение и самих крестов, и лент для их ношения должно быть бесплатным, то есть за счёт государства [1]. Однако, учитывая относительно позднее время учреждения награды и традиционные бюрократические проволочки, большая часть кавалеров получила свои аттестаты и кресты уже после окончания войны.

В связи с тем что «Крест военных заслуг» производился значительным количеством фирм и мастерских существует значительное количество вариантов этой награды. Они могут различаться составом (и, как следствие, цветом) бронзового сплава, небольшими отклонениями от официально установленного размера 37 на 37 мм, типами крепления креста, когда шарик на ножке (*arriccagnolo*) и треугольная скоба, через которую продевается лента, могут быть как разными деталями, так и единым целым. Кроме того, некоторые из производителей клеймили выпущенные ими кресты. Клеймо, как правило, ставилось на аверсе справа от рукоятки меча между двумя листьями дубовой ветви. Помимо многочисленных так называемых «анонимных» вариантов (без клейм) существуют кресты с клеймами в виде коронованной буквы «Z» (*Regia Zecca di Roma* – Королевский монетный двор в Риме), «J» и «SJ» (миланская фирма Стефано Джонсона), а также «F.M.L.» (миланская фирма братьев Филиппо и Микеле Лориоли). Кроме того, встречаются клейма в виде литер «A», «B», «F», «FZ», «H», «M», «P», «R» (фото 6, 7, 8). Существуют, по крайней мере, две основные точки зрения по поводу значения данных букв: 1) это обозначение городов, где был отчеканен данный крест (например, «F» – это Флоренция, «M» – Милан, а «R» – Рим); 2) это клеймение производителей вне зависимости от их географического расположения [2].

Вскоре после окончания Первой мировой войны было принято решение выделить ту часть кавалеров, которые получили «Крест военных заслуг» за воинский подвиг, который тем не менее был недостаточным для представления к «Медали за воинскую доблесть». С этой целью королевским указом № 195 от 7 января 1922 г. был учреждён «Крест за воинскую доблесть» (*Croce di guerra al valore militare*). Своим размером, формой, материалом и лентой он полностью повторял «Крест военных заслуг» (фото 9), но на ленте полагалось носить специальный бронзовый знак в виде римского меча, клинок которого обвивает лавровая ветвь (фото 10). Рукоять меча в виде орлиной головы, а на гарде помещен традиционный савойский девиз «FERT» – аббревиатура фразы на латыни «*Fortitudo Eius Rhodum Tenuit*» – «Его отвага спасла Родос». В качестве демонстрации особой значимости награды указ предписывал кавалерам не ограничивать количество носимых на левой груди крестов, которое должно было соответствовать числу награждений [3].

Следует отметить, что «Крест военных заслуг» и «Крест за воинскую доблесть» (правда уже как *Croce al valore militare*), пережив фашистский режим, Вторую мировую войну и смену королевской символики на республиканскую, продолжают существовать и в современной наградной системе Италии.

Вторая группа интересующих нас наград была предназначена для ветеранов, как военных, так и гражданских. Примечательно, что участие Италии в Первой мировой войне преподносилось государственно-патриотической пропагандой как своеобразное продолжение Рисорджименто² и борьбы за «неискупленную Италию» (*Italia Irredenta*). Именно так определялись территории, которые по-прежнему оставались под контролем Австро-Венгерской монархии: Альто Адидже (Южный Тироль), Тренто, Триест и др. Поэтому не случайно, что 21 мая 1916 г. для всех итальянцев, кто принимал участие в боевых действиях, была учреждена специальная награда. Королевский указ № 641 определял её как специальный знак для военнослужащих армии, флота и других военизированных формирований, кто «*sopportato fatiche di guerra dell'attuale campagna*» – «пережил тяжёлые военные условия текущей кампании» [4]. Знак представлял собой планку или ленту шириной 37 мм, которую следовало носить на левой стороне груди. Цвета ленты – восемнадцать вертикальных зелёных, белых и красных полосок, которые шесть раз последовательно повторяли цвета итальянского флага (фото 11). Данная цветовая комбинация была полностью аналогична ленте «Памятной медали Войн за Независимость и Объединение Италии», учреждённой ещё в 1865 г. [5]. Таким образом, власть проводила прямую аналогию между войнами эпохи Рисорджименто и текущим конфликтом, который, следовательно, велся за земли «неискуплённой Италии». Указ № 641 предписывал

---

² Рисорджименто (в переводе с итальянского – «обновление», «возрождение») – национальное движение, боровшееся за освобождение от иноземного присутствия и за объединение Италии в XIX в.

отмечать на знаке 1916 г. серебряными звёздочками каждый год службы во время войны.

Похожие знаки были учреждены не только для военных, но и для служащих гражданских ведомств. Первый из них предназначался для моряков торгового флота (учреждён королевским указом № 150 от 17 января 1918 г.), второй – для служащих государственных железных дорог (учреждён королевским указом № 665 от 3 мая 1918 г.). Оба имели аналогичную для знака 1916 г. форму и способ ношения. Лента первого состояла из одиннадцати вертикальных синих и белых полосок (фото 3), второго – из трёх широких красных и расположенных между ними двух узких белых полос (фото 12).

К тематике Рисорджименто и «неискупленной Италии» явно относились и другие награды, учреждённые по итогам Первой мировой войны для её ветеранов. Первой из них стала «Памятная медаль Итало-австрийской войны 1915–1918» (*Medaglia commemorativa della guerra Italo-Austriaca 1915–1918*), учреждённая королевским указом № 1241 от 29 июля 1920 г. [6]. Уже из названия очевидно как итальянские власти позиционировали недавно завершившийся конфликт: не Великая, не Мировая, а именно Итало-австрийская война. Однако, поскольку указ предписывал чеканить медаль из захваченных австрийских орудий (что, видимо, вряд ли было реализовано в полной мере), она больше известна под своим неофициальным названием, появившимся в армейской среде – «*Bronzo nemico*» («Бронза врага»). Автором проекта медали, которая имеет стандартный диаметр 32 мм, был известный скульптор Сильвио Каневари. На аверсе он поместил профиль короля Виктора Эммануила III в военной форме и каске, а также легенду (круговую надпись) «*GUERRA PER L'UNITÀ D'ITALIA 1915–1918*» («Война за Объединение Италии 1915-1918»), разделённую тремя дубовыми веточками (фото 13). Справа от профиля короля стоит клеймо медальера – «*S. CANEVARI*». В самой нижней части аверса или сразу под королевским профилем могло ставиться клеймо производителя: «*S J*» (миланская фирма С. Джонсона), «*F L & C M*» (миланская фирма братьев Ф. и М. Лориоли и Рикардо Кастелли), «*SACCHINI – MILANO*» (миланская фирма Эмилио Саккини), «*M. NELLI INC*» (флорентийская фирма Марио Нелли), «*S.I.M*» или «*S.I.M. ROMA*» (Итальянское общество медали в Риме). Также встречаются «анонимные» варианты медали, в том числе нестандартного диаметра 33 мм, без клейма медальера и производителей.

На реверсе «Памятной медали Итало-австрийской войны 1915–1918» изображена крылатая богиня Победы, стоящая на щитах, поддерживаемых солдатами. Легенда свидетельствует о происхождении материала, из которого должна быть изготовлена медаль: «*CONIATA NEL BRONZO NEMICO*» – «Отчеканена из бронзы врага» (фото 14). Через типичное для итальянских медалей широкое трапециевидное ушко (*cambretta*) продевалась лента с хорошо известной нам цветовой комбинацией: 18 узких зелёных, белых и красных полосок, 6 раз повторяющих цвета итальянского флага. Медаль и наградной аттестат к ней (фото 15) полагались всем итальянским военнос-

лужащим, а также представителям союзнических армий, кто, как минимум, в течение четырёх месяцев находился в зоне боевых действиях на Итальянском фронте, а также за пределами страны (Додеканесские острова, Албания, Сирия, Палестина) в период с 23 мая 1915 г. по 2 августа 1920 г. Последняя дата – это время подписания Итало-албанского соглашения, в соответствии с которым итальянские оккупационные войска должны были покинуть территорию Албании. На ленте медали, которую получили около 1,8 млн человек, размещались бронзовые планки (длиной 38 мм и шириной 6 мм) в виде лавровых листьев, перевязанных в центре лентой с датами участия кавалера в Первой мировой войне. Всего планок было шесть: четыре с датами «1915», «1916», «1917», «1918» (фото 16) и две с надписью «Albania 1919» и «Albania 1920» (фото 17).

«Памятная медаль Итало-австрийской войны 1915–1918 для торгового флота» (*Medaglia commemorativa della guerra Italo-Austriaca 1915-1918 per la marina mercantile*), учрежденная королевским указом № 1786 от 15 июля 1923 г., предназначалась для экипажей кораблей торгового флота, которые прослужили не менее года, «неся тяготы и риски войны» [7, р. 116]. Аверс и реверс медали, а также бронзовые планки с датами полностью соответствовали «Памятной медали Итало-австрийской войны 1915–1918» (фото 14, 15, 16). Однако носилась она на ленте цветов знака 1918 г. (фото 13). Аналогичная медаль для служащих государственных железных дорог официально так и не была учреждена. Однако лица, награждённые «Знаком Итало-австрийской войны 1915–1918 для служащих государственных железных дорог», предпочитали неофициально носить на ленте медаль «*Bronzo nemico*» [7, р. 117].

Следующая итальянская медаль для участников Первой мировой войны была реализацией коллективного решения, принятого в стане победителей. По инициативе главнокомандующего вооружёнными силами Антанты французского маршала Фердинанда Фоша в ходе Парижской мирной конференции всем странам-победительницам было рекомендовано учредить союзническую «Медаль Победы» общего внешнего вида. Медаль должна была иметь одинаковый для всех стран размер диаметром 36 мм, материал изготовления (бронза) и ленту цветов радуги. На аверсе должно было помещаться аллегорическое изображение Победы в виде женской фигуры с крыльями. При этом у каждой страны мог быть свой образ Победы. На реверсе располагалась надпись «Великая война за цивилизацию» на языке соответствующей страны и даты «1914–1918» (в редких случаях «1914–1919»). Всего «Медаль Победы» учредили 14 государств и доминионов: Бельгия, Бразилия, Великобритания, Греция, Италия, Куба, Португалия, Румыния, Сиам, США, Франция, Чехословакия, Южно-Африканский Союз и Япония. Итальянский вариант – «Памятная медаль Победы» (*Medaglia commemorativa della vittoria*) – был учрежден 16 декабря 1920 г. королевским указом № 1918 [8]. Автором проекта медали выступил известный скульптор Гаэтано Орсолини, а непосредственным резчиком – гравёр Джованни Вилла. На аверсе медали Побе-

да в виде женской фигуры с крыльями и факелом в правой руке изображена стоящей на колеснице, запряжённой четырьмя львами (фото 18). В нижней части аверса слева и справа находятся клейма автора «G. ORSOLINI MOD.» и соответственно производителя. Чаще всего это «S. JOHNSON MILANO» (миланская фирма С. Джонсона), «SACCHINI – MILANO» (миланская фирма Э. Саккини), «F.M. LORIOLI & CASTELLI MILANO» (миланская фирма братьев Ф. и М. Лориоли и Р. Кастелли). Также встречаются анонимные варианты медали – с клеймом одного лишь медальера или же совсем без клейм [9].

В центре реверса «Памятной медали Победы» изображён античный трипод или треножник, который венчают два летящих в противоположные стороны голубя с оливковыми ветвями в клювах. В верхней части помещена надпись «GRANDE · GUERRA · PER · LA · CIVILITÀ» («Великая война за цивилизацию»), в нижней – «AL · COMBATTENTI · DELLE · NAZIONI ALLEATE · ED · ASSOCIATE» («Воинам союзных и объединённых наций»). Справа и слева от треножника римские цифры «MCMXIV» и «MCMXVIII» (фото 19). На медалях производства фирм С. Джонсона и Э. Саккини есть клеймо гравёра «G. VILLA · INC.» справа от возвышения, на котором стоит треножник. С помощью трапециевидного ушка (cambretta) медаль носилась на ленте семи цветов радуги, расходящихся в обе стороны от центрального красного цвета. Кроме того, по обоим краям ленты шли тонкие белые полоски. Право на награждение медалью получили все, кто уже имел знак 1916 г. или прослужил не менее четырёх месяцев в зоне боевых действий. В дальнейшем были охвачены и другие категории, например моряки торгового флота. Всего около 2,2 млн награждений, включая бесплатно выдаваемую медаль и наградной аттестат (фото 20) [10, р. 216].

По итогам Первой мировой войны Италия смогла присоединить к своим владениям часть территорий, относившихся к «неискуплённой Италии» – Трентино, Триест, Горицию. Это позволило не только определить участие Италии в мировой войне как Четвёртую войну за Независимость, но и учредить 19 января 1922 г. королевским указом № 1229 «Медаль в память Объединения Италии 1848–1918» (Madaglia a ricordo dell'Unità d'Italia 1848–1918). Своим названием, внешним видом и лентой она отсылала к другим медалям, учреждённым по итогам объединения Италии: «Памятной медали Войн за Независимость и Объединение Италии» 1865 г. и «Медали в память Объединения Италии» 1883 г. [5].

Право на получение «Медали в память Объединения Италии 1848–1918» имели не только ветераны войны 1915–1918 гг., но и гражданские лица, способствовавшие присоединению земель «неискуплённой Италии». Медаль чеканилась из бронзы и имела диаметр 32 мм. На аверсе изображён профиль (голова) Виктора Эммануила III и легенда «VITTORIO EMMANUELE III RE D'ITALIA» – «Виктор Эммануил III король Италии» (фото 21). Основным производителем медали была флорентийская фирма Марио Нелли. На отчеканенных здесь экземплярах в нижней части аверса справа и слева от королевского профиля стоят клейма производителя и автора проекта –

«MARIO NELLI INC. S. RIVALTA MOD.» («Марио Нелли гравёр по модели Карло Ривальта»). Гораздо реже встречаются медали с клеймами других, в том числе известных нам производителей («S.J.», «L.M.»), либо анонимные неклеимённые варианты. На реверсе медали располагается надпись «UNITÀ D'ITALIA 1848–1918» («Объединение Италии 1848–1918») в обрамлении лавровых ветвей, перевязанных лентой (фото 22). В нижней части реверса фирма М. Нелли ставила клеймо «CBC», что означает «Casa di Benvenuto Cellini», то есть дом Бенвенуто Челлини во Флоренции. С помощью традиционного ушка типа *sambretta* к медали крепилась лента цветов итальянского флага: в центре – зелёная полоса шириной 11 мм, по краям которой по две полоски красного и белого цветов шириной 5,5 мм каждая. В связи с необходимостью финансовой поддержки «Национальной ассоциации матерей и вдов, павших в войне» (*Associazione nazionale madri e vedove dei caduti in guerra*), королевским указом № 1362 от 19 октября 1922 г. этой организации было передано право продавать «Памятную медаль Объединения Италии 1848–1918» тем, кто имел право на её ношение, по цене не превышающей 3,5 лиры [10, р. 197]. Медали, выпущенные от имени ассоциации, отличались тем, что на реверсе под датами «1848–1918» помещалось сокращённое название ассоциации: «ASS. NAZ. MADRI E VEDOVE DEI CADUTI» (фото 23). Вместе с медалью шёл и небольшой сертификат в виде марки (фото 24), которую следовало приклеивать к наградному аттестату знака 1916 г. (фото 25) или «Памятной медали Итало-австрийской войны 1915–1918».

24 мая 1923 г. королевским указом № 1163 была учреждена «Медаль за заслуги для добровольцев Итало-австрийской войны 1915–1918» (*Medaglia di benemerenza per i volontari della guerra Italo-Austriaca 1915–1918*). Она чеканилась из бронзового сплава, имела традиционный для Италии размер (32 мм) и ушко типа *sambretta*. Автор – скульптор и гравёр Публио Морбидуччи. На аверсе он изобразил женскую голову в короне муралис (символическая Италия) и надпись «· PER · L'ITALIA ·» – «За Италию» (фото 26). На реверсе – две фигуры: одна из них – задрапированная женская, символизирующая мать, вторая – обнажённая мужская с мечом и щитом в руках, олицетворяющая добровольца, стремящегося на войну. Легенда – «· VOLONTARI · DI · GUERRA · MCMXV-MCMXVIII» – «Добровольцы войны 1915–1918» (фото 27). Лента медали – красно-алая, оттенка «сольферино». Помимо ряда анонимных неклеимённых вариантов, чьих производителей сложно установить, существует, по крайней мере, 6 типов медали, имеющих под изображением женской головы на аверсе авторское клеймо «P. MORBIDUCCI». Это два варианта производства С. Джонсона: 1) «S.J.» на аверсе и «JOHNSON – MILANO» под ногами фигур на реверсе; 2) «JOHNSON – MILANO» только на реверсе. Далее это медали производства Э. Саккини («SACCHINI – MILANO» на реверсе) и Лориоли-Кастелли («FM. LORIOLI E CASTELLI» на реверсе). И, видимо, два более поздних по времени производства варианта: 1) с арабскими, а не римскими цифрами «1915–1918» на реверсе; 2) не из бронзы, а из дешевого цинкового сплава (*Zama*) с клеймом «CGSA»

(«Castelli e Gerosa Societa Anonima» – миланская компания Кастелли-Дже-роса) [7, p. 136].

Право на награждение «Медалью за заслуги для добровольцев Итало-австрийской войны 1915–1918» получили следующие категории: 1) добровольцы, зачисленные в армию или флот не менее чем за четыре месяца до срока их официального призыва; 2) военнослужащие, признанные негодными к дальнейшей службе по причине ранений или болезней, но добровольно вернувшиеся в состав армии или флота; 3) законно освобождённые от воинской службы, которые не менее чем за пять месяцев до 4 ноября 1918 г. добровольно записались в армию или флот; 4) лица, не подлежащие призыву по возрасту, но добровольно вступившие в армию и флот и служившие в зоне боевых действий [11]. Впоследствии право на получение медали получили добровольцы, погибшие или раненные в бою, а также награждённые «Савойским военным орденом» или «Крестом военных заслуг», даже если их служба началась позже указанных выше сроков.

Появление третьей интересующей нас группы наград было обусловлено тем фактом, что в ходе Первой мировой войны наградные системы стран-участниц столкнулись со всё более очевидной ввиду огромных военных потерь необходимостью отмечать или поощрять тех военнослужащих, которые получили ранения, контузии или отравления газами. Если не брать в расчёт появившийся в апреле 1916 г. во французской армии шеврон за ранение, имеющий отношение скорее к униформологии, чем к фалеристике, то именно в Италии раньше, чем в какой-либо из стран – участниц Первой мировой войны, появился специальный наградной знак за полученное боевое ранение. Он был учреждён королевским указом № 640 от 21 мая 1916 г. как «Почётный знак за военное увечье» (*Distintivo d'onore per i mutilati in guerra*) и был предназначен для тех военнослужащих, кто в ходе боевых действий получил не просто ранение, а серьёзное увечье, включая потерю одной из конечностей [4]. Это был носимый на левой стороне груди серебряный знак сложной округлой формы, напоминающей фигурный геральдический щит. В верхней и нижней части знака расположены символы итальянской государственности периода монархии – пятиконечная звезда и герб Савойской династии. В центре знака в обрамлении венка из лавровой и дубовой ветвей находится надпись «MUTILATO IN GUERRA» («Получивший увечье в войне») и одна из трёх дат: «1915–16» «1915–17» «1915–18», где первое число обозначало год вступления Италии в войну, а второе – время вручения знака. В левой нижней части размещалось клеймо медальера Атилио Мотти – «A. MOTTI» (фото 28). На реверсе знака размещалось крепление в виде заколки, а также клеймо производителя. Чаще всего это был Королевский монетный двор в Риме – «R. ZECCA», или же клеймо отсутствовало совсем (фото 29).

Несмотря на чёткие условия награждения, «Почётный знак за военное увечье» стал вручаться и тем, кто получил более лёгкие ранения. В связи с этим в 1917 г., явно используя франко-британский опыт, в итальянской армии был введён «Знак за ранение в войне» (*Distintivo di ferito in guerra*),

который представлял собой серебряный прямоугольный шеврон, носимый на верхней части правого рукава военного мундира (фото 30).

Четвёртой, заключительной в рамках данной статьи группой, стали награды для членов семей погибших воинов, включая вдов, матерей и детей. Значительные военные потери Италии в Первой мировой войне, которые составили более 578 тыс. человек привели к необходимости учреждения 19 января 1918 г. памятного почётного диплома, вручаемого семье каждого погибшего итальянского солдата или офицера. Диплом печатался на плотной бумаге размером примерно 32,5 на 49,5 см. Его верхнюю часть занимает аллегорическая композиция из женской фигуры в античных одеждах и короне муралис (символическая Италия) и помогающего ей вносить имена павших в каменные скрижали ангела с крыльями. Справа и слева от фигур – выдержки из поэзии У. Фосколо (1778-1827) и «Энеиды» Вергилия. Центральное место нижней части диплома занимали печатные строки «ALLA MEMORIA DI» («В память») и «MORTO PER LA PATRIA» («погибшего за Родину»), между которыми от руки вписывалось имя павшего итальянского военного (фото 31).

«Медаль национальной признательности матерям павших» (*Medaglia per la gratitudine nazionale alle madri dei caduti*) была учреждена королевским указом № 800 от 24 мая 1919 г. По замыслу она должна была служить выражением признательности со стороны государства тем итальянским матерям, которые потеряли в войне одного сына или более. Речь шла не только о тех, кто был убит на суше или на море, но и умер в результате боевого ранения [12]. Медаль чеканилась из бронзы, имела диаметр 33 мм и ушко типа *cambretta*. На аверсе медали, автором которой был скульптор Джованни Прини, изображена аллегорическая композиция, включающая три фигуры: обнажённого павшего воина, парящую над ним с лавровым венком в руке женскую фигуру (олицетворение Славы) и скорбящую по убитому сыну мать (фото 32). На реверсе медали помещена стихотворная строка поэта Габриэле д'Аннунцио: «IL FIGLIO CHE TI NACQUE DAL DOLORE TI RINASCE O BEATA NELLA GLORIA E IL VIVO EROE "PIENA DI GRAZIA" È TECO» – «Сын, рожденный в муках, ты возродился в блаженстве славы, и жизнь героя продолжается в преисполненных благодарности к нему» (фото 33). Лента медали серого цвета с тремя узкими полосками цвета национального флага посередине (зеленая, белая, красная). В 1921 г. было решено обозначать количество убитых сыновей, если их было более одного, с помощью помещаемых на ленте бронзовых корон. По традиции государство вручало наградной аттестат установленного образца (фото 34), а сама медаль производилась частными фирмами, что объясняет значительное количество её вариантов. Один из них – производства миланской фирмы Э. Саккини – имеет в нижней части аверса клейма «SACCHINI – MILANO» и «G. PRINI – MOD.» Есть, по крайней мере, три варианта медали, произведенных миланской фирмой С. Джонсона: 1) «G. PRINI» на аверсе и «JOHNSON» на реверсе; 2) «G. PRINI» на аверсе и «S.J.» на реверсе; 3) «чистый» аверс и «JOHNSON» на реверсе. Медали

производства братьев Лориоли имели клейма «G. PRINI» на аверсе и «FML» на реверсе. Среди многочисленных анонимных вариантов существуют медали как с клеймом медальера «G. PRINI», так и без него.

Последняя из интересующих нас итальянских наград была учреждена 24 марта 1921 г. королевским декретом № 447. Это «Почётный знак для сирот павших воинов» (*Distintivo d'onore per gli orfani dei caduti in guerra*), который предназначался для детей погибших или умерших от ран итальянских военных и гражданских лиц. Кроме того, указ предполагал награждение сирот тех итальянцев, которые служили в союзных армиях [13]. Это бронзовый знак округлой формы и диаметром около 30 мм. По периметру аверса располагается лавровый венок зелёной эмали, ветви которого сходятся в нижней трапециевидной части награды. В центре знака находится символическое изображение матери (вдовы) и ребёнка, прижимающего к своей груди отцовский меч. В нижней левой части изображения – клеймо медальера «C. RIVALTA» (Карло Ривальта). Под фигурами располагается надпись «ORFANO DI GUERRA» – «Военный сирота» (фото 35). На реверсе располагается крепление в виде заколки, а также клеймо производителя – «F.M. LORIOLI & CASTELLI MILANO VIA BRONZETTI 25» – миланской фирмы Лориоли и Каstellли (фото 36).

Подводя итоги, следует отметить, что в годы Первой мировой войны и по её итогам в Италии была создана самая обширная среди стран-участниц система наград и памятных знаков за ранение и гибель, охватившая не только военнoслужаших, но и членов их семей, включая вдов, матерей и детей. Кроме того, многие из появившихся тогда наград, например за храбрость и воинские заслуги, претерпев соответствующие изменения во внешнем облике и статутах, продолжают своё существование и в современной Итальянской республике.

Ссылки

1. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1918. 23 marzo.
2. Nier T. J. The Italian War Merit Cross (Merito Di Guerra) // Journal of the Orders and Medals Society of America. 2014. Vol. 65. № 1, January-February. P. 4–12.
3. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1922. 7 marzo.
4. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1916. 2 giugno.
5. Кольцов М. В. Медали итальянского Рисорджименто // Вестник ЯрГУ. Серия гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 30–36.
6. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1920. 18 settembre.
7. Bini D. Le medaglie ufficiali militari e civili del Regno d'Italia. Pontedera: CLD Libri, 2008. 222 p.
8. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1921. 26 gennaio.
9. Michels J. P. World War I Victory Medals. 2014. 292 p.
10. Manno R. Il cerchio e la croce. Medaglie e Distintivi di guerra. Parma: Ermanno Albertelli Editore, 2009. 318 p.
11. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1923. 8 giugno.
12. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1919. 31 maggio.
13. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1921. 21 aprile.

*Ad urbem futurum cum exercitu,
introiturum quotienscumque vellet:*
**Cicero on Antonius' Presence Near the City
of Rome in 43 BCE (Phil. 3.27; 5.21–22)**

R. M. Frolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-190-197

Research article
Full text in Russian

In the speeches delivered on 20 December 44 BCE (*Phil.* 3.27) and 1 January 43 BCE (*Phil.* 5.21–22), Cicero refers to Antonius' public statements, according to which the latter planned to stay near Rome with an army and enter the city as he pleased. Cicero must mean the words which concerned Antonius' plans for 43 BCE, when his consulate would end and he would become a proconsul. The episode can be approached as part of a broader analysis of promagistrates' intervention in the political processes in the city of Rome (the sphere *domi*). Cicero's insinuations are not entirely unfounded, even if, in reality, Antonius never intended to enter the city as a proconsul. As the orator outlines an alleged formal violation of rules, he is able to emphasize the proconsul's genuine intention to retain control over the political initiative in the Republic despite the end of his term as consul.

Keywords: Roman Republic; promagistrates; proconsuls; M. Tullius Cicero; M. Antonius (triumvir); sphere *domi*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Frolov, Roman M. | E-mail: frolovrn@yandex.ru
Cand. Sc. (History)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

**Ad urbem futurum cum exercitu,
introiturum quotienscumque vellet:
Цицерон о присутствии проконсула Антония
у города Рима в 43 г. до н. э. (Phil. 3.27; 5.21–22)**

Р. М. Фролов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-190-197
УДК 94(37)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В речах, произнесенных 20 декабря 44 г. до н. э. (*Phil.* 3.27) и 1 января 43 г. до н. э. (*Phil.* 5.21–22), Цицерон упоминает публичные заявления Антония о том, что тот намерен расположиться вместе с армией у Рима и вступить в сам город, если посчитает нужным. Цицерон должен был иметь в виду слова Антония, которые относились к планам на 43 г. до н. э., когда срок его консулата истечет и он станет проконсулом. Эпизод может рассматриваться в ряду других описаний античными авторами вмешательства промагистратов в политический процесс в городе Рима (сферу *domi*). Даже если Антоний в действительности не планировал переходить границу города, инсинуации Цицерона не совсем лишены оснований. В красках описывая предполагаемое формальное нарушение правил, оратор тем самым дополнительно подчеркнул реальные планы проконсула сохранять контроль над политической инициативой в Республике, несмотря на завершение консульских полномочий.

Ключевые слова: Римская республика; промагистраты; проконсулы; М. Туллий Цицерон; М. Антоний (триумвир); сфера *domi*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов, Роман Михайлович | E-mail: frolovrn@yandex.ru
Кандидат исторических наук, декан исторического факультета

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-018).

В эпоху Республики промагистраты не могли выступать в качестве носителей публичной власти в городе Рима, поскольку при пересечении его границы они теряли империй. Даже за пределами города они не должны были осуществлять руководство гражданским коллективом. Прежде всего, это означало, что промагистраты не имели права созывать сенат и ко-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

миции [1, р. 42–44; 2, S. 19]. Тот, кто по праву не мог исполнять должность в городе Рима, не являлся в полном смысле *magistratus populi Romani*¹.

Однако в ряде случаев промагистраты, прежде всего проконсулы, делали попытки активно повлиять на политический процесс в Риме. Анализ этих эпизодов показывает, что для обхода ограничений, препятствовавших прямому личному вмешательству в сферу *domi*, промагистратами использовались как официальные решения гражданского коллектива (например, наделение проконсула Помпея в 57 г.² в качестве куратора анноны правом сохранять империй при вступлении в Рим и полномочиями в одной из важнейших сфер управления городом [4]), так и инструменты неформального влияния (в особенности прямое обращение проконсула к сенаторам, предварительно созванным на официальное или неофициальное собрание фактически по инициативе промагистрата, но номинально по решению одного из магистратов, как это произошло в 32 г. с проконсулом Октавианом ([5]; ср. [6]). Однако даже в такой ситуации промагистраты формально никогда не оспаривали правило о том, что лица их положения теряли власть при пересечении границы города Рима.

Описание Цицероном планов консула Антония на 43 г. (то есть на период, когда он станет проконсулом после завершения консульских полномочий 31 декабря 44 г.) выделяется тем, что в нем вмешательство промагистрата в сферу *domi* эксплицитно оценивается как нарушение сложившейся традиции. В других случаях критика неформального вовлечения промагистратов в качестве активных субъектов в политический процесс в городе Риме выражена менее явно. Это связано, во-первых, с тем, что эта критика исходила от других промагистратов, допускавших те же нарушения и не желавших привлекать к ним излишнее внимание (см., напр., [6]). Во-вторых, неприемлемость таких действий, видимо, была очевидна для современников и не требовала дополнительных комментариев, если для этого не было специальных причин. В случае критики Цицероном Антония даже очевидные нарушения подробно комментируются и обсуждаются, так как оратор не мог позволить себе отказаться от любого имеющегося повода для атаки на своего оппонента.

В III «Филиппике» Цицерон пишет: «Антоний заявил на сходке, что он будет защитником города и собирается держать армию около города до 1 мая. <...> При этом он сказал, что будет входить в пределы города и покидать их, когда захочет»³. Комментируя этот пассаж, Майкл Коортбоджиан отмечает, что Антоний намеревался оставаться со своей армией около Рима до 1 мая 44 г., то есть речь якобы шла о его нахождении рядом

¹ «Wer von Rechts wegen in Rom nicht amtieren konnte, war nicht im eigentlichen und hergebrachten Sinne ein magistratus populi Romani» [3, S. 11].

² Здесь и далее все даты – до н.э.

³ Phil. 3.27: etenim in contione dixerat se custodem fore urbis, seque usque ad Kalendas Maias ad urbem exercitum habiturum <...> et quidem se introiturum in urbem dixit exiturumque cum vellet.

с городом в статусе консула [7, р. 75]⁴. Действительно, хотя Цицерон произнес свою речь 20 декабря 44 г. [9, р. 296], он припоминает *contio* Антония, которая в принципе могла состояться еще до мая того же года, в течение которого Антоний был консулом. Но как отмечают ряд исследователей, такая датировка маловероятна.

Хартвиг Фриш доказывал, что сходка, на которой выступил Антоний и которую имеет в виду Цицерон, состоялась в ноябре 44 г. [10, р. 151]. Энрика Мальковати относил это выступление Антония к июню 44 г. [11, р. 471–472]. Джеффри Суми отмечал, что, поскольку Цицерон произнес III «Филиппику» в декабре 44 г., он скорее должен был сослаться на относительно недавнюю речь Антония [12, р. 139–140]. Гезине Манувальд прямо пишет о том, что высказывания Антония касались его планов на 43 г. Его заявления должны были прозвучать в какой-то момент до октября 44 г., вероятно, весной этого года [9, р. 422].

Франсиско Пина Поло полагает, что высказывания Антония, упомянутые во фрагменте *Phil.* 3.27 и в пассаже *Phil.* 5.21–22 (см. о нем ниже), прозвучали в разное время: первые – в апреле, вторые – в ноябре 44 г. [13, р. 136, 310, п. 354, 311, п. 361]. Сходным образом авторы базы данных FRRO («The Fragments of the Roman Republican Orators») полагают, что одно выступление Антония на сходке (*Cic. Phil.* 3.27) состоялось в конце мая или июне 44 г. (ср. *Cic. Att.* 15.22.1), а другое (*Cic. Phil.* 5.21–22) имело место, вероятно, во время возвращения Антония в Рим в ноябре 44 г. [14]. Так или иначе, обе речи были произнесены Антонием после мая 44 г., а, значит, его обещание оставаться с армией у Рима до 1 мая относилось к 1 мая 43 г., когда Антоний уже стал бы проконсулом.

Я полагаю, что относить намерения Антония оставаться с армией рядом с Римом ко времени его консулата невозможно еще и по той причине, что осуждение Цицероном самого факта нахождения его оппонента вместе с армией рядом с городом в статусе консула было бы крайне странным. Вооруженная охрана города при возникновении такой потребности – обязанность высшего магистрата, исполнение которой можно было только приветствовать, а инсинуации на тему «истинных намерений» консула со стороны Цицерона были бы в этом случае малоубедительными. Тем более странным выглядел бы акцент Цицерона на том, что консул вступает в Рим и покидает его несколько раз (причем именно в таком порядке: *introiturum*, а затем *exiturum*). Напротив, перспектива не просто пребывания проконсула рядом с Римом в течение некоторого времени до отбытия в провинцию (такая практика имела место), но и его вступления в город во главе армии по собственному решению вполне могли вызвать то негодование, на кото-

---

⁴ Возникает впечатление, что Фредерик Верват тоже рассматривает случай Антония так, будто речь идет о его планах войти в город с армией еще в бытность консулом в 44 г. [8, р. 89].

рое явно рассчитывал оратор, поскольку означали бы прямое нарушение ограничений, установленных для действующих промагистратов.

Заявление Антония относительно планов находиться рядом с Римом вместе с армией и входить в город необходимое число раз по своему решению также упоминается в V «Филиппике» (*Phil.* 5.21–22), произнесенной Цицероном 1 января 43 г. [9, p. 536]. Причем в отличие от пассажа *Phil.* 3.27, в тексте *Phil.* 5.21–22 критика Антония именно как проконсула прослеживается уже вне всяких сомнений: «Он посмел сказать на сходке, что, когда закончится срок его магистратских полномочий [курсив мой. – Р. Ф.], он будет находиться у города вместе с войском и будет вступать в Рим всякий раз, когда захочет»⁵. И чуть ниже: «на что он надеялся, как ни привести в окрестности Рима (или вернее в сам Рим), большое войско?»⁶

По замечанию Г. Манувальд, Цицерон превращает заявление Антония о том, что он собирается обеспечить защиту городу, в нечто прямо противоположное («turned by Cicero into its contrary»). «Если бы Антоний разбил лагерь и разместил армию за чертой города <...>, он представлял бы постоянную угрозу, поскольку мог бы получить контроль над городом в любой момент»⁷. Сходным образом по поводу фрагмента *Phil.* 5.21 Г. Манувальд пишет: «Присутствие Антония у города не связывается с защитой последнего (что иронично); рассказ в основном задуман так, чтобы создать впечатление об огромной опасности»⁸.

Выражение *ad urbem* – явное указание на проконсульский статус Антония и невозможность для него пересекать городскую черту (обычно называемую померий). Г. Манувальд справедливо подчеркнула важность противопоставления *ad urbem* / *in urbe* в пассаже *Phil.* 5.22, в котором Цицерон дает понять, что если нахождение проконсула с армией у самого Рима уже подозрительно, то вступление проконсула вместе с солдатами в сам город – совершенно недопустимо⁹. Акцентирование намерения вступить в город, даже несмотря на то что для фактического контроля над Римом Антоний не обязательно должен был входить в него с армией, ясно указывает на то, что Цицерон манипулирует для достижения своих риторических целей публично-правовыми последствиями ожидаемой смены статуса Антония с консульского на проконсульский. Это важное средство для иллюстрации оратором тезиса о том, что Антоний готов пойти на нарушение всех и вся-

⁵ *Phil.* 5.21: *in contione dicere ausus est, se, cum magistratu abisset, ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque vellet?*

⁶ *Phil.* 5.22: *...quae spes, nisi ad urbem vel in urbem potius exercitum maximum adduceret?*

⁷ «If Antonius pitched camp with an army outside the city (*ad urbem*, not *in urbe*; cf. *Phil.* 5.21; 5.22), he would constitute a constant threat, since he might take possession of the city at any time (cf. *Phil.* 3.27 n. on *et quidem se <...> cum vellet*)» [9, p. 422].

⁸ «Antonius' presence outside the city is not connected (ironically) with its protection; the presentation is mainly designed to create a feeling of immense danger» [9, p. 630].

⁹ «[T]he *imperium militiae* (which Antonius would have as a proconsul) only extended up to the border of the city (outside the pomerium), and a general was not allowed to enter the city» [9, p. 423]. Также см. [15, p. 292, n. 107; 16, p. 112].

ческих норм и традиций, включая те, которые регулируют деятельность промагистратов.

В недавней диссертации Даниэль Эммелиус верно отмечает в рассматриваемом пассаже указание на промагистратский статус Антония, но в то же время пишет о том, что для Цицерона важнее показать угрожающие последствия самого факта появления армии в Риме, чем рассуждать по поводу законности применения империя в данной ситуации¹⁰. Однако ничто не мешает предположить, что для Цицерона были важны оба аспекта. Как и Д. Эммелиус, Г. Манувальд, признавая важность проконсульского статуса Антония для аргументации Цицерона, как представляется, недооценивает это обстоятельство. Она отмечает, что фраза *cum magistratu abisset* подчеркивает, что «планы Антония могли быть реализованы, начиная именно с этого дня»¹¹. Однако остается непонятным, каким образом завершение консульских полномочий должно было позволить Антонию немедленно начать реализовывать свои планы. Скорее наоборот, его политические возможности оказались ограничены с 1 января 43 г. Вместо этого замечание *cum magistratu abisset* призвано было однозначно дать понять, что речь идет о будущем проконсуле.

Необходимо отметить еще, как минимум, два аспекта в аргументации Цицерона, связанных с изменением публично-правового статуса Антония с 1 января 43 г. Во-первых, Цицерон подчеркивает, что Антоний планирует входить в Рим и покидать его несколько раз, неоднократно (*quotienscumque*). Но, будучи к тому времени проконсулом, он уже в момент первого пересечения границы города утратил бы империй. Если бы он затем покинул Рим, то использование им империя стало бы незаконным даже в сфере *militiae*. Таким образом, Цицерон показывает готовность Антония не просто нарушить правила, но делать это неоднократно. Причем в репрезентации Цицерона Антоний допускает два типа нарушений: он не только использует проконсульскую власть в городе, но и узурпирует власть проконсула за пределами города, когда снова покидает Рим¹².

Второй важный аспект в построениях Цицерона – мысль о том, что Антоний готовится принимать решение о вступлении в город самостоятельно (*cum vellet*). В отличие, например, от событий 52 г., когда проконсул Помпей получил санкцию сената на вмешательство в ситуацию в городе Риме [21],

---

¹⁰ «Der Kontext legt jedoch nahe, dass die Drohung sich auf einen tatsächlichen Einmarsch mit einem Heer bezog und es bei diesen Aussagen nicht um eine juristische Frage zum *imperium* ging» [17, S. 189, Anm. 647].

¹¹ «Antonius' plans might be realized from this very day onwards» [9, p. 630].

¹² Однако этот аспект (узурпация империя и действия в сфере *militiae* после выхода из города), по-видимому, менее важен для Цицерона. В пассаже *Phil.* 5.21, где его проконсульский статус подчеркивается эксплицитно, добавление *exiturumque* в рукописях отсутствует, хотя некоторые исследователи предлагали его (или *et exiturum*) восстановить по модели фрагмента *Phil.* 3.27 [18, p. 139–140; 19, S. 466; 20, p. 82]. Видимо, добавлять *exiturumque* не стоит, поскольку главная цель Цицерона – подчеркнуть намерения Антония вмешаться в сферу *domi*.

в изображении Цицерона проконсул Антоний намеревается вступить в Рим и покидать его тогда, когда сам этого захочет. Ценно наблюдение Г. Манувальд о том, что в V «Филиппике» «Будущее положение Антония описывается не с помощью фразы *ad urbem exercitum habiturum*, а с применением выражения *ad urbem futurum cum exercitu*, в результате чего Антоний выглядит более активным и настойчивым»¹³. Сама Г. Манувальд далее не использует это наблюдение, но если согласиться с ним, то можно заметить, что таким построением фразы Цицерон не только показывает (как это очевидно при первом прочтении фрагмента), что армия будет находиться рядом с Римом и что проконсул может воспользоваться ею, чтобы контролировать политическую ситуацию в Риме, но и дополнительно подчеркивает, что Антоний будет действовать в качестве активного субъекта политики, способного к самостоятельной инициативе и не нуждающегося в легитимации своих решений со стороны сената и народа.

Акцентирование Цицероном способности Антония к самостоятельной политической инициативе связывает данный эпизод с другими случаями, в которых промагистраты оказывались напрямую вовлечены в политический процесс в Рим в качестве самостоятельных акторов. Не исключено, что слова оратора по поводу намерения проконсула Антония вступить в сам город и тем самым явно нарушить ограничения, наложенные на власть промагистратов, являются лишь инсинуациями, поскольку такие действия означали бы явное беззаконие без очевидных практических преимуществ для Антония. Но даже если в реальности переходить границу города Антоний не планировал, измышления Цицерона не совсем лишены реальных оснований. В красках описывая якобы планируемое формальное нарушение правил, оратор тем самым мог ярче отразить вполне реальные планы проконсула сохранять неформальный контроль над политической инициативой в Республике, несмотря на завершение консульских полномочий.

Ссылки

1. Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag, 1983. IX, 155 p.
2. Blösel W. *Imperia extraordinaria liberae rei publicae – Studien zur Demilitarisierung der römischen Nobilität*. Habilitationsschrift. Köln: Universität zu Köln, 2009. 586 S.
3. Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1995. XVII+806 S.
4. Frolov R. M. A Proconsul's Administration of Rome? The curator annonae Pompeius, census, and Public Meetings // *Hermes*. 2022. Vol. 150/2. P. 190–210. DOI: 10.25162/hermes-2022-0012

¹³ «Antonius' envisaged position is not described by *ad urbem exercitum habiturum*, but by *ad urbem futurum cum exercitu*, whereby Antonius appears more active and pressing» [9, p. 630].

5. Frolov R. M. Seizing Initiative in the Sphere domi: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of 32 BCE // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Eds. R. M. Frolov and C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. Chapter 12. P. 323–347. DOI: 10.1163/9789004511408_013
6. Frolov R. M. Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur: The Proconsul Pompeius' Senatorial Meeting in 49 B.C. // Classical Quarterly. 2020. Vol. 70, Issue 2. P. 707–716. DOI: 10.1017/S0009838821000057
7. Koortbojian M. Crossing the pomerium: The Boundaries of Political, Religious, and Military Institutions from Caesar to Constantine. Princeton: Princeton University Press, 2020. XIX+228 p.
8. Vervaeke F. J. The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 369 p.
9. Manuwald G. Cicero, Philippics 3–9. Vol. 1–2. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. XVI+1094 p.
10. Frisch H. Cicero's Fight for the Republic. The Historical Background of Cicero's Philippics. Copenhagen: Gyldendal, 1946. 311 p.
11. Malcovati H. Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publicae. Ed. 2. Aug. Taurinorum: In aedibus I. B. Paraviae et Sociorum, 1955.
12. Sumi G. S. Ceremony and Power: Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. XII+361 p.
13. Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza: Universidad de Zaragoza. 1989. II+412 p.
14. M. Antonius (RE 30) // The Fragments of the Roman Republican Orators. URL: <https://www.frro.gla.ac.uk/browse/search/searchdisplay/?oid=antore030> (дата обращения: 12.02.2023).
15. Cicero, Philippicae. Filippice. Vol. 1. / M. Paraschiv, N. Zugravu, C. Sălăvăstru (ed.) (comm.). Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2019. 419 p.
16. Trinquier J. Les loups sont entrés dans la ville: de la peur du loup à la hantise de la cité ensauvagée // Les espaces du sauvage dans le monde antique: approches et définitions / Ed. M.-C. Charpentier. Besançon: Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2004. P. 85–118.
17. Emmelius D. Grenzen schreiben. Das Pomerium und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Dissertation. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2019. 332 S.
18. Cobet C. G. Ad Ciceronis Philippicas // Mnemosyne. 1879. Vol. 7/2. P. 113–179.
19. Busche K. M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 28. Orationes in M. Antonium Philippicae XIV recognovit F. Schoell. Lipsiae, Teubner 1916. 267 S. // Wochenschrift für klassische Philologie. 1916. 33. Jahrgang. No. 20. S. 463–468.
20. Fedeli P. (ed.) M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 28. In M. Antonium orationes Philippicae XIV. Leipzig: Teubner, 1982. XXVII+193 p.
21. Фролов Р. М. Senatus consultum ultimum 52 г. до н. э.: легитимация вмешательства промагистратов в сферу domi // Цари. Магистраты. Императоры: сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой. Ярославль, 26 сентября 2022 года / под ред. Е. С. Данилова, Р. М. Фролова, О. Г. Цымбал. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 94–113.

Legal aspects of Muslim enlightenment in the first third of the 20th century in the North Caucasus

A. R. Navruzov¹

¹Dagestan State University, 43-a M Gadzhieva str., Makhachkala 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-198-207

Research article
Full text in Russian

At the beginning of the 20th century, in the North Caucasus, the ideas of Muslim enlightenment, which penetrated here both from the Arab East and the interior regions of Russia, became widespread. The North Caucasian reformers-enlighteners (renovationists) faced the task of adapting the Shafi'i legal system to Russian reality. Having set the task of building a new society and educating a new person, as well as understanding the importance and relevance of legal issues for the formation of the internal image and worldview of an ordinary Muslim, the North Caucasian reformers-educators in their writings and through the organs of the reformist periodical press conducted extensive educational work to clarify issues of Islamic law. They were looking for new ways of progressive development of the North Caucasian Muslim society by integrating the Muslims of the North Caucasus into the Russian legal space with the preservation and potential development of national identity.

Keywords: North Caucasian reformers-educators; fiqh; waqf; sunset; mahr; talaq; fasting; Friday sermon (khutba)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Navruzov, Amir R.	E-mail: anavruzov@rambler.ru
	Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology

Правовые аспекты мусульманского просветительства первой трети XX в. на Северном Кавказе

А. Р. Наврузов¹

¹Дагестанский государственный университет, ул. М Гаджиева, 43-а, Махачкала, 367000, Республика Дагестан, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-198-207
УДК 29+930.85(470.67)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В начале XX в. на Северном Кавказе идеи мусульманского просветительства, проникавшие сюда как с арабского Востока, так и внутренних районов России, получили широкое распространение. Северокавказские реформаторы-просветители (обновленцы) стремились адаптировать шафиитскую правовую систему к российской действительности. Поставив задачу построения нового общества и воспитания нового человека, а также понимая важность и актуальность правовых вопросов для формирования внутреннего облика и мировоззрения рядового мусульманина, северокавказские реформаторы-просветители в своих сочинениях и через органы реформаторской периодической печати вели широкую просветительскую работу по разъяснению вопросов мусульманского права. Они искали новые пути прогрессивного развития северокавказского мусульманского общества путем интеграции мусульман Северного Кавказа в российское правовое пространство с сохранением и потенциальным развитием национальной идентичности.

Ключевые слова: северокавказские реформаторы-просветители; фикх; вакф; закят; махр; талак; пост; пятничная проповедь (хутба)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наврузов, Амир Рамазанович	E-mail: anavruzov@rambler.ru Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела востоковедения (ИИАЭ ДФИЦ РАН); доцент кафедры арабского языка (Дагестанский государственный университет)
-------------------------------	--

Начало XX в. характеризуется проникновением и распространением исламских реформаторских просветительских идей на Северном Кавказе, которые проникали сюда как с арабского Востока, так и внутренних регионов России, что усиливается с развитием в регионе книгопечатания. В 1903 г. Мухаммадмирза Мавраев, просветитель и талантливый предприниматель,

создает в Темир-Хан-Шуре исламскую типографию, что положило начало массовому производству книжной продукции с использованием арабской графики. Распространению мусульманских просветительских идей способствовали культурно-просветительские общества, созданные за счет средств джама'атов, садака (пожертвований), заката, завещаний, вакфов, а также пресса на арабском и национальных языках. В первой трети XX в. в регионе складываются группы единомышленников, объединенных идеей возрождения ценностей ислама среди народов Северного Кавказа в рамках российской государственности.

Для северокавказских реформаторов просвещение умов и совершенствование человека и общества составляли стержень жизненной программы. Они были поборниками европеизации общества при сохранении национального своеобразия на основе «чистого» ислама [1, с. 83–84]. Программа деятельности северокавказских реформаторов-просветителей (обновленцев) была многосторонней и включала многие вопросы: реформы исламского образования; богословские проблемы ислама, среди которых важное место занимала критика суфизма; борьба с устаревшими адатами, вопросы эмансипации женщин и др.

Особое место отводилось правовым аспектам ислама, в частности реформе мусульманского права (*фикха*). Северокавказские реформаторы-просветители ставили перед собой задачу адаптировать правовую систему к российской действительности в период интеграции Кавказа в Российскую империю. Усиление контактов северокавказских мусульман-шафиитов с мусульманами-ханафитами, обусловленное ссылкой во внутренние районы Российской империи, а также выездом с целью заработка или учебы, где они плотно контактировали с мусульманами Волго-Уральского региона, требовали обсуждения и дальнейшего развития религиозно-правовых принципов *таклида*¹ и *иджтихада*² [2, с. 12–13].

Особенностью Северного Кавказа было то, что, в силу относительно малого развития здесь рыночных отношений, «традиционные юридические нормы в рамках законов империи вполне успешно обслуживали нужды северокавказских народов» [3, с. 193]. Поэтому здесь складывалась ситуация, когда некоторые правовые вопросы, «обсуждаемые дагестанскими и северокавказскими правоведами, сохраняли свою актуальность на протяжении нескольких веков. На них не оказали никакого влияние политические перемены: ни российские реформы в колониальный период, ни ранние советские преобразования. В ряде частных юридических заключений, которые охватывают несколько столетий, отсутствует влияние какой-то бы ни было политической системы» [2, с. 21].

¹ Таклид (араб. традиция) – следование какому-либо из предшествующих имамов основателей 4 мазхабов (Ибн Малик, аш-Шафии, Абу Ханифа, Ибн Ахмад) во всех религиозных делах и светских сношениях.

² Термин *иджтихад* означает приложение *факихом* (знанок мусульманского права) своих усилий в выведении практических заповедей из подробных доказательств.

Руководствуясь своими программными установками по построению нового общества и воспитанию нового человека, понимая важность и актуальность правовых вопросов для формирования внутреннего облика и мировоззрения рядового мусульманина, северокавказские просветители в своих сочинениях и через органы реформаторской периодической печати (газета «Джаридат Дагистан»³, журнал «Байан ал-хака'ик»⁴) активно дискутировали по вопросам мусульманского права.

Одним из часто обсуждаемых вопросов был вопрос правильного использования вакфов. В вопросах вакфов критика в основном была сосредоточена на неправильном расходовании вакуфных средств, так как они распределялись как среди бедных, так и среди богатых людей, которые в них совсем не нуждались [4, с. 4], или когда ученые-факихи выносили отрицательные решения относительно строительства или обновления мечетей на землях общественного пользования, таких как дороги и др., даже если это диктовалось неотложными интересами общества [5, с. 4].

Лидер реформаторского движения Северного Кавказа Али Каяев⁵ замечал, что дагестанцы в первое десятилетие XX в. стали часто завещать имущество на благотворительные цели в качестве вакфов. Однако они продолжали действовать по старинке: неправильно выбирали банки для этого, не вкладывали средства в развитие образования, оплату труда ученых и учителей, поддержку *мутааллимов* (обучающихся), бедняков, сирот и несчастных. Большая часть средств расходовалась на кормление служи-

³ «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»; с 19 января 1918 – «Дагестан») – общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в 1913–1918 гг. в паровой лито-типографии М. Мавраева. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Причеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане. Официальным редактором до 19 января 1918 г. был Бадави Саидов. Фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым, являвшимся вначале неофициальным, а с 19 января 1918 г. официальным редактором газеты. Созданная по инициативе и на средства царской областной военной администрации, она, благодаря А. Каяеву, Б. Саидову, М. Мавраеву и её наиболее активным подписчикам и авторам статей, стала площадкой по распространению мусульманских просветительских идей на Северном Кавказе.

⁴ «Байан ал-хака'ик» (араб. «Разъяснение [шариатских] истин») – советский общественно-политический, научно-популярный, религиозный журнал. Издавался на арабском языке с сентября 1925 г. по август 1928 г. в г. Буйнакске Дагестанской АССР (планировался как ежемесячный, фактически выходил раз в три – четыре месяца). Тираж – 1000–1050 экземпляров. Ответственный редактор – Абусуфьян Акаев из Нижнего Казанища, члены редколлегии: Йусуф-кади из Нижнего Дженгутая, Хаджи-кади из из Нижнего Казанища, Билал-Хаджи из Нижнего Дженгутая, Мустафа-кади из Нижнего Казанища и Хизри из Нижнего Казанища. Печатался в типолитографии Даггосиздата имени Е. Г. Гоголева. Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей (обновленцев), способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводившиеся советским правительством.

⁵ А. Каяев (1878–1943) – историк, педагог и просветитель Северного Кавказа конца XIX – первой половины XX века.

телей мечетей. Бывало и такое, что еда и продукты, приобретаемые на доходы от вакфов, порой из-за их неправильного использования портились и отдавались на корм домашней скотине [5, с. 4].

Другая важная связанная с вакфами проблема – это продажа или переориентация действующего вакфа, с тем чтобы вакф продолжал приносить пользу. Приводится случай, когда торговцы желали купить старые ковры, отданные по вакфу мечети по цене, за которую можно было купить такие же новые, и делать это каждый раз до того, как они износятся, чтобы не прекратилось воздаяние от вакфодателя. Для этого нужно было только вынести соответствующее юридическое решение (*фетву*) кадием, которое он считал запретным выносить. И таких примеров было множество [6, с. 3].

А. Каяев считал, что нет никакого упоминания не только в Коране и Сунне, но и в «иджма»⁶ и в «кийасе»⁷, где был бы запрет на продажу вакфа, чтобы купить за стоимость проданного то, что является вчетверо больше, взамен предыдущего вакфа. Более того, он считал, что разрешается продажа вакфа в правильных целях, которые имеют длительность и непрерывность [7, с. 147].

А. Каяев, будучи имамом Гази-Кумуха⁸, по мере возможностей старался решать и исправлять запутанные вопросы по вакфам. Мы можем привести пример обращения к нему как к ученому (*алиму*) для решения вопроса по вакфу Председателя шариатского подотдела Народного комиссариата юстиции ДАССР Османова Османа от 10 марта 1922 г. Он писал, что в селе имеются отданные в вакф сельхозугодия, по условиям которого доходы с них должны быть направлены в мечети для разговенья соблюдающих пост в месяц рамадан. Жители селения хотели переориентировать их на нужды медресе. Некоторые ученые села считали, что условие вакфодателя является основой использования вакфа и его нельзя изменить, не говоря уже об использовании вакфа на другие цели. Другие возражали, что можно изменить (нарушить) условие вакфа и расходовать его на другие цели при условии, если это является полезней и выгодней для вакфодателя и вакфополучателя. Осман Османов просит А. Каяева написать фетву для обоснования изменения содержания вакфа, чтобы обе стороны остались удовлетворенными. Он «рассматривает данный случай как повсеместно распространенное явление, решение которого было бы в пользу общины (*уммы*)» [7, с. 147, 217–218.].

Вопрос уплаты заката с бумажных денег присутствовал и среди обсуждаемых правовых вопросов. На какие только ухищрения и уловки ни пускались люди, чтобы только не платить закат. Так, например, некоторые

⁶ Иджма – согласие, единодушное мнение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу, один из источников (усул) мусульманского права (фикха).

⁷ Кийас – суждение по аналогии, один из источников мусульманского права, наряду с Кораном, Сунной и иджма⁶.

⁸ Газикумух (ныне Кумух) – село в Республике Дагестан, административный центр Лакского района.

ученые выдумывали различные хитрости, а именно когда приходит время уплаты заката, дарят (до истечения года) свое имущество другому, а потом, после истечения срока уплаты, просят передарить его (подаренное имущество) назад. Якобы в таком случае это освобождает владельца имущества от уплаты заката на это имущество. По мнению А. Каяева, они нарушают не только один из пяти столпов ислама, но и совершают другой грех – мошенничество по отношению к религии Аллаха [8, с. 3–4].

Опубликованные в номерах газеты статьи вызвали оживленные споры. Одни приняли их с одобрением, другие отвергали изложенные в них взгляды. Среди первых были такие ученые, как Хаджи Шамсутдин Чеченский, Саййид Абубакар Шатойский, Ибрахим, сын Мухаммада из Хаджалмахов [9, с. 4].

Особенно острая полемика состоялась между Гамзатом ал-Чаркаси и А. Каяевым [10, с. 3–4], а также между кадием Гамзатом Цадасой и Али Каяевым [11, с.4]. Али Каяев считал, что бумажные деньги или банкноты выпущены Российским государством и обеспечены золотом: это своеобразные государственные долговые обязательства, владельцу которых следует платить закат с них, причем как с золота, так и серебра [12, с. 3].

Вызывал живой интерес у северокавказских реформаторов-просветителей и вопрос законности установления размера *махра*⁹ и практики превышения его. В своем ответе на него дагестанский реформатор и просветитель Назир ад-Дургили ат-Туни, ссылаясь на имама Малика, имама Ахмада, сподвижников Абу Ханифы и других, писал, что установление размера махра по шариату разрешено. Но богатые люди неправоммерно применяют эту норму (нарушают её) шариата и постоянно увеличивают размер махра. [13, с. 7–8], так что многие мусульмане из-за это не могут создать свои семьи. Хуже всего то, что большинство людей считают, что так и положено по шариату. Дагестанский ученый Мухаммад, сын Нурмагомед ал-Аракани, опровергает это мнение, считая, что превышение в размере махра категорически запрещено; он призывает ученых, чтобы они своим советом способствовали устранению такого бедствия, распространившегося среди людей [14, с. 16].

Активно дискутировался северокавказскими реформаторами-просветителями также вопрос запрета изображения человека в исламе. А. Каяев писал, что шариат не против запрета изображений, если это диктуется интересами и потребностями людей, и против, если им поклоняются, наряду с Аллахом Всевышним, что имело место среди дагестанских муридов, которые поклонялись портретам (изображениям) своих шейхов и шейхов своих шейхов перед тем, как войти в состояние экстаза. Северокавказские реформаторы-просветители считали это язычеством, то есть недопустимым [15, с. 4].

---

⁹ Махр – в исламском семейном праве, имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака.

В номере журнала опубликована статья известного реформатора Мухаммада Абдо¹⁰. Он считал, что «шариат не запрещает изображения человека в виде рисунков, портретов и памятников». Главный редактор журнала Абусуфьян Акаев соглашался с ним в этом вопросе [16, с. 90].

Бурную полемику вызвал вопрос мусульманского развода (*талак*). Согласно шариату, развод считается состоявшимся после трехкратного единовременного произнесения мужем формулы развода. Однако египетские реформаторы во главе с М. Абдо считали, что трехкратный *талак* не имеет силы, если происходит разом: они считали это за один раз. По их мнению, чтобы развод считать действительным, формула развода должна была произнесена трижды в разные промежутки времени. Дагестанскими последователями египетских реформаторов относительно трехкратной формулы развода (*талак*) являлись А. Каюев и его ученики [2, с. 22; 17]. Остальные придерживались общепринятой точки зрения. Среди них можно назвать Йусуф ал-Джункути [18, с. 13–15], Назир ад-Дургели, Джамаладдин ал-Гарабудаги, Абусуфьян ал-Газаничи и др. [19, с. 78–79].

Вопрос повторения полуденной пятничной молитвы до сих пор является местом противоречий среди ученых, по которому не прекращаются диспуты в мечетях Дагестана. Последний такой диспут состоялся в 1996 г. между шейхом Бахаудином из Аварии, представителем ваххабитского течения, и дагестанским суфийским шейхом Саййид Мухаммадом из Хуштады в одной из мечетей города Хасавюрта республики Дагестан. Вопрос также активно обсуждался в 1920-х гг. на страницах мусульманской периодической печати.

Как считал дагестанский ученый Муртада из с. Кудали, такое повторение необходимо только для подтверждения правильности совершенной молитвы [7, с. 131–133; 20, с. 4]. А. Каюев писал, что ученые разделились по этому вопросу на враждебные партии и группировки [21, с. 3–4] главным образом из-за того, что не опирались на источники, Коран, Сунну Пророка, книги по фикху. Как и многие просветители, А. Каюев был против повторения пятничной молитвы [7, с. 133–135; 22, с. 4].

Другой вопрос, вызвавший оживленную дискуссию реформаторов-просветителей, – на каком языке читать пятничную проповедь (*хутбу*)? Об этом писали на страницах газеты читатель Абу Мухаммад Касим ал-Алахи Хаджи Хусейн [23, с. 4] и дагестанские просветители: Ахмед Курди из Кумуха [24, с. 4], Маджид ал-Кабарди ал-Фанзави [25, с. 4], Мас'уд из Могоха [26, с. 4].

---

¹⁰ Мухаммад Абдо (1849–1905) – богослов и общественный деятель Египта. Ученик и соратник Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1897). С 1899 г. муфтий Египта. Отвергал следование (таклид) поздним религиозным авторитетам и противопоставлял ему иджтихад в самом широком толковании. Так, по его мнению, для каждого исторического периода необходима самостоятельная трактовка Корана, отвечающая условиям времени.

Один из читателей газеты – Салих, сын Ахмеда Эфенди ал-Кахи¹¹ – считал, что пятничную проповедь условно можно разделить на две составные части. Первую (упоминание и приветствие) читают обычно по-арабски (даже если присутствующие не понимают арабского языка). Вторая часть – наставление – читается на языке слушающих (или же переводится с языка, читающего проповедь через переводчика на местный язык). Главное, чтобы её смысл был понятен слушающим [7, с. 142; 27, с. 4].

Один из активных подписчиков журнала Мухаммад Салих ал-Халимбекаули писал, что среди ученых, проповедующих с кафедр в мечетях, обращающихся с проповедями к простым невежественным людям на арабском языке, встречаются те, кто ничего не замечает. Самые невежественные во время хутбы дремлют, спят, совершают пятничную ритуальную молитву, разговаривая во сне, по причине их скуки (отвращения) к голосу проповедника. Младшие из их числа играют и беседуют между собой, употребляя скверные фразы, невозможные в магометанском шариате.

Светские разговоры в мечети запретны, особенно во время хутбы, считает автор [28, с. 13–14]. В своем ответе редакция журнала отмечает, что задача проповеди будет достигнута, если наставление будет читаться на понятном для людей местном языке [28, с. 15].

Важным вопросом для обсуждения просветителями был вопрос соблюдения мусульманами поста в месяц рамадан. А. Каяев писал, что мудрость установления поста не в изморе тела голодом и водой, а в умении управлять собой, своими помыслами и желаниями, в побуждении держащего пост к состраданию к бедным [7, с. 150; 29, с. 4]. В другой статье газеты цитируется отрывок из сочинения выдающегося средневекового персидского ученого, философа и врача Ибн Сины (980–1037) «*Мурид ал-хулки 'ила тарик ал-хакки*», где обосновывается пост с точки зрения медицины с объяснением процессов оздоровления, происходящих в организме во время голодания и др. [30, с. 4].

Мы коснулись здесь только незначительной части правовых вопросов и взглядов северокавказских мусульманских реформаторов-просветителей. В действительности, в первой трети XX в. их было большое количество. Их обсуждали устно и на страницах мусульманской реформаторской периодической печати позднего имперского и раннего советского периодов вплоть до конца 1920-х годов [3, с. 50]. Для реформаторского переосмысления религиозных доктрин на Востоке была характерна двоякая направленность: модернизаторская с национальной спецификой и охранительная с ориентацией на сохранение старых религиозных установок и традиций [1, с. 94].

Для северокавказских реформаторов-просветителей (обновленцев) была характерна модернизаторская направленность с целью «приспособления» религии путем нахождения и истолкования новых путей прогрес-

¹¹ Ал-Кахи – сел. Кахиб в Шамильском районе Республики Дагестан.

сивного развития во имя интеграции мусульман Северного Кавказа в российское правовое пространство с сохранением и развитием потенциальной национальной идентичности. Для них это была попытка доказать и утвердить жизненность и прогрессивность ислама в индустриальную эпоху.

Как ни кажется парадоксальным, многие вопросы правового комплекса, такие как *иджитихад* и *таклид*, повторение полуденной пятничной молитвы, на каком языке читать *хутбу* (пятничную проповедь), соблюдение поста в месяц рамадан и др., поднимаемые и обсуждаемые в первой трети XX в., снова стали востребованными среди мусульман Северного Кавказа на современном этапе. Сегодня северокавказское общество переживает процессы реисламизации уже на новом витке своего исторического развития, и эти вопросы вновь появляются, ставятся и активно обсуждаются в северокавказских научных и общественных кругах. Основная цель научных и общественных поисков – найти решение указанных выше правовых аспектов ислама в рамках современного научного знания, социального и культурного развития страны.

Ссылки

1. Левин З. И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 245с.
2. Шихалиев Ш. Ш., Шехмагомедов М. Г. Фикх в исламском дискурсе дагестанских улемов: Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследование: хрестоматия / В. О. Бобровников, М. Г. Шехмагомедов, Ш. Ш. Шихалиев; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб: Президентская библиотека, 2017. 319с.
3. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования / Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2005. 240с.
4. Ali al-Gumuki. *Idaat amval al-vasaya fi Gazikumuh // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1914. № 38. С. 4. (in Arabic).
5. Ali al-Gumuki. *Tajdid al-masajid va binauha fi al-Harim // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1914. № 37. С. 4. (in Arabic).
6. Ali al-Gumuki. *Avkafuna // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1916. № 49. С. 3–4. (in Arabic).
7. Наврузов А. Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов / Российская академия наук, Дагестанский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии. М.: Марджани, 2012. 240 с.
8. Ali al-Gumuki. *Laysa din al-Lahi bi-l-hiyal fa'takid ya rakid al-mukill // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1913. № 18. С. 3–4. (in Arabic).
9. Ali al-Gumuki. *Avda ila mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1916. № 7. С. 4. (in Arabic).
10. Ali al-Gumuki va al-Haji Hamzat al-Charkasi. *Munazara Hamza va Ali fi mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan*. Temir-Khan-Shura. 1917. № 6, 7, 8. С. 3–4. (in Arabic).

11. Ali al-Gumuki va al-Haji bn Mahamm al-Avari. Avada ila mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura.1916. № 27, 28, 29. С. 4. (in Arabic).
12. Ali bn Abduhamid al-Gumuki. Al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. № 37. С. 3–4. (in Arabic).
13. Nazir ad-Durgeli at-Tuni. At-Tas'ir va muhur al-Nisa' // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1928. № 11. С. 7–8. (in Arabic).
14. Muhammad Nurmuhhammad al-Harakani. Al-vugalat fi al-muhur // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1928. № 11. С. 16. (in Arabic).
15. Ali al-Gumuki. At-tasfir va at-Tasavir // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1915. № 50. С. 4. (in Arabic).
16. Наврузов А. Р. Мухаммад Абдо о запрете изображений человека в исламе (по материалам арабоязычного журнала «Баян ал-хакик»). Исламоведение. 2010. № 2. С. 21–26.
17. Али б. Абд ал-Хамид ал-Гумуки. Ат-Талак // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. ФМС. Оп. 1. № 50. Л. 1а – 7б.
18. Yusuf bn Husayn al-Junkuti. Fi mas'alat at-Talak // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1926. № 5. С. 13–15. (in Arabic).
19. А. Р. Шихсаидов, Х. А. Омаров. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005. С. 78–79.
20. Murtada'ali // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1913. № 25. С. 3–4. (in Arabic).
21. Ali al-Gumuki. Al-Jum'a va i'adat al-Zuhr ba'duha // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1916. № 12. С. 3–4. (in Arabic).
22. Ali al-Gumuki. Al-Jum'a va i'adat al-Zuhr ba'duha // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1916. № 13. С. 4. (in Arabic).
23. Abu Muhammad Kasim al-Alahi Haji Husayn.Fi Hakki al-Hutba bi gayri al-arabiyya. Idara // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. № 34. С. 4. (in Arabic).
24. Ahmad al-Kurdi al-Gumuki. Makala fi al-Hutba // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1916. № 21. С. 4. (in Arabic).
25. Majid al-Kabardi al-Fanzavi. Al-Hutba bi-gayri al-arabiyya // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1916. № 45. С. 4. (in Arabic).
26. Mac'ud al-Muhuhi. Al-avd ila mas'alat al-Hutba // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1916. № 26. С. 4. (in Arabic).
27. Salih bn Ahmad Efendi al-Kahi. Iddat suture fi hakki al-Hutba // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1916. № 50. С. 4. (in Arabic).
28. Muhammad Salih al-Halinbekauli. Makala fi hakki al-Hutba al-Arabiyya. Al-Idara // Bayan al-haka'ik. Buynaksk. 1927. № 10. С. 13–15. (in Arabic).
29. Ali al-Gumuki. Li maza fard as-Savm // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1914. № 28. С. 4. (in Arabic).
30. Hikmat as-Savm va fava'iduhu // Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1915. № 27. С. 4. (in Arabic).

The Process of Ratification by Germany of the Treaty on Croatia's Accession to the EU in the Coverage of the German Press (2012-2013)

M. O. Iakimova¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-208-215

Research article
Full text in Russian

The article deals with the problem of coverage by the leading socio-political publications of Germany of the process of ratification by the Bundestag of the treaty on Croatia's accession to the European Union. The press focused on the assessments of the German political leadership, actively publishing statements by German politicians about Croatia's readiness to join the community and prospects for the development of economic cooperation between Germany and Croatia. The author comes to the conclusion that the positive attitude of the German leadership to the prospects of Croatia's accession to the EU is due to the combination of Germany's economic and political interests in the Western Balkan region.

Keywords: European Union; Germany; Croatia; Western Balkans; integration; ratification; Bundestag

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Iakimova, Mariia O. | E-mail: marie.yakimova27@mail.ru
Postgraduate

Процесс ратификации Германией договора о вступлении Хорватии в ЕС в освещении немецкой прессы (2012–2013 гг.)

М. О. Якимова¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-208-215
УДК 29+930.85(470.67)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается проблема освещения ведущими общественно-политическими изданиями ФРГ процесса ратификации бундестагом договора о вступлении Хорватии в Европейский союз. Основное внимание пресса уделяла оценкам политического руководства Германии, активно публикуя высказывания немецких политиков о готовности Хорватии к вступлению в сообщество и перспективах развития экономического сотрудничества ФРГ и Хорватии. Автор приходит к выводу, что положительное отношение руководства ФРГ к перспективам вступления Хорватии в ЕС обусловлено совокупностью экономических и политических интересов Германии в западно-балканском регионе.

Ключевые слова: Европейский союз; Германия; Хорватия; Западные Балканы; интеграция; ратификация; бундестаг

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Якимова, Мария Олеговна | Е-mail: marie.yakimova27@mail.ru
Аспирант

Федеративная Республика Германия (ФРГ) является одной из шести стран – основательниц Европейского сообщества, последовательной сторонницей и инициатором расширения и углубления интеграционного строительства. В немалой степени эта позиция ФРГ способствовала усилению её влияния в объединении. В ходе расширения 1995 г., когда в Евросоюз вступили Австрия, Финляндия и Швеция, и последующих волн 2004 и 2007 гг., в результате которых к сообществу присоединились 10 бывших социалистических республик, Кипр и Мальта, Германии уда-

лось приобрести статус географического, экономического и политического центра евроинтеграции. Дальнейшие интеграционные планы ЕС во многом зависели от позиции ФРГ по этому вопросу. Следующим этапом стало вовлечение в орбиту ЕС республик, образовавшихся в ходе распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Молодые западно-балканские государства рассчитывали на поддержку ФРГ в вопросе их вступления в ЕС. Хотя в отечественной научной литературе расширение ЕС на Западные Балканы пока что остаётся сравнительно новым направлением и привлекает к себе внимание многих современных исследователей [1–9], отношение Германии к этому процессу изучено недостаточно. Между тем анализ материалов немецкой прессы, в которой широко представлена хроника политической жизни ФРГ, позволяет оценить многие аспекты заявленной проблемы. В качестве наиболее яркого примера рассмотрим, каким образом ведущие общественно-политические издания Германии освещали процесс ратификации договора о вступлении в ЕС Хорватии – одной из самых крупных и экономически развитых республик бывшей Югославии.

В 2003 г. Хорватия подала заявку на членство в Евросоюз, а с 2004 г. стала кандидатом на вступление. Однако только спустя 7 лет, 9 декабря 2011 г., её руководству (в лице президента Иво Йосиповича и премьер-министра Ядранки Косор) удалось подписать договор о присоединении, затем последовала процедура его ратификации на референдуме в Хорватии и голосование в парламентах государств – членов ЕС [10]. 22 января 2012 г. был проведён хорватский общенациональный референдум, на котором за членство в Евросоюзе проголосовало 66,27 % хорватов при высоком уровне абсентеизма в 43,51 % [11]. Парламент Хорватии (Сабор) единогласно одобрил договор на внеочередном заседании 9 марта. В ЕС первыми документ ратифицировали государства – «новички» Евросоюза: Словакия, Венгрия, Болгария и Мальта [12].

Важно отметить, что договор не включал в себя механизм мониторинга Хорватии Европейской комиссией (КЕС) для обеспечения продолжения реформ, как это делалось в случае с Болгарией и Румынией перед их вступлением в 2007 г. Поэтому среди членов Евросоюза были государства – ведущие экономики ЕС, желавшие удостовериться в необратимости проводимых в Хорватии реформ, вследствие чего ратификация договора в них откладывалась. Эта проблема поднималась в немецкой прессе, но слабо освещалась. Всё её внимание занимала позиция бундестага: ратификация им договора о вступлении Хорватии являлась обязательной согласно немецкой конституции.

Политическое руководство ФРГ приветствовало перспективу появления нового участника Большой Европы. Ещё на Брюссельском саммите ЕС в июне 2011 г. канцлер Германии Ангела Меркель назвала решение Евро-

---

комиссии по «хорватскому вопросу» «большой радостью» [13]. Подчеркнув важность «усердной работы Хорватии» для вступления в ЕС [13], Меркель увидела в ней «стимул для других государств на Западных Балканах активно продвигать необходимые реформы и добиваться регионального примирения, чтобы предпринять дальнейшие шаги в направлении ЕС» [14]. По мнению журнала «Шпигель», подписание договора о вступлении в ЕС стало «делом чести» Я. Косор. Имея большой внешний долг, мешавший её членству в Евросоюзе, Хорватия нуждалась в солидной финансовой помощи, которую ей предоставил ЕС в виде грантов на 3,5 млрд евро [15, s. 108]. Очевидно, что эта помощь была оказана при содействии Германии. После урегулирования финансовых проблем страна была допущена к подписанию договора о вступлении в ЕС.

Несмотря на активную роль ФРГ в процессе вступления Хорватии в ЕС, ратификации договора бундестагом предшествовала продолжительная дискуссия. С осени 2012 г. депутаты немецкого парламента отмечали давление на Хорватию со стороны Брюсселя, который выражал обеспокоенность несоответствием выполнения заявленных ранее требований и указывал на неготовность Хорватии к вступлению из-за выявленных значительных недостатков, которые представила КЕС в промежуточном отчёте, опубликованном за восемь месяцев до запланированного приёма страны летом 2013 г. Как писал «Шпигель», по данным отчёта обязательным требованием для хорватского правительства было выполнение 10 пунктов. Главные претензии оставались теми же, что и во время переговорного процесса: слабые стороны судебной системы, недостаточно активная борьба с коррупцией, необходимость обеспечить защиту границ и укрепить экономику путём реструктуризации судостроительной промышленности [16]. Нарекания вызывали вопросы, связанные с социальной политикой и занятостью населения; проблемы рыночной конкуренции, организации финансовых услуг, налогообложения, защиты окружающей среды. В бундестаге весьма серьёзно восприняли критику Еврокомиссии, и его председатель Н. Ламмерт (ХДС), скептически относившийся к принятию Хорватии в ЕС, заявил, что она, «очевидно, ещё не готова к вступлению», фактически дублируя мнение КЕС [17]. По свидетельству «Шпигель», высказывание Ламмерта вызвало «недоумение и озабоченность» левых. Министр Баден-Вюртемберга П. Фридрих (СДПГ) отметил, что задержка вступления Хорватии «лишит ЕС возможности продолжать политику расширения» и противоречит стратегическим и экономическим интересам Германии [17]. Однако депутат Р. Поленц (ХДС) настаивал на том, что только «положительный [для Хорватии. – М. Я.] доклад Еврокомиссии сможет изменить сложившееся мнение [скорее негативное. – М. Я.] в бундестаге» [18, s. 16].

Ситуация изменилась, когда 26 марта 2013 г. КЕС в своём последнем отчёте подтвердила выполнение Хорватией основных условий её приёма в ЕС. По словам европейского комиссара по вопросам расширения Ш. Фюле, «Хорватия являет пример для других государств-кандидатов» [19]. Правда, в докладе содержалось требование продолжать процесс демократизации государственных структур и реформирования экономики, чтобы «полностью соответствовать всем установленным стандартам ЕС» [19], и Брюссель призвал хорватское правительство не останавливаться на достигнутом.

Спустя полтора месяца, 16 мая, после 45-минутных дебатов состоялось голосование в бундестаге, в ходе которого 583 депутата высказались «за» и 6 воздержались. Даже Левая партия, несмотря на постоянную критику политики ЕС, проголосовала в бундестаге за ратификацию договора. Такую позицию представитель партии Т. Норд объяснил тем, что «вступление Хорватии в ЕС означает мирную перспективу для всех Западных Балкан» [20]. Южнонемецкая газета «Зюддойче Цайтунг» привела цитату из речи главы внешнеполитического ведомства ФРГ Г. Вестервелле (СвДП), назвавшего решение о членстве Хорватии в ЕС «историческим»: «Всего через полтора десятилетия после югославского кризиса, серьёзных нарушений прав человека и массового перемещения людей мы интегрируем Хорватию в великий европейский мирный проект» [20]. Даже с учётом неоднозначных последствий финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. привлекательность ЕС для стран Западных Балкан оставалась неизменной, подчеркнул немецкий министр иностранных дел. «Европейская перспектива является топливом для двигателя реформ в нашем регионе», – заявил он [20]. Но при этом, что весьма показательно, председатель бундестага Ламмерт потребовал на время приостановить расширение ЕС, указывая на «необходимость консолидации Европейского сообщества» [20]. Ещё до процедуры голосования политик признался влиятельной газете «Вельт» в том, что, хотя «вступление Хорватии в назначенный срок оправдано», он не разделяет оптимистичную оценку её деятельности по выполнению основных требований для присоединения к Евросоюзу, высказанную ранее КЕС [21].

Результаты голосования продемонстрировали в целом благожелательное отношение немецкого политического класса к появлению нового члена ЕС, о чём писали и немецкие СМИ. Позиция рядовых немцев по вопросу дальнейшего расширения отличалась от настроений правящей верхушки. Согласно опросу «Евробарометра», осенью 2012 г. 73 % респондентов ФРГ высказались против принятия новых государств в «европейскую семью» в ближайшие несколько лет, и этот показатель оказался самым высоким среди всех стран ЕС [22, р. 89].

После ратификации бундестаг с согласия бундесрата (представительный орган региональных правительств 16 федеральных земель, ратифицировавший документ о вступлении Хорватии в ЕС 7 июня 2013 г.) через неделю – 14 июня – принял закон об одобрении договора от 9 декабря 2011 г. [23], означавший окончательное подтверждение его ратификации с юридической точки зрения. Когда Германия передала ратификационную грамоту 21 июня 2013 г., процесс ратификации со стороны всех 27 европейских государств был завершён.

По утверждению «Шпигель», вступления Хорватии в ЕС ждали представители немецкого бизнеса, поскольку европейская, в частности немецкая, продукция пользовалась большим спросом среди хорватского населения. С другой стороны, автор статьи поставил под сомнение европейский энтузиазм «маленькой восточноевропейской страны». Продолжавшийся пять лет глубокий экономический кризис, рост государственного долга, высокий уровень безработицы (21 %) – всё это требовало новых субсидий из фондов ЕС для восстановления экономики страны. В 2013 г. она получила 655 млн евро – около 1,5 % от общеевропейского ВВП. На период с 2014 по 2020 гг. для проведения адаптационных мер Хорватии было обещано 13,7 млрд евро [24, с. 74]. Однако в самой Хорватии, по утверждению правоцентристской газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» в заметке под говорящим названием «С приглушённой надеждой», национальные производители опасались «не выдержать конкуренции с выходом хорватов на большой [европейский. – М. Я.] рынок» [25].

Ратификация договора всеми странами – участниками ЕС, несмотря на её срок длиною в полтора года, прошла успешно, и 1 июля 2013 г. Хорватия официально стала 28-м государством – членом ЕС. «Шпигель» напечатал слова канцлера А. Меркель, которая выразила надежду на то, что Хорватия продолжит реформировать различные стороны общественной жизни: «предстоит предпринять ещё много шагов, особенно в области права и борьбы с коррупцией». Кроме того, стране предписывалось расширить экономические реформы и реформы рынка труда. «Но это относится не только к новому государству – члену Хорватии, а ко всем нам», – отметила немецкий канцлер [26].

Таким образом, вступление Хорватии в ЕС – клуб высокоразвитых экономических и демократических стран – открыло новую страницу в истории Западных Балкан. Для Евросоюза она стала ещё одним «проблемным» членом, которому требовалась миллиардная финансовая помощь. Однако, подчеркивает отечественный исследователь европейской политики ФРГ Ф. А. Басов, Германия никогда не ставила под сомнение целесообразность вступления Хорватии (которую она исторически считала «своим союзником на Балканах» [27, с.19]) в ЕС, рассматривая его

как продолжение расширений 2004 и 2007 гг. за счёт государств, экономически и политически ориентированных на ФРГ.

Ссылки

1. Браницкий А. Г. Расширение Евросоюза и углубление европейской интеграции в начале XXI века // Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. М.: Ин-т Европы РАН: Нестор-история, 2013. С. 59–70.
2. Буланникова Ю. А. Процесс интеграции стран Западных Балкан в Евросоюз // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2. С. 311–318.
3. Кандель П. Е. «Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_10945 (дата обращения: 15.02.2022).
4. Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее / под ред. А. С. Манькина. М.: Олби-Принт, 2010. С. 29–178.
5. Наумова Н. Н. Политика ЕС на Востоке Европы (2010–2013) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2014. № 4. С. 14–24.
6. Польшвинный Д. И. «Балканизация» и «европеизация» на юго-востоке Европы // Современная Европа. 2015. № 5. С. 36–47.
7. Энтина Е. Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 130 с.
8. Europäische Union ohne Grenzen? Vol. 315 / Ed. by R. Ohr. Berlin: Duncker & Humblot, 2007. 172 p.
9. European Integration and Transformation in the Western Balkans: Europeanization or business as usual? / Ed. by A. Elbasani. London, Routledge, 2013. 207 p.
10. Beitrittsempfehlung: Kroatien kann auf EU-Mitgliedschaft 2013 hoffen // Spiegel Online. 10.06.2011. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/beitrittsempfehlung-kroatien-kann-auf-eu-mitgliedschaft-2013-hoffen-a-767921.html> (accessed: 15.02.2022).
11. Руднева И. В. Референдум в Хорватии о вступлении в Евросоюз: цена вопроса. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2012/01/25/referendum-v-horvatii-ovstuplenii-v-evrosojuz-cena-voprosa-12420.html> (дата обращения: 15.02.2022).
12. Dirmoser D. Der lange Weg nach Europa: Kroatiens EU-Beitritt. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/10148.pdf> (accessed: 15.02.2022).
13. Von Griechenland bis Grenzkontrollen: Was beim EU-Gipfel beschlossen wurde // Spiegel Online. 24.06.2011. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/von-griechenland-bis-grenzkontrollen-was-beim-eu-gipfel-beschlossen-wurde-a-770455.html> (accessed: 15.02.2022).
14. Kroatiens EU-Beitrittsverhandlungen abgeschlossen // Zeit Online. 01.07.2011. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2011-06/kroatien-beitritt-verhandlungen> (accessed: 17.02.2022).
15. Mayr W. Kroatien: Giftiges Kipferl // Der Spiegel. 2011. 21.11, № 47.

16. EU-Beitritt: Brüssel verstärkt Druck auf Kroatien // Spiegel Online. 10.10.2012. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/eu-beitritt-eu-kommission-gibt-kroatien-schlechtes-zwischenzeugnis-a-860603.html> (accessed: 17.02.2022).

17. Bewältigung der Schuldenkrise: Lammert will EU-Erweiterung auf Eis legen // Spiegel Online. 10.10.2012. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/lammert-plaedert-fuer-vorlaeufigen-stopp-der-eu-erweiterung-a-861114.html> (accessed: 17.02.2022).

18. Europa: Kein Hoffnungsrabatt // Der Spiegel. 2012. 22.10, № 43.

19. EU-Beitritt: Brüssel bescheinigt Kroatien Aufnahmereife // Spiegel Online. 26.03.2013. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/kroatien-eu-kommission-macht-weg-fuer-beitritt-frei-a-891040.html> (accessed: 17.02.2022).

20. Letzte Formalie: Bundestag stimmt Kroatiens EU-Beitritt zu // Süddeutsche Zeitung 16.05.2013. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/letzte-formalie-bundestag-stimmt-kroatiens-eu-beitritt-zu-1.1674728> (accessed: 17.02.2022).

21. Kammholz K. Lammert gegenüber EU-Beitritt Kroatiens skeptisch // Die Welt 16.05.2013. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article116242926/Lammert-gegenueber-EU-Beitritt-Kroatiens-skeptisch.html> (accessed: 17.02.2022).

22. Standard Eurobarometer №78 (Autumn 2012). Brussels, 2012.

23. Gesetz zu dem Vertrag vom 9. Dezember 2011 über den Beitritt der Republik Kroatien zur Europäischen Union. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl213s0586.pdf#_bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl213s0586.pdf%27%5D__1558347579341 (accessed: 17.02.2022).

24. Pauly C. Europa: „Ein ungebetener Gast“ // Der Spiegel. 2013. 24.06, №26.

25. Schwarz K. P. Mit gedämpfter Hoffnung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. 30.06.

26. EU-Staat: Kroatien will rasch in den Euro // Spiegel Online. 29.06.2013. [Electronic recourse] URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/kroatien-will-rasch-in-den-euro-a-908547.html> (accessed: 17.02.2022).

27. Басов Ф. А. Политика Германии по вопросу расширения ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 18–22.

Socio-legal doctrine of Keynes: history and modernity

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -216-225

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the consideration of the views on law and its social significance of the outstanding British economist D.M. Keynes. The article analyzes the channels for the formation of the scientist's legal views related to his education, state and scientific activities. It has been established that Keynes's main merit is the definition of the sphere of state regulation of economic relations, and the legal instruments should be different in the event of an economic upsurge or recession. However, in any case, the focus is on ensuring effective employment, which is impossible without active legal support. Among the conclusions of the scientist, a special place is occupied by questions about the role of the state, the state apparatus and civil servants in solving socio-economic problems, interaction between the state and business, especially in a crisis state of the economy. The actualization and applied significance of the scientist's conclusions in modern conditions is noted.

Keywords: John Maynard Keynes; law; state; economy; employment; international treaties

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
| Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sci. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Социально-правовая доктрина Кейнса: история и современность

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -216-225
УДК 330.88; 349.2; 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена рассмотрению взглядов на право и его социальное значение выдающегося британского экономиста Д. М. Кейнса. Анализируются каналы формирования правовых воззрений ученого, связанные с его образованием, государственной и научной деятельностью. Установлено, что главной заслугой Кейнса является определение сферы государственного регулирования экономических отношений, причем правовой инструментарий должен быть различным в ситуации экономического подъема или спада. Однако в любом случае в центр внимания ставится обеспечение эффективной занятости, которое невозможно без активного правового сопровождения. Среди выводов ученого особое место занимают вопросы о роли государства, государственного аппарата и госслужащих в решении социально-экономических проблем, взаимодействия государства и бизнеса, особенно в условиях кризисного состояния экономики. Отмечается актуализация и прикладная значимость выводов ученого в современных условиях.

Ключевые слова: Джон Мейнард Кейнс; право; государство; экономика; занятость; международные договоры

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович

E-mail: amlu0909@yandex.ru

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) относится к числу ученых-универсалов, но более известен как экономист. В XX в. только его именем названо экономическое учение (кейнсианство), притом что это вообще второй случай в истории (после марксизма). Британец был не только выдающимся экономистом, но и известным философом, математиком, успешным бизнесменом и щедрым меценатом. Он прославился как государственный де-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ятель, а также дипломат, участвовавший в мирных переговорах в Версале, завершивших Первую мировую войну. Но если здесь его роль была относительно скромной (скорее, как критика), то на конференции в Бреттон-Вудсе (США, 1944) он был уже одним из основных действующих лиц. Напомним, что на этой конференции были заложены основы финансового переустройства послевоенного мира, в том числе связанные с созданием Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития и др. Велика его роль и в осмыслении наиболее глубокого кризиса мировой экономики, т. н. Великой депрессии (1929–1933 гг.), а также в формировании антикризисного правового инструментария. Об этом мы уже упоминали ранее [1, с.913–922; 2, с.21–24].

Кейнс является традиционным персонажем многочисленных исследований по истории экономики, политики, дипломатии, общих работ по истории Великобритании, Европы, многие из которых подготовлены отечественными исследователями [3–6]. На русский язык переведена и лучшая, на наш взгляд, биография Кейнса, принадлежащая перу английского историка российского происхождения Р. Скидельски [7–8]. Как нам представляется, существенно меньшее внимание уделяется его социальной доктрине и ее правовой составляющей, хотя знакомые с ней юристы высказываются в данном контексте весьма благосклонно [9, с. 404–448]. Этому и будет посвящена настоящая статья.

Для начала позволим себе несколько вводных методологических замечаний. Отличительной чертой британца было то, что он никогда не являлся человеком крайностей, был склонен к поиску компромисса, или, скорее, среднего или условного «третьего пути». Будучи выпускником элитарных Итонской школы и Кингс-колледжа Оксфордского университета, он нес в себе все их традиционные черты. Однако в числе его университетских учителей были социально ориентированные экономисты А. Маршалл и А. Пигу, философ-этик Дж.Э. Мур, один из основателей британского неореализма и «лингвистической» ветви аналитической философии. Это привело к тому, что с юности Кейнсу не было чуждо некоторое интеллектуальное высокомерие, но оно микшировалось социальным оптимизмом, состраданием и готовностью к общественному служению.

В частности, его нелюбовь к экономисту-классику Д. Рикардо, которого он уважал как ученого, диктовалась именно вопросами этики. По мнению Джона Мейнарда, именно Д. Рикардо связал развитие капиталистической экономики с неизбежностью имущественного расслоения, богатством предпринимателей и бедностью рабочих, зависимостью уровня жизни большинства населения от случайной игры рыночных сил. Кейнса такой рыночный фатализм явно не устраивал именно в этическом аспекте, он не вязался с его представлением о добре и зле.

Стоит обратить внимание еще на один нюанс. Начало XX в., когда Кейнс начал карьеру на госслужбе, знаменовало важный интеллектуальный пе-

релом: выпускники британских университетов стали все чаще выбирать карьеру именно государственных служащих и экспертов (а не только политическую, богемную или академическую среду), когда идея служения обществу и государству завоевывала все больше лучших умов Британской империи. Этому способствовало введение в 1870 г. специального экзамена для занятия должностей по госслужбе, что резко увеличило интеллектуальный уровень государственного аппарата.

Таким образом, «кейнсианская революция» в экономической теории стала только частью продолжающейся «революции в государственном управлении», как охарактеризовал Р. Скидельски, приток ученых в правительство. Именно эта революция положила начало слиянию политической и интеллектуальной власти. Соответственно, на правительство стали больше смотреть как на орудие решения конкретных экономических проблем и меньше полагаться на рынок или частную инициативу. По его мнению, «с этой точки зрения кейнсианская революция в экономике – ключевое событие в процессе постепенного наделения университетов управленческими функциями, как и включение проблем государственного управления в круг университетских интересов» [7, с. 472]. Кейнс считал что, государственная служба была долгом и привилегией, благородным призванием эрудированных экспертов и поприщем их талантов, а корпоративный дух службы не требовал получения прибыли. Госслужащих наш герой называл «здравомыслящей элитой», призванной решать самые сложные вопросы, стоящие перед правительством и государством [10, с. 82, 83].

Постоянные сетования современных мейнстримовских экономистов-неоклассиков о том, что главное для экономики – это пресловутое увеличение «экономического пирога», экономический рост любой ценой, якобы автоматически улучшающий положение всех, его явно не устраивали. «Любовь к деньгам», по мнению ученого, не делает человека лучше, а любая экономика хороша только в той степени, в которой она делает человека более нравственным. В данном случае микст воззрений Маршалла и Мура дали весьма причудливый результат. В частности, Кейнс прогнозировал, что по мере роста производительности труда продолжительность рабочего дня будет сокращаться. В свою очередь, это создаст условия, в которых жизнь людей станет «разумной, приятной и достойной». В этом и заключается ответ Кейнса на вопрос, зачем нужна экономическая наука. Однажды в кругу друзей он провозгласил тост за экономистов, которые «делают цивилизацию возможной». Итак, экономика работает на цивилизацию, это средство для дальнейшего развития цивилизации, необходимое, но недостаточное условие существования цивилизации.

Отношение Кейнса к законодательству и юридической науке было амбивалентным. Он себя никогда не считал знатоком в данной сфере, причем к юристам обращался только в случае необходимости. Достаточно сложная система прецедентов как основных источников права в государствах

англо-саксонской правовой семьи его особо не интересовала. Кроме того, он понимал специфичность и сложность правовой сферы и в шутку отмечал, что юристы говорят на ирокезском языке. В Итоне и Кембридже он получил соответствующий учебным программам минимум, и не более.

Тем не менее при подготовке к сдаче экзаменов для поступления на государственную службу в 1906 г. Кейнс свои знания в сфере права существенно нарастил, т. к. соответствующие вопросы составляли основной блок. На экзаменах он показал 2-й результат из 104 претендентов, причем по праву получил высокий балл, а наихудшие оценки, как ни странно, пришлось на математику и экономику. Всю чиновничью карьеру он участвовал в подготовке законопроектов и проектов подзаконных нормативных правовых актов по линии британского правительства и казначейства или даже готовил их единолично. Приложил он руку к подготовке ряда международных договоров – от Версальского мирного (неудачно) до опосредующих Бреттон-Вудскую систему (более удачно). Таким образом, в прецедентах он разбирался слабо, но в системе нормативных правовых актов – на вполне достойном уровне. Его суждения о законах достаточно редки, но довольно компетентны. В этой связи в литературе отмечается, что в экономических исследованиях Кейнса прослеживается и взаимодействие с юриспруденцией [11, с.16, 37].

Кроме того, по долгу службы он постоянно контактировал с работниками правовых служб, с ними его связывали рабочие и человеческие отношения. В тесный круг его личного, интеллектуального и делового общения входили немало высококлассных юристов. В Кембридже это были П. Зингер (1872–1930), А. Коул (1882–1968), А. Хобхауз (1886–1965), в Казначействе – К. Вудс (1881–1943, руководитель казначейства в 1940–1943 гг.) и др. Во время переговоров в США среди чиновников и экспертов плодотворные контакты у него сложились именно с юристами. Это, в частности, помощник американского госсекретаря Д. Ачесон (1905–1973), юрист госдепартамента О. Кокс (1905–1966), профессор административного права Гарварда Ф. Франкфуртер (1882–1965), будущий член Верховного Суда США, и действующий на тот момент член этого же суда Л. Брандейс (1856–1941). В целом можно констатировать, что Кейнс был весьма компетентен в сфере права.

Свое социальное и правовое кредо наш герой выразил не столько в своем основном труде «Общей теории занятости, процента и денег» [12] (1936 г.), сколько в ряде отдельных публикаций, особенно в очерке-памфлете «Конец *laissez-faire*» (1926 г.) [13, с. 260–279; 14, с. 60–67]. Эта работа не относится к высшим достижениям его таланта, но поспешность в построении аргументации (в чем сходятся многие специалисты) покрывается превосходным стилем. При этом его отвержение принципа «*laissez-faire*», а равно предположение о том, что граница между частной и публичной сферами изменчива (особую роль в ее проведении играют законы и договоры),

весьма убедительны; в любом случае он ярко показал, что современный индивидуализм вполне совместим с деятельностью государства. В этой части главную заповедь Дж. М. Кейнса можно сформулировать так: «Важно, чтобы Правительство не выполняло, лучше или хуже, тех функций, которые и так выполняют индивиды, оно должно делать то, что сейчас не делается вообще» [13, с. 276]. В «Богатстве народов» А. Смит говорил почти то же самое и почти теми же словами. Однако Кейнс выделяет «полуавтономные организации в рамках государства» (университеты, Английский банк, городское хозяйство, общегосударственные инфраструктурные проекты и др.) как промежуточные институты, стремящиеся к обобществлению, осуществляющие взаимодействие публичной и частной сфер под руководством компетентных, научно подготовленных и высокоморальных руководителей. Это породило нередко встречающиеся обвинения Кейнса в антирыночных и антидемократических убеждениях и даже в наивной вере в существование неких непогрешимых госслужащих.

Между тем он только искал путь вывода капитализма из кризисного состояния, вызванного утратой гибкости, в связи с чем необходимо было «изобрести новую мудрость для нового века». При этом ряд экономистов кейнсианские идеи обоснованно связывает с изменением идеологии государственного управления, когда именно государство и право становятся одними из главных инструментов достижения «лучшей жизни» для людей [15; 16, с. 3–26]. Как нам представляется, акцент в интересующем нас контексте надо усилить: именно в изменении отношения к роли государства и права, собственно, и заключается кейнсианская революция. Ее суть в том, что нормальное и бескризисное развитие экономики невозможно без ограниченного правом государственного регулирования. Последнее, в свою очередь, должно осуществляться при верховенстве законодательства, сформированного демократически избранным парламентом. В качестве управленцев должны выступать научно подготовленные и компетентные в своих сферах госслужащие, избранные или назначенные законно избранными органами или должностными лицами. В целом это идея представительной демократии при правовом государстве и с достаточно сильным гражданским обществом. При этом государство не признается ни всемогущим, ни всеведущим.

Общая направленность размышлений Кейнса в этой части достаточно понятна и реалистична: жесткая государственная диктатура, как и слепая игра рыночных сил, равно ведут экономику в тупик. Необходим третий путь, ведущий не к постоянному росту потребительского «пирога» любой ценой или к жесткому навязыванию «сверху» даже самых справедливых воззрений, что в любом случае также неприемлемо. В этой связи можно прямо выйти на проблему институтов, взаимодействие которых обеспечивает эффективное функционирование экономики, среди которых ведущее место занимают право и мораль. Напомним, что в это время Кейнс нахо-

дился под некоторым влиянием американского экономиста Дж. Коммонса (1862–1945), одного из авторов классической экономической институциональной теории (признающей преобладающее влияние права на экономику и даже провозгласившего Верховный Суд США «главным экономистом»). В 1927 г. британец написал американскому коллеге: «...Нет, кажется, больше ни одного экономиста, с чьим образом мысли я в общем находился бы в таком согласии» [цит. по: 7, с. 640]. Таким образом, получалось, что и безличная государственная власть, и своекорыстные бизнесмены должны ограничиваться в своих действиях системой институтов, но при верховенстве и в рамках законов, принятых демократически избранным парламентом.

Главным делом для государства и права, как и для морали, в этой связи становилось сохранение и развитие цивилизации, которая «...являет собой тонкую и хрупкую корку, созданную личностью и волей немногих, и поддерживаемая только правилами и соглашениями, умело объясняемыми и хитро сохраняемыми» [цит. по: 7, с. 194]. Ключевые слова при этом – правила и соглашения. Кроме того, усиление роли государства виделось ему не через прямое вмешательство, а через опосредованное воздействие. Это продуманная кредитно-денежная и налоговая политики, финансовый контроль, сбор и распространение информации, касающейся экономики, стимулирование инвестиций (не подрывая частный бизнес), разумная демографическая политика и др.

Он отрицал т. н. «закон Сея», названный так в честь французского экономиста Ж.-Б. Сея (1767–1832), согласно которому предложение само порождает спрос и рассогласования между ними просто не может быть в принципе. По мнению Кейнса, напротив, расходы создают доходы, в связи с чем главная задача государственного регулирования экономики вполне конкретная – поддерживать платежеспособный спрос посредством максимально возможного обеспечения занятости, ибо только она в конечном итоге обеспечивает «эффективный спрос».

Принципиальную важность представляет исключение англичанином инвестиций, унаследованных от предыдущих периодов, из теории, объясняющей, чем детерминируется выпуск продукции, доступной для потребления. Кейнс сосредоточился только на текущих инвестициях и других текущих расходах как факторах, определяющих текущий объем производства. К таким расходам он отнес потребление, государственные расходы, текущую величину покупок, совершенных из-за рубежа. Это позволило ему связать текущий уровень производства и занятости не с производственными возможностями и уже существующим уровнем дохода, а с текущими производственными решениями, на которые можно влиять посредством политико-правовых решений (через кругооборот: государство – домохозяйства – финансовый сектор – бизнес). Инструментами таких решений выступали налоги, заработная плата, сбережения, инвестиции, товары и услуги, сделки. При этом сбережения и инвестиции представляли собой два

взаимосвязанных, но принципиально различных феномена, причем первые не перетекают самостоятельно во вторые.

Так, согласно выведенному им «парадоксу сбережений (или бережливости)», последние могут вести к сокращению доходов и подлинной бережливости, что особенно губительно в период экономических спадов. Для него сбережения только тогда становятся эффективными, когда они, в свою очередь, выступают в роли инвестиций, что не происходит автоматически. Более того, сбережения рассматривались едва ли не как утечка в кругообороте, а увеличение «склонности к сбережениям» при прочих равных условиях ведет к сокращению производства и доходов. Стимулы к сбережению и стимулы к потреблению им различались и рассматривались с учетом социальной психологии [12, с. 25–32, 107, 198–199]. Вообще, феномену *animal spirits* (введенный им многозначный термин, чаще всего трактуемый как иррациональное поведение) уделено весьма важное внимание [12, с. 153–155].

Еще одной задачей государства становятся капиталовложения на длительный срок, которые не дают немедленной прибыли, но создают условия для развития и ее получения в перспективе. Очевидно, что речь идет о фундаментальной науке, образовании, инфраструктурных проектах (связь, пути сообщения и др.). Обратим внимание, что государство должно заниматься этим только в тех случаях, когда это невозможно осуществить посредством частной инициативы.

Писал англичанин и о «достаточно широкой социализации инвестиций», которая представляла собой не конфискационные мероприятия, а ограниченное перераспределение через сугубо правовой инструментарий: организация общественных работ, комплекс мер с целью преодоления безработицы, налогообложение сверхдоходов и высокий налог на наследство, гибкая кредитная политика, вложение государственных средств в развитие культуры и образования и др. В целом экономика для него представлялась не в виде «жидкости», свободно текущей в заданном направлении, а скорее, в виде «вязкой субстанции». Отсюда и необходимость антициклического централизованного сдерживающего влияния на экономику на этапе подъема и стимулирующее воздействие на этапе спада. Это требует введение антициклического бюджетного дефицита как средства борьбы с безработицей.

Другим важнейшим для нас положением кейнсианской теории стало повышенное внимание к краткосрочным временным интервалам, отказ от рассмотрения длительных периодов и перенос всего веса приспособлений к меняющимся экономическим условиям на объем выпуска или дохода, а не на цены. Особое значение все это имело для трудового права, о чем мы уже упоминали ранее [17, с. 250–271]. Примечательно, что ученого больше интересовал именно период экономического спада, что придавало его теории некоторый прикладной и даже антикризисный характер.

Совсем не случайно интерес к кейнсианству сильно возрос с 2008 г., когда наступили события с говорящим и похожим названием – Великая рецес-

сия, что вызвало к жизни массу аллюзий [18], а Р. Скидельски вообще заговорил о «возвращении Мастера» [19]. На первые роли опять стали выходить экономисты, в той или иной мере использующие кейнсианские подходы, в т. ч. Нобелевские лауреаты по экономике Д. Акерлоф (р. 1940), П. Кругман (р. 1953), Дж. Стиглиц (р. 1943) и др. Дело дошло до того, что многие из экономистов-неоклассиков, оппоненты кейнсианства, заявляли, что в условиях кризиса кейнсианцем становится каждый.

Отметим, что именно критический анализ социальных воззрений предшественников (в том числе А. Смита, И. Бентама, Дж. С. Милля и др.) позволил выйти Кейнсу на новую социальную доктрину, т. к. «изучение истории с необходимостью предшествует освобождению мысли» [13, с. 264]. Таким образом, труды британского исследователя стали своеобразным фокусом, отразившим предшествующие теоретические наработки и определившим во многом направление дальнейших научных исследований и практических социальных преобразований. Есть доля справедливости в том, что Кейнса упрекали в смещении экономической науки и политики. Однако это тот недостаток, который под другим углом зрения может превратиться в достоинство.

Стержень социального и правового кредо Кейнса достаточно хорошо показал голландский экономист М. Блауг. Он резонно отметил, что можно оспорить каждый отдельный элемент его аргументации и даже подвергнуть сомнению логическую состоятельность всей кейнсианской системы, «но невозможно сохранить веру в способность рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость. Некоторые полагают, что Кейнс не справился с теоретическим доказательством, но даже они согласны, что его идеи подтвердились на практике. В любом случае кейнсианская революция означает подлинный конец доктрины *laissez-faire*» [20, с. 607]. Добавим от себя, что для Кейнса экономика представляет собой совокупность общественных отношений между людьми и их объединениями в сфере производства, обмена, потребления и распределения материальных благ. Равно также трактуют юристы предмет правового регулирования экономических общественных отношений. Согласитесь, благотворное совпадение.

В настоящее время любое экономическое учение не может обойтись без учета этого. Помимо кейнсианства, посткейнсианства, некейнсианства существуют разнообразные «антикейнсианства», но никакого условного «внекейнсианства» уже нет. Свободная и ничем не ограниченная игра рыночных сил, экономическое развитие «как побочный продукт деятельности казино», допустимость резкого увеличения количества безработных без соответствующей социальной поддержки – все это уже миражи прошлого. Не случайно британский ученый К. Крауч рецептуру современного экономического мейнстрима, основанную на неолиберальных подходах, достаточно иронично назвал «приватизированным кейнсианством» [21, с. 152–189]. Итак, приватизированным, но все-таки кейнсианством.

Ссылки

1. Лушников А. М. «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта и развитие учения о трудовых правах человека // LexRussica. 2004. № 4. С. 913–922.
2. Лушников А. М., Лушникова М. В. Правовые проблемы занятости в условиях внешнеэкономических санкций: уроки кейнсианства // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 21–24.
3. Афанасьев С. В. Экономическое учение Дж. М. Кейнса. М.: Экономика, 2001. 128 с.
4. Гродский В. С. Развитие идеи государственного регулирования дефектов рынка Дж. М. Кейнса. М.: РИОР: ИНФПА-М, 2013. 114 с.
5. Остальский А. Спаситель капитализма. Джон Мейнард Кейнс и его крест. СПб.: Пальмира, 2017. 384 с.
6. Историческая судьба учения Дж. М. Кейнса / под. ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. М.: КНОРУС, 2019. 266 с.
7. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946: Экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа полит. исследований, 2005. Кн. 1. 779 с.
8. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946: Экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа полит. исследований, 2005. Кн. 2. 802 с.
9. Королев С. В. Краткая история экономических учений в фокусе теории права. М.: Юстицинформ, 2017. 464 с.
10. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск: Социум; Мысль, 2019. 522 с.
11. Шестаков В. П. Джон Мейнард Кейнс и судьба европейского интеллектуализма. СПб.: Алтейя, 2015. 172 с.
12. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.
13. Кейнс Дж. М. Конец Laissez-faire // Истоки. М.: Высшая школа экономики, 1998. Вып. 3. С. 260–279.
14. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67 (1928, по изд. 1930).
15. Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2015. 304 с.
16. Розанов В. Т. Кейнсианская экономическая теория и политика: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПб университета. Экономика. Вып. 2. 2016. С. 3–26.
17. Лушников А. М. Невыученные уроки: МОТ, теория Дж. М. Кейнса и «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта // Лушников А. М. Наука трудового права России. Историко-правовой очерк в лицах и событиях. М.: Проспект, 2003. 304 с.
18. Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 696 с.
19. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение Мастера. М.: Альпина, 2011. 253 с.
20. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
21. Крауч К. Странная не-смерть либерализма. М.: Дело, 2012. 272 с.

A few theses about duty in the education and family, or why cucumbers cause insomnia

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -226-237

Research article
Full text in Russian

In the article, in connection with the discussion in higher education circles of the problems that arise when students use plagiarism and digital technologies (neural networks) in the learning process, including the preparation of research papers, relevant aspects of the realization of the right to higher education are considered in conjunction with the corresponding responsibilities. Other problems are also stated that are discussed in the teaching community, but not solved at the state level. Parallels are drawn and a close connection is seen between the quality of duty in the field of education and the denial of such in the field of the family, family education. The necessity of introducing the construction of obligation into the family law is stated. Among the significant prerequisites for this decision, a special place is occupied by constitutional amendments on the goals and objectives of raising children. It is argued that their implementation will play a good role in the process of forming the legal consciousness of a modern Russian student. Special requirements for the organization and content of training in jurisprudence programs are fixed, reinforcing the constructions of obligation.

Keywords: correlation of the rights and obligations of students; the learning process; digital technologies; neural network assistance; plagiarism; the construction of children's duties; education; preparation for the profession of a lawyer

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sci. (Jurisprudens), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Несколько тезисов о долженствовании в сферах образования и семьи, или почему огурцы вызывают бессонницу

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-226-237
УДК 342.733

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье, в связи с обсуждением в вузовских кругах проблем, возникающих при использовании студентами плагиата и цифровых технологий (нейросети) в процессе обучения, в том числе при подготовке научно-исследовательских работ, рассматриваются актуальные аспекты реализации права на высшее образование в увязке с соответствующими обязанностями. Констатируются и другие проблемы, дискутируемые в преподавательском сообществе, но не решаемые на государственном уровне. Проводятся параллели и усматривается тесная связь между качеством долженствования в сфере образования и отрицанием такового в сфере семьи, семейного воспитания. Утверждается необходимость внедрения конструкции обязанности в семейный закон. Среди значимых предпосылок данного решения особое место занимают конституционные поправки о целях и задачах воспитания детей. Утверждается, что их реализация сыграет свою добрую роль в процессе формирования правосознания современного российского студента. Фиксируются специальные требования организации и содержания обучения по программам юриспруденции, усиливающие конструкции долженствования.

Ключевые слова: корреляция прав и обязанностей студентов; процесс обучения; цифровые технологии; помощь нейросети; плагиат; конструкция детских обязанностей; воспитание; подготовка к профессии юриста

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства, заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-014.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Поводом к размышлениям на заявленную тему явился казус (почти *casus belli*) со студентом весьма известного вуза, изготовившим выпускную квалификационную работу с помощью (а вернее, почти в полном объеме) нейросети и, как это часто бывает среди сетевых активистов любых возрастов, поделившись о факте использования означенной технологии и результате защиты такой ВКР (на «удовлетворительно») со своими сетевыми респондентами. Будучи вовлеченным в дискуссионное поле вокруг данной истории, руководство вуза не приняло жесткого (но, как нам представляется, справедливого и, что важно, юридически обоснованного) решения о признании защиты недействительной (или, как вариант, об отмене решения государственной экзаменационной комиссии по вновь открывшимся обстоятельствам самой же комиссией, по инициативе ее председателя, или ректором). Возможно, указанные должностные лица обеспокоились судебной перспективой соответствующего административного дела, поскольку, во-первых, отсутствовала гарантия положительной правовой позиции суда, во-вторых, напротив, наличествовал риск широкого публичного обсуждения казуса. Впрочем, последний, как видим, все же был опубликован...

Мнения, как известно, разделились. Так, министр высшего образования и науки РФ призвал не наказывать студента, поскольку последний сам признался в содеянном, а акцентировать внимание непосредственно на проблеме, в том числе озаботиться разработкой таких заданий для студентов, которые заведомо требуют творческого подхода и затруднены для искусственного интеллекта, а также усилением технической и технологической оснащенности соответствующего контроля¹. Хотелось бы эту позицию прокомментировать: удовлетворены, что у министра присутствует чувство юмора (в высшей школе, да и вообще в сфере образования, без него не обойтись), способность к разумной, неагрессивной оценке конфликтных ситуаций и конструктивный вектор на их решение организаторами и реализаторами образовательного процесса. Однако все же полагаем, что и оценка казуса, и дискуссия, поводом к которой он послужил, – красками существенно богаче, тем более что и мнения управленцев в сфере образования, и преподавателей оказались разноречивыми.

Например, декан факультета экономических наук ВШЭ полагает, что привлечение к дипломной работе любых сторонних текстов² неприемлемо – академическая профессия предполагает авторское исследование и самостоятельные результаты [1]. Представители преподавательского корпуса, руководители различных образовательных программ оценивают ситуацию и возникшие на ее основе проблемы в более сложном ракурсе: с одной стороны, несмотря на увлечение современными техноло-

---

¹ Фальков прокомментировал ситуацию с написанным...URL: <https://aif>.

² Видимо, плагиатной природы.

гиями, в процессе обучения профессии необходимо погружаться в темы лично, создавать уникальные продукты своего интеллектуального труда, с другой – использование достижений этих технологий, возможностей искусственного интеллекта становится фактом и повседневной жизни, и профессиональной деятельности³, они позволяют повысить эффективность творческой работы, взяв на себя написание больших объемов текста⁴ и предоставив человеку решать главную задачу – придумать идею и раскрыть ее сущность и перспективы; педагогам же следует переориентироваться на разработку обучающих программ, учитывающих технологические достижения в деле подбора, анализа и передачи информации, и на индивидуальные творческие задания, которые пока не способна одолеть нейросеть⁵. При этом один из преподавателей поделился результатом своего эксперимента, подтвердившего, что она нейросеть, вместо ожидаемого вразумительного текста, вполне способна подготовить совершенно бессмысленный – например, о 10 причинах, почему огурцы вызывают бессонницу... [1]. Не исключено, что не слишком интеллектуально подготовленный студент может принять подобные ненаучные фантазии «за чистую монету», а не слишком внимательный преподаватель – означенную бессмыслицу пропустить...

В действительности, данный казус актуализирует далеко не только проблемы, обусловленные возможностями современных информационных технологий при подготовке творческих студенческих работ (от рефератов, курсовых проектов до выпускного квалификационного труда), а также иного аттестационного контроля знаний (тестирования, письменного экзамена, выполнения вариативных заданий на практических занятиях и т. п.). Так, буквально недавно вузы вышли из тотального дистанционного режима обучения. С одной стороны, пребывание в нем способствовало обнаружению далеко не полной готовности к такому форс-мажорному образовательному бытию (в том числе многих преподавателей, особенно «серебряного возраста», составляющих нередко элиту вуза) [2]), с другой – подтвердило опасность его «обожествления»⁶: совершенно очевидно, что непосредственный контакт с преподавателем (хорошим преподавателем), без посредничества экрана ПК, незаменим;

---

³ Вплоть до нотариальной, прокурорской и судебной.

⁴ В гуманитарных науках подобное, как правило, неприемлемо, ибо «сопровождающие» тексты в большинстве своем неразрывно связаны с ключевыми идеями, «обволакивают» их аргументацией, примерами, «заходами» в смежные информационные пространства.

⁵ Следует заметить, что многие преподаватели так и поступают, причем первичным мотивом для подготовки таких заданий является необходимость противодействия списыванию и «телепортации», а также «зазубриванию» и «начетничеству».

⁶ При этом не секрет, что дистанционное обучение неизбежно использовалось и ранее – прежде всего в рамках заочной формы обучения (называемой еще с советских времен «заушной»), неспособной по своей сущности обеспечить качественное образование, а только лишь «образованщину».

и совершенно очевидно, что инструментальные возможности студентов различны, а Интернет не везде приемлемого качества, если вообще доступен (в период дистанционного режима активно обсуждались случаи коммуникации студента, в рамках «посещения» учебных занятий, на деревьях, в автомобилях ... – для улучшения связи; и т. п.). При этом даже сами студенты далеко не единодушно положительно оценивали ситуацию (хотя, казалось бы, лежи на диване, пей кофе, периодически отключайся от информационного потока...). Так, при анкетировании через «электронный университет» студентов-психологов один из преподавателей получил следующие результаты: 52 % респондентов отметили большой объем заданий (в сравнении с классической формой обучения), 30 % – недостаток непосредственного общения с преподавателем и сокурсниками при обсуждении вопросов занятия, 28 % – значительную нагрузку на органы зрения, 28 % – трудности самоорганизации участия в учебном процессе (включая контексты внимания, подготовки к семинару или практикуму, самоконтроля); относительно посещаемости были зафиксированы пояснения о более удобном тайминге и возможности подключаться к работе с одновременным занятием другими делами [3]; эти данные, в принципе, подтверждены и другими исследователями [4–5]. По итогам дискуссии «пандемического» периода вывод оказался вполне предсказуем: и дистанционные технологии, и «оцифровка» практикумов и других образовательных форм и способов – допустимый (иной раз – и желательный), но все же факультативный, вспомогательный обучающий режим, не могущий (и не долженствующий) подменить классику образования.

Что касается особенностей правового регулирования процесса подготовки выпускной квалификационной работы, то, по смыслу и букве нормативно-правового акта о государственной итоговой аттестации⁷, кафедра на основании заключения научного руководителя (и даже экспертного коллегиального) не вправе, как было ранее, принимать решение о недопуске работы к защите в государственной экзаменационной комиссии, то есть в рамках целеполагания о защите прав студента, в том числе от злоупотреблений преподавателя; в комиссию теперь можно представлять, по остроумному выражению, бытующему в вузах, даже «телефонный справочник»: заведующий кафедрой лишь фиксирует своей подписью факт сдачи ВКР на кафедру (при этом нередко за два-три дня или вовсе накануне защиты)⁸. То же самое относится и к плагиату, и к соавторству цифрового «интеллекта».

⁷ Приказ Минобрнауки от 29 июня 2015 г. № 636 «Об утверждении порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Эта вопиющая недисциплинированность студента приводит к тому, что его научный руководитель ставится как бы в положение «подшантажируемого», так как вынужден

Таким образом, студент вместо разумного права на жалобу получает право на вседозволенность – и содержательную, и дисциплинарную. Если дополнить эту общую возможность специальной возможностью использования для изготовления текста с помощью нейросети, то демонстрируемая «картина маслом» будет соответствовать стилю «образовательный хичкок». Конечно, ГЭК ориентируется не только на текст работы и на отзывы на нее, но и на содержание процесса защиты, однако в голову студента-«попугая» можно вложить и содержание доклада, а, посредством теле-связи – ответы на вопросы членов комиссии⁹ (и, по крайней мере, оценка «удовлетворительно» будет почти гарантирована, хотя все же и не «телефонному справочнику»). Следует также заметить, что далеко не во всех вузах учебным планом предусмотрена выпускная квалификационная работа. Это неприемлемо, особенно по гуманитарным специальностям, так как тем самым не проверяется компетенция выпускника в сфере исследовательской (в самом широком смысле, включая сугубо прикладной) деятельности. «Либерализм» в его худшем прочтении – в действии.

В стратегическом же плане необходимо констатировать и сомнительность эффективности единого государственного экзамена, причувившего преподавателей делать ставку на «натаскивание» учеников для необходимого результата, родителей – оплачивать труд репетиторов, не ставя иной раз перед собой задачу добротного образования своего ребенка, а самих учеников – ограничиваться достаточным минимумом знаний для достижения прикладной цели поступления в вуз или иное учебное заведение¹⁰ (с использованием, кстати, «выжимок» из классических текстов вместо прямого включения «мозгов и эмоций» при чтении самой книги). В этом же проблемном перечне – и неудачный эксперимент с так называемым двухуровневым образованием¹¹ (к счастью ряда категорий вузов, в срочном порядке вычитывать текст работы и писать на нее отзыв. А для ВКР магистра еще необходима и рецензия...

⁹ Это блестяще проиллюстрировал нам режиссер Л. И. Гайдай в фильме «Операция Ы...».

¹⁰ Одним из ключевых аргументов сохранения этой системы является предоставляемая ею возможность поступления в «престижные вузы» школьников из провинции. Однако посмеем предположить две вещи: во-первых, талантливый ребенок имеет шансы сдать вступительный экзамен в вуз вполне конкурентно, во-вторых, «провинциалы» точно так же, как и «столичные дети», готовятся к ЕГЭ с репетиторами (без их помощи шансы резко уменьшаются). Кроме того, защитниками данного экзамена высказывается опасение возврата к злоупотреблениям в вузах при организации вступительных испытаний. Заметим: а злоупотребления при организации ЕГЭ исключены?... Словом, тема требует, по меньшей мере, продолжения дискуссии.

¹¹ Вспыхнувшая было дискуссия о возвращении к специалитету как-то затихла... В то же время усиливающаяся тенденция на дополнительное включение в образовательные программы бакалавриата обязательных дисциплин общегуманитарного типа (истории России, российской государственности и др.), а также основ военной подготовки, будучи, по высокому смыслу, актом необходимым, ведет, однако, к уменьшению объема профессиональных дисциплин, часть из которых и до «усекновения» испытывала «голод» в часах на ау-

не распространенный на некоторые специальности). Все в совокупности не только затрудняет обеспечение права на образование, но и реальные смыслы обязанностей студентов (обучающихся) в данной сфере.

Изложенное выводит нас и на другие проблемы и смыслы. Среди них – проблема усеченного, полуразрушенного состояния конструкции обязанности детей (и «постдетей», каковыми, по общему правилу, являются студенты вуза или колледжа). С одной стороны, нормы ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 43)¹² безусловным образом предусматривают, что обучающиеся всех возрастных групп (категорий-этапов образовательного процесса) обязаны выполнять учебный план, соблюдать правила распорядка, уважать однокашников (однокурсников), преподавателей, сотрудников образовательного учреждения, после окончания младших классов школьники (а в вузе – студенты) могут подвергнуться за неисполнение перечисленных обязанностей дисциплинарной ответственности. Однако, во-первых, практика привлечения к такой ответственности неустойчива и размыта. Во-вторых, что существенно важнее, обучающиеся (в нашем случае студенты-«постдети») в пространстве семьи к должностованию не подготовлены не только по факту, но и в соответствии с семейным законодательством, что создает предпосылки к перекосу в правовом статусе студента в пользу его прав, а еще явственнее – к реальному восприятию образовательного мира через возможности, не усиленные должностованием.

В доктрине в течение длительного времени это объяснялось недееспособностью детей и декларативностью проектной конструкции их обязанности уважать родителей и посильно участвовать в делах семьи. Между тем и в сфере образования проблема дееспособности высвечивает аналогичным образом, но, несмотря на это, как мы только что отметили, дети либо подлежат дисциплинарной ответственности, либо минуют ее в связи с принадлежностью к категории учащихся младших классов (не говоря о дошкольниках), что разумно. В последнем случае обязанность выглядит вполне декларативной, но это не смущает законодателя. Значит, с юридической точки зрения дети, будучи субъектами образовательных правоотношений, дееспособны, пусть и содержание этой способности дифференцировано, а их обязанности то декларативны, то не декларативны. С одной стороны, они обязаны уважать других участников образовательного процесса. С другой стороны, эти же дети, будучи субъектами семейных правоотношений, как бы недееспособны и не могут нести на своем столь юридически неопределенном «челе» никаких обязанностей... И не обязаны уважать ни родителей, ни других «актеров» семей-диторные и индивидуальные занятия. Специалитет позволил бы системнее решить данную проблему.

¹² ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

ного права. При этом без явного обозначения возраста (то есть и на уровне дошкольном, и чуть старше) дети вправе высказывать свое мнение по семейно-правовым вопросам (а взрослые это мнение учитывать, пусть и не в императивном режиме), по достижении же возраста 10 лет (примерно соответствующего категории учеников постмладших классов) у них испрашивается обязательное согласие на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 Семейного кодекса РФ – далее СК РФ¹³). Видимо, дети участвуют в означенных мероприятиях в бессознательном состоянии и, только приходя в школу, включают интеллект и способность отвечать за свои поступки... Если же аргументы о недееспособности спроецировать на несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, то психологической и юридической парадоксальности значительно прибавится, ибо они не только вправе самостоятельно защищать свои интересы в суде (ст. 56 СК РФ), но и обладают родительским статусом относительно своих детей, рожденных вне брака (ст. 62 СК РФ), а также – при наличии регионального закона о снижении брачного возраста ниже федерального предела – вступать в брак (ст. 13 СК РФ)¹⁴ [6]. Однако законодатель ни словом не молвит о наличии у них обязанностей... (Каков оригинал!)

Можно, конечно, сформулировать два возражения. Первое: обязанности детей в сфере образования вполне конкретны, а в сфере семьи – абстрактны, их содержание трудноуловимо. Второе: образовательные санкции также конкретны (замечание, выговор, исключение из школы и т. п.), хотя и распространяются не на всех несовершеннолетних. Однако, например, до возраста 15 лет от вполне конкретных укола, таблетки даже хирургической операции дети отказаться не могут – они вполне конкретно обязаны подчиниться совместному решению медиков и родителей (согласие ребенка требуется с 15 лет – ст. 20 И 54 ФЗ «Об основах охраны граждан в Российской Федерации»¹⁵), то есть качество конкретности работает как в одну, так и в другую сторону. Следует также заметить, что доктрина и законодательство в целом крайне противоречивы в вопросе об обязанностях несовершеннолетних: в конституционно-правовом контексте они обладают целым рядом прав и свобод как российские граждане, в трудовом праве могут быть субъектами трудового договора (сеем надеяться, что в нем предусмотрены не только права), в пространстве уголовного права за ряд преступлений ответственность наступает с 14 лет (а в доктрине обсуждается и более ранний возраст) – при этом очевидно, что речь идет отнюдь не о праве на уголовное преследование, а об обязанности ему под-

---

¹³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32.

¹⁵ ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.(все так?)

вергнуться... И т. д. В цифровой сфере (пусть и с явным опозданием) установлены ограничения в праве детей на информацию и они обязаны следовать им, под родительским контролем [7]. Что касается декларативности призывов к долженствованию, то они присутствуют в законодательстве, в том числе семейном (например, законодатель считает необходимым заявить о построении семейных правоотношений на основе взаимоуважения и поддержки или ожидать от родителей духовного и нравственного воспитания детей – ст. 1, 31, 63 СК РФ). Нормы-декларации играют свою особенную, общерегулятивную роль в процессе воздействия на сознание личности, проецируя в меру сил ее желаемое обществу поведение.

Наконец, наиважнейший аргумент: в рамках тенденции на сохранение и развитие традиционных семейных ценностей и в соответствии с конституционной поправкой ч. 4 ст. 67¹ родители обязаны воспитывать детей в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Ожидают ли российское общество и государство в качестве ответа детей запуск исключительно конструкции права (хочу уважаю – хочу не уважаю) [8–9]? Вряд ли. Кстати, целый ряд зарубежных законодателей, несмотря на квалификацию семейного права в качестве подотрасли классической цивилистики, весьма давно (еще до своих экзотических решений о браке, семье и родительстве) предусмотрели в семейном законе (или гражданском законодательстве) обязанности детей уважать родителей, бабушку и дедушку, подчиняться их правомерному воспитательному воздействию, помогать в делах семьи [10]. В последнее время общественная дискуссия о явной доминанте прав детей над их обязанностями и неблагоприятными последствиями такой доминанты начала приобретать необходимую энергетическую. Надеемся, что она не «утечет в пески либералисимуса»¹⁶.

Возможен также вопрос, производный от заявленной нами в статье темы: насколько обоснованно присутствие в данном тексте дискурса о семейно-правовых обязанностях детей? Очевидно, что ответ находится на поверхности информационного поля: отсутствие в семейно-правовом статусе детей элементов долженствования оказывает дурную службу как для них (в том числе в качестве субъектов образовательных правоотношений, в которых, как и в семейных, воспитание также является значимым компонентом содержания), так и для их родителей (или других законных воспитателей). Когда же наши «постдети» поступают в вуз, несформированность обязующей части их самосознания (в том числе и правосознания) проецирует разнообразные трудности образовательного жанра в образе недобросовестного отношения к своим обязанностям,

¹⁶ Ситдикова Л. Б., Шиловская А. Л. К вопросу об обязанностях несовершеннолетних. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74354-voprosu-obyazannostyakhnesovershennoletnikh?ysclid=lb69eah0xn371323621> (дата обращения: 11 февраля 2023 г.).

При этом мы отнюдь не возлагаем исключительных надежд на скорый и добрый результат внедрения конструкции детской обязанности. Но, как известно, «капля камень точит...»

включая классические вариации в виде тотального пропуска занятий и вариации «постмодерна» – в виде склонности к плагиату, покупке текстов учебных заданий в Интернете, злоупотребления цифровыми технологиями. В итоге получаем не констатации «знание – сила» или «учиться, учиться и учиться, как завещал...», а наглое, циничное отношение к образованию, а с ним – и к окружающему миру с его традициями, ценностями и перспективой¹⁷.

Между тем юридическая профессия требует формирования особых навыков¹⁸, обусловленных ее функционалом, дифференциацией (от юридического консультирования до правозащитной, прокурорской, судебной специализации, которые при этом в течение одной профессиональной жизни могут друг друга замещать), объектом приложения интеллектуальной энергетике, ориентацией на социальное служение. Среди означенных особенностей – и способность найти и правильно «прочитать» норму права, и повышенная текстовая и речевая ответственность (формальная «сухость» юридического языка неизбежно сочетается с индивидуальным стилем письменного, а особенно устного изложения правовой позиции¹⁹), и умение слушать собеседника, в том числе оппонента, и развитое чувство справедливости при принятии решений [12], допускающих правоприменительное усмотрение... Нетрудно заметить, что данный набор ожиданий предполагает обязанность вуза обеспечить будущему юристу фундаментальное образование²⁰ в области не только юриспруденции, но и этики, логики, психологии, филологии и др., а обязанность студента – реализовать соответствующие возможности, то есть в первую очередь освоить ключевой понятийный аппарат права (понятие о правовой норме, системе права и законодательства, правоотношении, принципах, юридических фактах, правосубъектности, механизме правового регулирования, юридических технике и технологиях, формах правоприменения и т. д.),

---

¹⁷ Конечно, мы не имеем в виду весь «страт постдетей» – среди них немало пассионарных личностей. Задача – в увеличении их числа и уменьшении зла.

¹⁸ азуется, это характерно и для других профессий, но они, соответственно, требуют и иного набора навыков и компетенций. Кроме того, мы оцениваем сложившуюся ситуацию именно из образовательного пространства по юриспруденции.

¹⁹ В этом смысле представляют явственный интерес тексты особых мнений судей Конституционного Суда РФ, хотя в настоящее время они и доступны только по состоянию на 2020 год. В большинстве из них весьма тонко сочетаются понимание содержания правовой нормы, ее внешне скрытые смыслы и социальное предназначение. [11]

²⁰ Не «ремесленного» типа, ибо именно сформированное юридическое мышление позволяет ориентироваться в постоянно меняющемся массиве законодательства, административной и судебной практики, хотя первичные навыки прикладного характера также необходимы [13]. При этом последнее предполагает и организацию возможности «потрогать профессию своими руками», выходить на «поле профессии» в самостоятельной «игре», хотя и под надлежащим контролем [14, с. 18.] как в рамках производственной практики, так и юридической клиники. Подробнее см. статьи Ильина А. В., Белова С. А. и др. в журнале «Закон» (№ 1 за 2023 год).

а также принять для себя к исполнению требования профессиональной этики²¹. Перечисленные качества и характеристики, при доминировании со стороны некоторых управленцев и преподавателей «ремесленного» подхода к обучению, а со стороны студента – «цифрового осмысления» юридического и смежного с ним миров, при отсутствии осознанного должностования, не привитого ни в семье, ни в вузе, не могут быть достигнуты. Уверенное же предположение (и даже в чем-то агрессивное) одного известного банкира об отмирании юридической специальности явно ориентировано только на подготовку формально-юридических документов (типовых положений, договоров и т. п.) и именно на «ремесленное» образование, хотя, возможно, ему и кажется, что его прогноз имеет более широкий охват...²² Такой подход не обеспечивает перспективы и выполнения экзистенциальных задач как образования, так и последующей практической деятельности в сфере юриспруденции.

Перерезать беспроводные провода Интернета невозможно... Роман «Что делать?» также давно уже не в силах ответить на изменяющиеся в своем содержании вопросы. Однако вполне возможны творческий подход к содержанию обучения и преподаванию, в том числе с вектором не только на обеспечение университетских свобод обеих ключевых сторон образовательных правоотношений, но и университетских обязательств. Значит, работаем, коллеги. Может быть, нам и обрящется по трудам нашим.

Ссылки

1. Агранович Мария. Затянуло в нейросеть // Российская газета. 2023. 7 февр., № 26 (8971). С. 10.
2. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109
3. Конева Е. В., Тарусина Н. Н. Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью (уроки пандемии) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 634–641. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-634-641

---

²¹ Как отмечается в доктрине, усвоить хотя бы «100 понятий, 100 ответов на принципиальные вопросы»... [13, с. 10]; не заниматься «начетничеством», а освоить логику правового регулирования [15, с. 25]. При этом справедливо подчеркивается, что избыточное присутствие в программе бакалавриата курсов по выбору не относится к положительным характеристикам обучения: студент еще не готов адекватно оценить предлагаемый выбор, «высшая школа – не клуб по интересам», а сама программа и так, как мы уже отметили, урезана [13].

²² Например, даже в тех случаях, когда, казалось бы, можно роботизировать выполнение задачи, результат далеко не удовлетворяет граждан – клиентов банка (допустим, при получении первичной информации), особенно граждан «серебряного» возраста или с нестандартными способностями...

4. Казакова Л. П., Кошель В. А. Психологические аспекты переживания студентов в учебной деятельности в период экстренного дистанционного обучения // Человеческий капитал. 2022. Т. 1, № 5. С. 215–229.
5. Гордеева И. В. Дистанционный образовательный процесс в университете: преимущества, проблемы и мнения студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 1. С. 61–64.
6. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032
7. Тарусина Н. Н., Симонова С. В. Право ребенка на информацию: ограничения и обеспечение безопасности // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: сб. докл. IX Моск. юрид. форума: в 4 ч. М., 2022. С. 38–42.
8. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052
9. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 220–231. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-220-231
10. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.
11. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 64–75. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-64-75
12. Комиссарова Е. Г., Мартыанова Е. Ю., Шершень Т. В. Качество образовательного юридического знания в его академическом видении (по следам методического семинара) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 9–22.
13. Шварц М. З. Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. № 1. С. 8–14.
14. Ильин А. В. Цель высшего юридического образования // Закон. 2023. № 1. С. 15–22.
15. Белов С. А. Должно ли юридическое образование быть только юридическим? // Закон. 2023. № 1. С. 23–30.

Discrimination in labor relations: economic approach and labor law

A. M. Lushnikov¹, M. V. Lushnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -238-245

Research article
Full text in Russian

The problem of discrimination in labor relations is a traditional problem not only for jurisprudence, but also for economic science. This article gives the author's analysis of the views on discrimination of modern classics of legal science, as well as economists, Nobel Prize winners in economics G. Becker, D. Akerlof, A. Sen, J. Stiglitz. The conclusion is made about the significance of these views in determining the labor and legal policy of the state in the field of ensuring, equality and prohibition of discrimination in labor relations.

Keywords: discrimination; labor relations; economic efficiency; labor legislation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sci. (History), Professor

Lushnikova, Marina V. | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Doc. Sci. (Jurisprudence), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Дискриминация в трудовых отношениях: экономический подход и трудовое право

А. М. Лушников¹, М. В. Лушникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-238-245
УДК 330.88; 349.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Проблема дискриминации в трудовых отношениях является традиционной проблемой не только для юридической, но и для экономической науки. В данной статье дан авторский анализ взглядов современных классиков юридической науки, а также экономистов, лауреатов Нобелевской премии по экономике Г. Беккера, Д. Акерлофа, А. Сена, Дж. Стиглица на дискриминацию. Сделан вывод о значимости этих взглядов в определении трудовой политики государства в сфере обеспечения, равенства и запрета дискриминации в трудовых отношениях.

Ключевые слова: дискриминация; трудовые отношения; экономическая эффективность; трудовое законодательство

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Лушникова, Марина Владимировна | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового и финансового права

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Проблема дискриминации в трудовых отношениях является очень сложной, многослойной и междисциплинарной. Например, при ее изучении просто необходимо обращаться к достижениям современной социологии, психологии (причем как индивидуальной, так и социальной), антропологии, рассматривать ее исторические корни. Отметим, что в настоящее время получили широкое распространение такие спорные феномены, как «критическая расовая теория» и соответствующая «расовая юриспруденция», «кри-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

тическая феминистическая теория» и «феминистическая юриспруденция». Поиски путей предотвращения дискриминации, в том числе в трудовых отношениях, особенно в начале XXI в. весьма интенсивны и дают порой неоднозначный результат [1–3]. Кроме того, появляются и новые виды дискриминации, в том числе связанные с моббингом [4, с. 155–161].

В этой связи определенный интерес представляет особый взгляд экономистов на проблему дискриминации в трудовых отношениях. Долгое время эта тема экономистами игнорировалась, однако с середины прошлого века произошел определенный перелом. Первенство в этой части принадлежит американскому экономисту Г. С. Беккеру (1930–2013), получившему Нобелевскую премию по экономике (1992) во многом именно за исследование проблем дискриминации через призму экономики и в рамках «экономического империализма» [5, с. 80–90].

Все началось с того, что в 1957 г. вышла книга Беккера «Экономика дискриминации» [6], основанная на его докторской диссертации (1953). По мнению ряда исследователей, эта книга вообще открыла новый раздел в экономической теории. В ней были рассмотрены различные аспекты дискриминации с целью определения ее «социальных издержек», т. е. потерь, которые несет общество вследствие дискриминационной политики.

Начал автор с достаточно смелого утверждения о том, что «денежная единица может служить мерилем степени дискриминации» [7, с. 201]. Основное содержание книги составлял анализ системы дифференциальных уравнений, выражающих количественные различия в заработной плате у людей с различным цветом кожи. Далее проблема исследована с точки зрения потребителя, работодателя и наемного работника. В итоге Беккер обосновал экономическую невыгодность для общества более высокой оплаты труда белым работникам, поскольку это повышает общий уровень затрат труда в масштабе всего общества. По мнению ученого, дискриминация, подобно протекционизму, подрывает принцип свободной торговли. Свои выводы он проиллюстрировал на примере модели международной торговли, где две группы – белые и черные – торговали бы между собой факторами производства и где коэффициенты дискриминации играли роль своего рода таможенных тарифов. В другом месте он назвал дискриминацию своеобразным «налогом», увеличивающим затраты на производство.

Методологически теория дискриминации в названной книге описывалась как процесс, осуществляемый посредством специфических предпочтений (пристрастий) некоторых агентов, формирующих однородную группу и не желающих вступать в контакты с представителями другой группы. Это т. н. модель «дискриминации, основанной на предпочтениях». В основу анализа был положен тезис, согласно которому дискриминация, в том числе расовая, возникает тогда, когда экономические агенты выражают готовность оплачивать нежелание вступать в контрактные отношения с агентами, имеющими иные характеристики, например: другой цвет кожи, другой

пол, национальность, вероисповедание и др. Тем самым было отражено влияние изучаемого феномена на рынок труда.

Беккер утверждал, что каждый экономически активный агент мог иметь склонность к дискриминации, что отражает своеобразный «коэффициент дискриминации». Последний определяется тем, чем готов пожертвовать работодатель ради того, чтобы не вступать в отношения с представителями другой группы. Констатировалось, что работодатель, практикующий дискриминацию, сам оплачивает ее издержки за счет понижения экономической эффективности. Мог пострадать и работник – сторонник дискриминации, готовый на снижение зарплаты во имя сохранения сегрегации. Данное исследование Беккера дало толчок целой серии объяснений устойчивым различиям в заработках, не связанных с объективной (характер труда и место его выполнения) или субъективной (пол, возраст и иные характеристики работника) дифференциацией.

Первоначально «теория дискриминации» Беккера вызвала вполне понятный скепсис и непонимание, но постепенно она обрела и сторонников. В ряде случаев ее применение помогло предпринимателям-практикам избежать эксцессов во взаимоотношениях между трудом и капиталом, когда становилось очевидным, что в условиях расовой дискриминации труд оплачивается выше того, что он стоит в действительности. В частности, повышенная оплата работы белых действительно увеличивала затраты на производство.

Американский ученый, как и многие другие экономисты – сторонники рыночного фундаментализма, – был уверен в том, что рынок через конкуренцию поможет побороть все невзгоды рода человеческого, в том числе ущемление прав меньшинств и дискриминацию. Он предлагал не навязывать насильственно свои вкусы и воззрения (в том числе и в отношении запрета дискриминации), а призывал убеждать сторонников дискриминации в том, что у них дурной вкус (хотя о вкусах и не спорят) и что им надо обзавестись новыми взглядами. В общем, все очень мило: достаточно людям с плохим вкусом сказать, что их вкус плох (например, в отношении дискриминации), и они должны изменить свой вкус. Если же плохие люди своих вкусов не изменят, то ничем не ограниченный рынок все равно устранил все крайности. Кто же захочет жертвовать своими конкретными деньгами во имя идеи абстрактного расового превосходства? В условиях обострения расовых противоречий в США автор смог привлечь внимание еще к одной их грани.

Однако данная новаторская работа Беккера имела ряд очевидных и заметных слабостей. В частности, он уклонился от анализа причин возникновения самого феномена дискриминации, оставил за кадром исторические аспекты проблемы, феномен идентичности, стереотипов и предубеждений. Некоторые из ключевых положений теории просто постулировались, а часть введенных им аксиом оказались скорее теоремами или даже толь-

ко смелыми гипотезами. Так, очень много ставилось в зависимость от численности дискриминируемой группы (по смыслу, относительно небольшой), например негров: для США с их 13 % это было незначительно, а для ЮАР в период апартеида с белым меньшинством должно было иметь критическое значение.

В этой связи многие экономисты высказывали отличную, порой противоположную точку зрения. Так, Нобелевские лауреаты по экономике К. Эрроу и М. Спенс, авторы теории «статистической дискриминации», связывали ее с тем, что дискриминируемым группам приписывается в среднем более низкий уровень трудовых навыков. Это могло стать самосбывающимся пророчеством, поскольку отдельно взятый, например, чернокожий работник не имел стимулов приобретать более качественные навыки, поскольку о нем все равно будут судить как о человеке с низкими навыками.

Другой Нобелевский лауреат Д. Акерлоф (идеолог «экономики идентичности»), а также Э. Фелпс и ряд других показали, что свободный рынок может спокойно сосуществовать с жесткой дискриминацией. Так, дискриминация может быть вызвана не определенными предпочтениями, а неполнотой информации (например, о жесткой связи деловых качеств с расой или полом), работодатель может ориентироваться на предрасудки большинства потребителей, и наем людей определенной расы или пола будет экономически выгоден (например, продавца преобладающей расы в «белом» или «черном» районе). Кстати, доказала это и история США, где вполне свободный рынок сочетался до середины 60-х гг. XIX в. с рабством, а затем с жесткой расовой сегрегацией и дискриминацией до середины 60-х гг. XX в. По справедливому замечанию экономистов, дискриминацию в США подавил скорее Акт о гражданских правах 1964 г. и Акт о равной оплате труда, а сама дискриминация – сложное явление, требующее комплексного и междисциплинарного подхода [8, с. 499].

Вышеупомянутый Д. Акерлоф (р.1942) связывал дискриминацию и профессиональную сегрегацию в трудовых отношениях со стереотипами о «мужских» (строители, инженеры и др.) и «женских» (учителя, медсестры и др.) профессиях, о пригодности к выполнению различных трудовых функций представителей различных рас (ассоциируя с ними образование, интеллект, физические возможности) и др., что порождает скрытую дискриминацию. Он считал такие предпочтения социальными нормами (порой объединенными в неписанные кодексы), которым фирмы следуют. Избавиться от своеобразных «дискриминационных» ярлыков отдельным группам работников должно помочь законодательство и социальные движения за равенство прав, а расчет на конкуренцию себя не оправдал [9, с.107–141].

А. Сен (р. 1933), еще один обладатель Нобелевской премии по экономике (1999), наравне с расой, национальностью и полом основанием дискриминации видел имущественное неравенство и бедность, которые делают невозможными реализацию своих прав даже при их формальном закреплении.

Несколько неожиданно для экономиста он во главу угла поставил не только наличие законодательства, закрепляющего равенство прав, но и наличие соответствующего механизма правового регулирования. В частности, он показал, что бедность не позволяет получить образование для осуществления престижной трудовой функции, переехать в другой район, где есть достойные и высокооплачиваемые вакансии, пользоваться квалифицированной правовой защитой нарушенных трудовых прав и др. С точки зрения права это не совсем классическое основание дискриминации, но ее подлинное преодоление делает необходимым и его учет. Кроме того, Сен считал дискриминацию по возрасту экономически контрпродуктивной, т. к. занятость лиц старшего возраста не затрудняет занятость молодежи, а может даже ей способствовать [10, с. 77–88; 11, с. 330–334, 489–490].

Вероятно, самым последовательным критиком подхода Беккера к дискриминации был другой Нобелевский лауреат по экономике (2001), американец Дж. Стиглиц (р.1943), особенно рельефно выразивший свою позицию в лекции, прочитанной на Международной конференции труда по случаю Глобального форума по вопросам занятости, состоявшегося в Женеве 1–3 ноября 2001 г [12, с. 10–32]. Причем в дальнейшем он неоднократно возвращался к данной проблематике [13, с. 127–133; 14, с. 404–418]. Начал Стиглиц, что характерно, с важности для значительной части населения трудовой занятости, причем безработицу и дискриминацию он связал с ударом по личному достоинству человека, более высокими показателями разводов и самоубийств, с распространением алкоголизма. Ученый предостерег против превалирования финансовых интересов банков над интересами трудящихся, причем труд он считал не средством достижения утилитарных экономических результатов, а целью повышения благосостояния трудящихся. Таким образом, обеспечение наиболее полной занятости и предотвращение дискриминации становилось важной социальной проблемой.

Он не отрицал традиционных оснований дискриминации, особенно таких, как раса, пол, национальность и др. Более того, его исследования показывают несомненное наличие даже в развитых странах ее массового распространения, в том числе в США по расовому признаку. Однако, будучи одним из пионеров информационной экономики, он обратил внимание еще на одну и весьма неожиданную грань дискриминации. По его мнению, несовершенство информации (в т. ч. ее отсутствие, искаженность или неполнота) ведет к несовершенству конкуренции, причем даже небольшой ее недостаток или небольшие затраты на ее поиски могут очень существенно повлиять как на работников, так и работодателей в плане поиска работы, решения о приеме на работу и др. Это порождает и асимметрию переговорной силы работодателя и работника, а также между работниками, что связано и с пониженной мобильностью работников в силу его привязанности к месту жительства семьи, привычной социальной среде. К тому же увольнение с предыдущего места работы становится своеобразным источником

информации для потенциального работодателя и, в свою очередь, может стать основанием для дискриминации.

Все это ставит работника в значительно менее выгодное положение и может порождать, по сути, новый вид дискриминации, связанной с неинформированностью. Впоследствии Стиглиц отмечал, что нередки случаи, когда даже ведущие фирмы Кремневой Долины и Голливуда по предварительному сговору держат зарплаты для отдельных категорий на необоснованно низком уровне (эффективно скрывая информацию об этом), и только в суде такие неблагоприятные дела выводятся на свет божий. С этим связаны и пункты в трудовых договорах о запрете работать после увольнения на конкурентов («пакт о не конкуренции»), что также носит отчасти дискриминационный характер и ведет к потенциальному уменьшению зарплат [15, с. 100–101].

Преодоление такого вида дискриминации Стиглиц связывал с оживлением процесса консультаций между работниками и работодателями, причем он звал не к классовой борьбе, а к признанию следующих принципов: а) существуют компромиссные варианты; б) существует неопределенность; в) различная политика по-разному влияет на различные группы; г) роль экономического советника состоит в информировании о последствиях различных решений; д) задача политического процесса – принятие решений. Американец утверждал: «Развитие – это нечто большее, чем просто накопление капитала и более справедливое распределение ресурсов: речь идет о трансформации общества. Справедливое, устойчивое и демократическое развитие предполагает основные права трудящихся, включая свободу ассоциации и коллективные переговоры» [15, с. 31].

Индийский экономист К. Басу (р. 1952) резонно утверждал, что рынок недостаточно эффективен против дискриминации, а возможны ситуации, когда он может ее даже усугублять [16, с. 161–255]. Его вывод, как и вывод других неортодоксальных экономистов и практически всех юристов, сводится к тому, что для преодоления дискриминации необходимо ограниченное государственное вмешательство, преимущественно через правовые предписания и контроль за их исполнением. Повторимся: конец расовой сегрегации и наихудшим формам дискриминации в США положил не рыночный капитализм, а Акт 1964 г. и активная государственная антидискриминационная политика.

В качестве вывода о значении экономических теорий для юристов можно отметить следующее. Рыночная экономика сама по себе не способна преодолеть дискриминацию в сфере труда. Более того, в отдельных случаях дискриминация может повышать экономическую эффективность и, как минимум, способна достаточно долго и спокойно сосуществовать с самыми свободными капиталистическими отношениями. Главным способом преодоления дискриминации является ее законодательный запрет и активная правоприменительная практика [17; 18, с. 101, 104]. Однако толь-

ко меры правового воздействия не могут изжить этого прискорбного явления [19]. Для этого необходим целый комплекс мероприятий, в том числе экономических, направленных на борьбу с неравенством, бедностью, асимметричной информированностью.

Ссылки

1. Бейкер Д. Р. Взгляд белого человека на эволюцию. М.: АСТ, 2015. 727 с.
2. Расизм: современные западные подходы: сб. ст. М.: Сова, 2010. 364 с.
3. Руководство по европейскому антидискриминационному праву. Тверь: Совет Европы и Европейский Союз, 2014. 282 с.
4. Лушников А. М., Чуча С. Ю., Смирнов Д. А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2022. № 7. С. 155–161.
5. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.
6. Becker G. The economics of discrimination. Chicago: University of Chicago Press, 1971 (по изд. 1957). 167 p.
7. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
8. Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика. М.: И. Д. Вильямс, 2008. 1360 с.
9. Акерлоф Д. А., Крэнстон Р. Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс, 2011. 224 с.
10. Сен А. Труд и право // Международный обзор труда. М.: МБТ, 2000. Т. 139, № 1–2. С. 77–88.
11. Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 520 с.
12. Стиглиц Д. Занятость, социальная справедливость и общественное благосостояние // Международный обзор труда. 2002. Т. 141. № 1–2. М.: МБТ, 2003. С. 10–32.
13. Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
14. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство и общество, или что делать оставшимся 99 % населения? М.: Эксмо, 2016. 480 с.
15. Стиглиц Д. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
16. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 340 с.
17. Лушникова М. В., Джиджавадзе Л. Г. Ограничения в трудовом праве: теория вопроса и практика применения // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 4. С. 542–551.
18. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничении прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109.
19. Джиджавадзе Л. Г. Психологические ограничения в трудовом праве: постановка проблемы // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 666–671.

To the question of the possibility of recognizing a claim in administrative cases provided for by Chapter 30 of the CAS of the Russian Federation

M. Y. Butneva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -246-257

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the question of the possibility of recognizing a claim by an administrative defendant in administrative cases related to the forced hospitalization of a citizen in a psychiatric hospital, the extension of the period of such hospitalization or psychiatric examination in an involuntary manner. In the course of the research, the author addresses questions about the legal nature of these cases, the type of legal proceedings in which they are subject to consideration and resolution, as well as problems arising in judicial practice. At the end of the article there are proposals for improving legislation.

Keywords: involuntary hospitalization; involuntary psychiatric examination; psychiatric hospital; administrative defendant; recognition of the claim

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Butneva, Maria Yu. | E-mail: mariyabutneva@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

К вопросу о возможности признания иска по административным делам, предусмотренным главой 30 КАС РФ

М. Ю. Бутнева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -246-257
УДК 347.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию вопроса о возможности признания иска административным ответчиком по административным делам, связанным с принудительной госпитализацией гражданина в психиатрический стационар, продлением срока такой госпитализации или психиатрическим освидетельствованием в недобровольном порядке. В ходе исследования автор обращается к вопросам о правовой природе указанных дел, виде судопроизводства, в рамках которого они подлежат рассмотрению и разрешению, а также к проблемам, возникающим в судебной практике. В конце статьи содержатся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: принудительная госпитализация; психиатрическое освидетельствование в недобровольном (принудительном) порядке; психиатрический стационар; административный ответчик; признание иска

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутнева, Мария Юрьевна | E-mail: mariyabutneva@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса

Госпитализация гражданина в психиатрическое лечебное учреждение в недобровольной форме осуществляется через суд с 1 января 1993 года¹. С введением судебной процедуры для решения вопроса о принудительной госпитализации или психиатрическом освидетельствовании гражданина в юридической литературе не утихают споры о правовой природе этих дел, а также о виде судопроизводства, в рамках которого они долж-

¹ Начало действия редакции Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1913.

ны рассматриваться. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), принятый в 2002 году, предусмотрел рассмотрение такого рода дел в порядке особого производства (подраздел IV глава 35)², что вызвало поддержку у ряда авторов [1, с. 264; 2, с.18–21; 3, с. 332]. Вместе с тем в юридической литературе высказывалась иная точка зрения, согласно которой подобные требования следует рассматривать по правилам публичного производства [4, с. 26; 5, с. 12–15; 6, с. 8–9; 7; 8; 9, с. 20–22; 10, с. 105–109; 11, с. 29–38].

С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)³ глава 35 ГПК РФ утратила силу, а дела, связанные с направлением гражданина на принудительное лечение или психиатрическое освидетельствование, стали рассматриваться в соответствии с положениями раздела IV главы 30 КАС РФ. Причем изначально предусматривалось, что производство по делам указанной направленности возбуждается путем подачи административного иска, а сторонами являются административный истец (профильное медицинское учреждение либо прокурор) и административный ответчик (гражданин, в отношении которого подано заявление о принудительной госпитализации или принудительном психиатрическом освидетельствовании). Таким образом, как видим, законодатель поддержал позицию тех авторов, которые настаивали на публично-правовом характере таких дел и исковом порядке их рассмотрения, предполагающем наличие спора о праве [12, с. 60–62; 13, с. 36; 14, с. 256–261; 15, с. 57; 16; 17]. Это, в свою очередь, согласуется с позицией Конституционного Суда РФ⁴, согласно которой заинтересованное лицо, как и его представитель, вправе возражать против заключения врачей психиатрического учреждения, оспаривать его достоверность, вплоть до обращения к суду с ходатайством о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

В настоящее время споры о виде судопроизводства, в рамках которого надлежит рассматривать дела о принудительной госпитализации или принудительном психиатрическом освидетельствовании, вновь актуализировались особенно в связи с появлением законопроекта о введении

---

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46, ст. 4532 (начало действия редакции 01.02.2003 г.).

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2005 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гирича Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 25, 33–36 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.

в КАС РФ особого производства как самостоятельного подраздела⁵. Некоторые авторы, например В. В. Аргунов, полагают, что дела, перечисленные в главах с 28 по 31.1 КАС РФ, «представляют собой обычные дела судебного управления, искусственно переведенные в разряд исковых путем фигирования ответчика»[18], а, следовательно, они должны «рассматриваться по правилам особого производства, так как рассмотрение их по исковым правилам сегодня неэффективно»[18]. На страницах печати выдвигаются и иные аргументы в пользу подобного подхода. Как правило, в качестве предмета судебной защиты по такого рода делам авторы выделяют не субъективное право, а охраняемый законом интерес, задачу суда видят не в разрешении правового спора, а в установлении юридического факта, с которым закон связывает основания для госпитализации или освидетельствования в принудительном порядке [19, с. 69–70], и/или в оценке судом правомерности применения к отдельному гражданину принудительных мер, способных привести к необоснованному ограничению права последнего на свободу и личную неприкосновенность [20, с. 12], а также в «предупреждении возможного нарушения прав и законных интересов неопределенного круга лиц, общества, государства»[19, с. 70; 20, с. 12].

Именно тем, что дела, перечисленные в главе 30 КАС РФ, должны решаться в порядке особого, а не искового производства, отдельные авторы объясняют тот факт, что при их рассмотрении многие институты искового производства, такие как отказ от иска, признание иска, мировое соглашение, обеспечение иска, объективно не могут работать [21]. Автор настоящей статьи не согласен с последним утверждением, наоборот, является сторонником позиции, согласно которой административные дела, перечисленные в главе 30 КАС РФ, возникают из публичных правоотношений и подлежат рассмотрению в исковой форме. Мы поддерживаем следующие аргументы в обоснование такого подхода. Профильное медицинское учреждение в отношениях, возникающих в связи с помещением гражданина на лечение или освидетельствование в психиатрический стационар в принудительном порядке, выступает в качестве субъекта, наделенного законом властными полномочиями⁶. Властный характер прояв-

---

⁵ Законопроект внесен в Государственную Думу РФ Верховным Судом РФ. Законопроект опубликован не был.

⁶ По мнению И. Ю. Райской, психиатрическое учреждение, в которое помещен гражданин, фактически обращается в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, поскольку само учреждение не имеет фактически правового интереса, связанного с рассмотрением дела. Однако данное обстоятельство не может свидетельствовать о том, что психиатрический стационар выступает в данном случае как субъект, обладающий властными полномочиями по отношению к другой стороне спорных правоотношений. По своей сути психиатрическое учреждение не является органом государственной власти, поэтому не осуществляет властно-управленческую деятельность, а действует в рамках

ляется в наделении сотрудников психиатрического учреждения правом на принятие решений и совершение действий, способных влиять на правовое статус госпитализируемого лица, ограничивая его свободу и личную неприкосновенность [6, с. 21]. Это, в свою очередь, свидетельствует о неравном положении указанных субъектов в рамках материальных публичных правоотношений [7].

Предметом судебной деятельности исследуемой категории дел является разрешение спора о праве, возникшего между психиатрической организацией и гражданином, возражающим против его госпитализации или освидетельствования [22]. Разногласия вызваны разной позицией сторон по вопросам о предположительном нарушении субъективных прав госпитализируемого на свободу передвижения, личную неприкосновенность и о законности требований, предъявляемых к нему администрацией психиатрического учреждения [7; 8; 16; 17; 22]. Другими словами, спор идет о правовом статусе гражданина, то есть судом фактически решается вопрос об усечении набора субъективных прав гражданина, а следовательно, и об изменении его правового статуса на неопределенный срок [8; 16]. Кроме того, разрешая вышеуказанный спор, суд осуществляет контроль за законностью действий и решений должностных лиц лечебного учреждения по отношению к гражданину [23].

О важности судебного контроля по делам о принудительной госпитализации (освидетельствовании) неоднократно заявлял Конституционный Суд РФ, отмечая, что помещение в психиатрический стационар лица, у которого диагностировано психическое расстройство, является ограничением свободы⁷, в связи с чем недопустим формальный подход при решении судом вопроса о принудительном лечении (или продлении лечения) такого гражданина в условиях стационара⁸. В соответствии с разъяснени-

---

установленных законом полномочий в сфере оказания медицинских услуг на основе общих принципов оказания медицинской помощи [8, с. 72–77]. Полагаем, медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, правильнее определять как субъекта, наделенного законом публичными полномочиями, особенно в тех случаях, когда решение о принудительной госпитализации или психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке принимаются без согласия гражданина или его законного представителя на основании п. «а» ч. 4 ст. 23 и п. «а» ст. 29 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 544-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 5.

ями Верховного Суда РФ^{9,10} при рассмотрении подобных дел суд должен выяснить: страдает ли ответчик психическим расстройством в тяжелой форме; опасен ли он для себя или окружающих; возможно ли изменение его психического состояния в худшую сторону, если ему не будет оказана психиатрическая помощь; повлечет ли это, в свою очередь, причинение существенного вреда его здоровью; является ли помещение гражданина в стационар единственно возможным способом лечения. Также имеет важное значение наличие факта отказа или уклонения ответчика от госпитализации или психиатрического освидетельствования в добровольном порядке.

Обратимся непосредственно к вопросу о возможности признания иска в ходе судебного рассмотрения таких дел. В силу установленного законом¹¹ порядка не допускается какое-либо медицинское вмешательство без получения добровольного согласия от гражданина или его представителя. При этом до заинтересованного лица предварительно должна быть доведена информация о предполагаемых результатах и возможных последствиях такого вмешательства. Согласие не требуется только в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами в тяжелой форме. В этих случаях возможна госпитализация на основании решения суда. Аналогичные условия госпитализации предусмотрены законом¹² в том числе для лиц, признанных недееспособными на основании решения суда. Основное значение при получении добровольного согласия в этом случае имеет способность лица осознавать, куда и с какой целью оно будет помещено, и его способность выразить и оформить согласие самостоятельно. Согласие не требуется только при применении принудительных мер медицинского характера по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации¹³, а также при недобровольной госпитализации по основаниям, предусмотренным Законом о психиатрической помощи. Но и в этих случаях принимать окончательное решение будет суд.

---

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2 (п. 56–68).

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3 (начало); № 4 (окончание).

¹¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

¹² Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1913.

¹³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

В связи с этим возникает вопрос: возможна ли добровольная госпитализация гражданина в психиатрический стационар, если судом уже рассматривается административное дело о принудительной госпитализации или психиатрическом освидетельствовании? И возможно ли это в случае, если подтверждением согласия гражданина-ответчика на госпитализацию в добровольном порядке является признание иска? Ответ на него начнём с важной детали: глава 30 КАС РФ не предусматривает прямой запрет на совершение такого процессуального действия, как признание иска административным ответчиком. Это означает, что осуществление указанного правомочия допускается по делам данной главы. Далее, обратим внимание на положения статьи 278 КАС РФ, из анализа которых следует, что необходимым условием для принятия судом решения об удовлетворении административного иска является представление суду доказательств отказа гражданина от госпитализации или от психиатрического освидетельствования в добровольно порядке. В противном случае суд должен отказать в удовлетворении заявления.

Вместе с тем в соответствии с общими правилами КАС РФ признание иска ответчиком влечет принятие решения об удовлетворении требований истца (ч. 3 ст. 157 КАС РФ). И здесь мы сталкиваемся с противоречием: суд в связи с признанием иска административным ответчиком должен вынести решение об удовлетворении требования о направлении гражданина на принудительное лечение или о продлении срока такого лечения, но в этом нет необходимости, поскольку ответчик согласен на добровольную госпитализацию или на продление её срока. То есть получается, что по таким делам признание иска ответчиком по смыслу, придаваемому положением ч. 3 ст. 157 КАС РФ, не имеет правового значения, поскольку сама процедура главы 30 КАС РФ рассчитана на госпитализацию в недобровольном порядке. Однако суды этого противоречия не замечают и в случаях, когда административный ответчик признает¹⁴ требования административного истца, соглашается с ними¹⁵ или не возражает против их удовлетворения¹⁶, выносят решение об удовлетворении административного иска и госпитализации гражданина в профильное лечебное учреждение, оказывающее психиатрическую помощь в условиях стациона-

---

¹⁴ Решение Химкинского городского суда Московской области от 14.02.2022 по делу № 2а-1901/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Решение Ленинского районного суда города Нижний Новгород от 15 июня 2021 г. по делу № а-2586/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Оренбургского районного суда Оренбургской области от 07.07.2016 по делу № 2а-2858/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Решение Калужского районного суда Калужской области от 29.09.2017 по делу № 2А-8067/2017-М-7677/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Боровичского районного суда Новгородской области от 14.10.2020 по делу № 2а-1437/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Ленинского районного суда города Владивостока от 21.04.2017 по делу № 2А-2541/2017-М-1531/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ра, в недобровольном порядке, то есть в соответствии с правилами главы 30 КАС РФ.

Следует отметить, что в свое время коллегией по гражданским делам Свердловского областного суда были даны разъяснения¹⁷, содержащие, на наш взгляд, весьма разумный подход к решению вопроса о действиях суда в описанной выше ситуации. По мнению коллегии, следует отказать в иске о направлении гражданина на принудительное лечение в психиатрический стационар или о продлении периода его пребывания в указанном учреждении, если в ходе рассмотрения дела он заявит, что согласен на добровольную госпитализацию или на её продление. Исключение из этого правила устанавливается на случай, когда «...личностное отношение к факту госпитализации практически установить невозможно, но при этом легко можно склонить больного к подписи под документом о согласии или получить его в суде». «Согласие», полученное таким способом, судом не принимается и не оценивается. Кроме того, госпитализация должна расцениваться как принудительная «в случае, когда психическое состояние гражданина таково, что не позволяет выразить его отношение к ней (т. е. обратиться с просьбой или дать своё согласие)». Приведенное разъяснение кажется нам весьма логичным и остается только сожалеть, что оно не имеет широкого применения на практике.

Заслуживает внимания также позиция Пленума Верховного суда РФ¹⁸, описывающая порядок действий административного истца и суда в ситуации, когда гражданин перестал уклоняться от госпитализации, правда, не в психиатрический стационар, а в противотуберкулёзный диспансер. Так, допускается прекращение производства по административному делу на основании отказа администрации лечебного учреждения или прокурора от иска о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулёзную организацию в недобровольной форме в связи с тем, что административный ответчик перестал уклоняться от обследования в целях выявления и лечения туберкулёза. В то же время сохраняется возможность повторного обращения в суд с аналогичным заявлением, если административный ответчик вновь стал уклоняться от соответствующего обследования и лечения.

Полагаем, данное толкование по аналогии можно применять и при рассмотрении административных дел, предусмотренных главой 30 КАС РФ.

---

¹⁷ «Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании» от 23.09.2004 № 278-код // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулёзную организацию в недобровольном порядке» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

Правда, в описанной выше ситуации Верховный суд РФ акцентирует внимание на активных действиях административного истца, а не административного ответчика: реакция суда в виде прекращения производства по делу следует на отказ истца от иска, пусть и вызванного тем, что ответчик перестал уклоняться от госпитализации, то есть фактически согласился с ней, признал обоснованность требований. В связи с этим разъяснения, приведенные Верховным судом РФ в Постановлении № 50, носят незаконченный характер, поскольку не отвечают на вопрос о действиях суда в случае, если административный ответчик признает иск, а административный истец не откажется от заявленных требований. Как видим, решение этого вопроса особенно актуально применительно к рассмотрению судом административных дел, предусмотренных главой 30 КАС РФ.

Руководствуясь вышеизложенным, с учетом положений законодательства и разъяснений на уровне судебной практики мы приходим к следующим выводам: закон не содержит прямого запрета на признание иска административным истцом по делам, указанным в главе 30 КАС РФ; вместе с тем отсутствие прямого запрета влечет возникновение противоречия между различными статьями КАС РФ: с одной стороны, признание иска свидетельствует о согласии гражданина на госпитализацию в добровольном порядке, а это на основании пункта 4 части 1 статьи 278 КАС РФ должно влечь отказ в удовлетворении иска, с другой стороны, признание иска ответчиком в силу части 3 статьи 157 КАС РФ должно влечь удовлетворение иска по требованию о госпитализации в недобровольном порядке. Подобная законодательная неопределенность в этом вопросе вносит путаницу на практике и затрудняет работу суда.

Поэтому считаем, что данная правовая неопределенность должна быть ликвидирована путем внесения изменений в КАС РФ. За основу предлагаем взять рекомендации, приведенные в вышеуказанных актах толкования, и четко прописать, в каких случаях суд принимает то или иное решение. В частности, предлагаем изложить часть 2 статьи 279 КАС РФ в следующей редакции: «Суд вправе вынести определение о прекращении производства по делу в случае отказа истца от иска, если административный ответчик выразил согласие на госпитализацию (продление срока госпитализации) в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или на психиатрическое освидетельствование в добровольном порядке либо прекратил уклоняться от госпитализации (освидетельствования) в добровольном порядке.

Прекращение производства по делу не препятствует повторному обращению в суд с административным иском о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, о психиатрическом освидетельствовании в не-

добровольном порядке, если административный ответчик вновь уклоняется от соответствующего обследования и (или) лечения. Суд отказывает в удовлетворении иска, если гражданин в суде заявит, что он согласен на госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или на продление срока госпитализации, или на психиатрическое освидетельствование в добровольном порядке.

Если гражданин по психическому состоянию не может выразить свое отношение к госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, либо согласие дается в состоянии, при котором личностное отношение к факту госпитализации установить невозможно, суд выносит решение об удовлетворении административного иска о принудительной госпитализации, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке. Суд отказывает в удовлетворении иска в случае, если нет доказательств, подтверждающих отказ от госпитализации в добровольном порядке или уклонение от госпитализации в добровольном порядке. Суд выносит решение об удовлетворении иска в случае, если доказательства отказа и/или уклонения от госпитализации (продления её срока) или освидетельствования наряду с другими обстоятельствами, предусмотренными статьей 278 КАС РФ, были установлены судом». Кроме того, считаем, что подтверждением (доказательством) согласия лица на добровольную госпитализацию или на продление её срока, которое административный ответчик выразил в ходе судебного процесса, должно стать оформленное в письменном виде и подтверждающее данный факт заявление, подписанное ответчиком или его представителем, один экземпляр которого приобщается судом к материалам дела, а другой – остается у лечебного учреждения и служит основанием для госпитализации (продления госпитализации) или психиатрического освидетельствования гражданина в добровольном порядке после того, как судебная процедура будет завершена.

Таким образом, на вопрос о возможности признания иска по делам, перечисленным в главе 30 КАС РФ, мы отвечаем положительно: признание иска по делам о принудительной госпитализации в профильное лечебное учреждение, оказывающее психиатрическую помощь в стационарных условиях, продлении срока такой госпитализации или о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке возможно, но вопреки положениям ч. 3 ст. 157 КАС РФ оно должно влечь не принятие судом решения об удовлетворении административного иска, а, наоборот отказ в удовлетворении требования, поскольку гражданин, признавая иск,

фактически соглашается на добровольную госпитализацию или освидетельствование, а следовательно, в применении порядка, предусмотренного главой 30 КАС РФ, нет необходимости.

Ссылки

1. Викут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс: Курс лекций. Саратов, 1998. 336 с.
2. Викут М. А. Судебный контроль за госпитализацией граждан в психиатрический стационар // Вестник Саратовской государственной академии права. 1999. № 3. С. 18–21.
3. Ивлиев Г. П. Комментарий к ГПК РФ. М.: Юрайт, 2003. 558 с.
4. Осокина Г. Л. Судебное рассмотрение дел, связанных с применением Закона о психиатрической помощи // Российская юстиция. 1994. № 8. С. 24–26.
5. Осокина Г. Л. Проблемы защиты прав и свобод граждан по делам о принудительной госпитализации граждан в стационарные учреждения здравоохранения // Вестник Саратовской государственной академии права. 1999. № 1. С. 12–16.
6. Тихомирова Ю. В. Производство по делам о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 34 с.
7. Бурлакова Н. Г. Правовая природа дел о принудительной госпитализации граждан в медицинский стационар // Медицинское право. 2006. № 2. С. 36–40.
8. Райская И. Ю. Дела об изменении правового положения гражданина в системе видов гражданского судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 1. С. 72–77.
9. Клык Н., Соловьев В. Медицинский кодекс России: каким ему быть? // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 20–22.
10. Суховерхий В. А. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 105–109.
11. Соловьев В. Н. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при реализации конституционного права на медицинскую помощь: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1999. 193 с.
12. Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М.: Городец. 2000. 192 с.
13. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве // Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
14. Боннер А. Т. О характере дел особого производства // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Вып. 1 / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. М., 2006. С. 256–261.

15. Мурадьян Э. М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). М., 2003. 128 с.
16. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. 576 с.
17. Опалев, Р. О. К вопросу об особом административном судопроизводстве / Р. О. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 36-39. DOI 10.18572/1812-383X-2022-2-36-39.
18. Аргунов В. В. Каким быть особому производству по административным делам: к проекту изменений в КАС РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 62–75.
19. Бурмистрова С. А. Система основных производств по защите публично-правовых интересов: какой ей быть // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 66–83.
20. Бурашникова Н. А. Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 214 с.
21. Кодекс административного судопроизводства: ожидания и перспективы / В. Ярков, А. Боннер, С. Никитин [и др.] // Закон. 2015. № 9. С. 18–32.
22. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право: учебник. М.: Статут, 2017. 768 с.
23. Административное судопроизводство. Ч. I. / под ред. В. А. Гуреева. М.: Редакция «Российской газеты», 2016. Вып. 11. 176 с.

Topical issues of criminal law regulation in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): reflections on the background of a special military operation

O. G. Solovyev¹, I. V. Pantyukhina²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²S. A. Yesenin Ryazan State University, 46 Svobody str., Ryazan, 390000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-258-265

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the principles, grounds and features of the regulation of criminal liability for certain crimes in the field of economic activity in the conditions of a special military operation. The authors, in general, consider novelties of criminal legislation for the last year – in the period from February 24, 2022 to February 24, 2023. In many respects, the noted changes relate to issues of criminal law protection of military, public and state security, ensuring the effective implementation of state defense orders, saving military property, carrying out military and guard duty. It is noted that in some cases, a hasty criminal-legal response to the appearance and expansion of negative manifestations in the conditions of a special military operation leads to failures and contradictions in regulatory design and to further difficulties in law enforcement practice. It is pointed out that it is necessary to improve military and defense legislation.

Keywords: criminal liability; crime; criminal liability; special military operation; economic activity; formation and expenditure of budgetary funds; emission activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Pantyukhina, Inga V. | E-mail: i.pantuyuhina@365.rsu.edu.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Актуальные вопросы уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): размышления на фоне специальной военной операции

О. Г. Соловьев¹, И. В. Пантюхина²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, ул. Свободы, 46. Рязань, , 390000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -258-265
УДК 343.3/7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются принципы, основания и особенности регламентации уголовной ответственности за отдельные преступления в сфере экономической деятельности в условиях проведения специальной военной операции. Авторы рассматривают новеллы уголовного законодательства за последний год – в период с 24 февраля 2022 года по 24 февраля 2023 года. Во многом отмеченные изменения касаются вопросов уголовно-правовой охраны военной, общественной и государственной безопасности, обеспечения эффективного выполнения государственных оборонных заказов, сбережения военного имущества, несения воинской и караульной службы. Отмечается, что в отдельных случаях спешное уголовно-правовое реагирование на появление и расширение негативных проявлений в условиях специальной военной операции приводит к сбоям и противоречиям в нормативном конструировании и к дальнейшим сложностям в правоприменительной практике. Указывается на необходимость совершенствования военно-оборонного законодательства, расшифровки и уточнения бланкетных признаков уголовного права, таких как «военное время», «вооруженный конфликт», «боевые действия». В работе анализируются необходимость и криминологические основания для ужесточения ответственности за некоторые посягательства в сфере экономической деятельности – преступления в сфере пополнения и расходования бюджетных средств, в области эмиссионной деятельности государства и т. д.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; специальная военная операция; экономическая деятельность; формирование и расходование бюджетных средств; эмиссионная деятельность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Пантюхина, Инга Владимировна | E-mail: i.pantuyuhina@365.rsu.edu.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция, ее дальнейшее развертывание, современное состояние и неясные перспективы несомненным образом влияют на законотворческую и правоприменительную практику в сфере отечественного уголовного права. В течение последнего года законодатель последовательно ужесточал действующий УК РФ, с одной стороны делая более репрессивными существующие нормы, с другой – дополнял его законодательными новеллами, решительно расширяя сферу уголовно-правового регулирования. Серьезной нормативной реконструкции подвергалась преимущественно Особенная часть уголовного закона.

Расширена и усилена ответственность за: 1) организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ст. 208); 2) сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1); 3) осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1); 4) уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах (ст. 330.1).

Также уголовный закон был дополнен: ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации»; ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»; ст. 280.4 «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства»; ст. 281.1 «Содействие диверсионной деятельности»; ст. 281.2 «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности»; ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем»; ст. 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»; ст. 283.2 «Нарушение требований по защите государственной тайны»; ст. 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц».

Масштабные изменения, в том числе регулирующие сферу экономических отношений, были внесены в УК РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Так, серьезной коррекции были подвергнуты ст. 331, 332, 333, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 344, 346, 347, 348. Изменения касались прежде всего ужесточения ответственности за воинские преступления, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Помимо этого, Особенная часть была дополнена: ст. 201.2 «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 201.3 «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», ст. 285.5 «Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 285.6 «Отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», ст. 352.1 «Добровольная сдача в плен», ст. 356.1 «Мародерство».

Как видно, новеллы в какой-то степени затрагивают сферу экономики прежде всего в области управления государственными контрактами по выполнению государственного оборонного заказа. В качестве дополнительного объекта нарушает отношения собственности мародерство как разновидность хищения. В остальном же упомянутые изменения связаны с охраной сферы общественной, государственной и военной безопасности. Очевидно, что современная военно-политическая ситуация изначально требует именно такого законодательного реагирования, с другой стороны, акцентирование внимания законодателя и правоприменительной практики на указанном негативном социальном поведении в значительной степени ослабляет государственное уголовно-правовое противодействие иным серьезным посягательствам, в том числе преступлениям в сфере экономической деятельности.

Практика вооруженных конфликтов прошлого и настоящего показывает, что одним из основополагающих столпов военной мощи государства является его экономика. Особенно важным элементом военно-полити-

ческой безопасности экономика это становится в условиях: а) затяжного конфликта; б) масштабного театра военных действий; в) значительного военно-экономического и мобилизационного потенциала противника и его союзника. Все эти три фактора наличествуют в современном военном противостоянии Российской Федерации и Украины, тем более что именно экономическое разрушение России и последующие социальные потрясения, возможная смена политического режима – главные цели западных и иных союзников Украины [1–2]. В этой ситуации реакция законодателя на укрепление экономической безопасности, на наш взгляд, должна быть существенно скорректирована, поскольку к этому есть криминологические и социальные основания [3].

Напомним, что уголовная политика в области регулирования отношений в сфере экономической деятельности всегда была достаточно противоречивой и непоследовательной. Известно, что борьба с экономическими преступлениями в определенных случаях является сферой политического и экономического противостояния между государством и бурно развивающимся бизнесом, стремящимся все в большей мере стать независимым от государства. В последние годы изменения в гл. 22 УК, с одной стороны, были направлены на ослабление уголовной репрессии и гуманизацию уголовного закона в экономической сфере, с другой – на расширение круга уголовно наказуемых деяний, увеличение квалифицированных составов и т. д. [4, с. 72].

Заметим, что в ходе разработки проекта ныне действующего уголовного закона и последующего его принятия законодатель заложил ряд принципов в процессе криминализации противоправного поведения в сфере экономической деятельности. В значительной степени нормативное проектирование гл. 22 УК РФ было основано на переходе экономической системы хозяйствования в России от плановой социалистической к рыночной модели [5; 6, с. 7–9].

Во-первых, подверглись декриминализации преступления, которые, по мнению законодателя, утратили общественную опасность в новых социально-экономических условиях, например такие статьи УК РСФСР, как 154.3 «Незаконное повышение или поддержание цен», 156.4. «Незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов», 158 «Изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки» и др. Можно с уверенностью сказать, что законодатель, ошибочно идеализируя отдельные стороны рыночной экономики, во многом потропился исключать некоторые виды экономической деятельности из-под контроля государства. По этой причине в последние годы правотворец вновь наполняет сферу уголовно-правового регулирования различными

опасными видами экономической деятельности – на рынке незаконного оборота алкогольной продукции, земельных участков, немаркированное продукции и т. д.

Во-вторых, произошла криминализация некоторых видов (нехарактерных для экономики социалистического типа) противоправного поведения субъектов экономической деятельности в сфере банкротства, банковской деятельности, оборота потребительских кредитов, на рынке ценных бумаг и т. д.

В-третьих, исходя из конституционной парадигмы охраны общественных отношений по линии *личность, общество, государство*, законодатель перераспределил нормы УК РСФСР о хозяйственных (по сути – экономических) и иных преступлениях по другим главам нового уголовного закона, учитывая и уточняя изменившееся содержание объектов посягательства. Например, нормы об охране континентального шельфа РФ (ст. 167.3–167.8 УК РСФСР) в более экономичном варианте в настоящее время закреплены в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления». В этой же главе регламентирована ответственность за незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами (ст. 163 УК РСФСР) или незаконный промысел котиков и бобров (ст. 164 УК РСФСР). Напротив, некоторые ранее государственные преступления ныне отражены в гл. 22 УК РФ. Например, некоторые виды контрабанды (ст. 78 УК РСФСР), незаконный экспорт товаров, научно-технической информации и услуг, используемых при создании вооружения и военной техники, оружия массового уничтожения (ст. 78.1 УК РСФСР).

Очевидно, что по прошествии значительного временного периода правотворческие подходы к регламентации посягательств в сфере экономической деятельности в определенной степени изменялись и конкретизировались. На сегодняшний день такие подходы во многом опосредуются, как уже говорилось, специальной военной операцией. Какие виды экономической деятельности стратегически важны для государства с целью обеспечения военно-технических, политических, социальных и иных задач в современных условиях? В первую очередь следует сказать о значимости бюджетной сферы, причем прежде всего в части налогового наполнения бюджета. Задачи уголовно-правовой охраны бюджетных отношений заложены в группу «налоговых» статей, к которым мы относим ст. 194, 198–199.4 УК РФ. На наш взгляд, ст. 199.3 и 199.4 также можно относить к данной группе, поскольку они хотя и связаны с внебюджетными фондами, но тем не менее «способствуют» выполнению государством своих социальных обязанностей. Опосредованно связаны с пополнением бюджетов всех уровней запреты, содержащиеся в ст. 171, 171.1, 171.3,

173.1 и некоторых других [7, с. 71]. В создавшейся ситуации следует определить насущность и объем ужесточения ответственности за уклонение от уплаты налоговых и иных обязательных платежей, за смежные или однородные экономические посягательства.

Так, с начала специальной военной операции достаточно большое количество уголовно-правовых запретов обрели в качестве квалифицирующего признака указания на состояние вооруженного конфликта или условия военных действий. На первый взгляд логичным выглядело бы наполнение сходными дифференцирующими обстоятельствами и иных уголовно-правовых запретов. Историко-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства показывает, что уголовное законодательство в условиях военного времени всегда значительно ужесточалось. Не случайно предполагалось наличие специального отечественного уголовного законодательства военного времени, которое так и не было создано (было закреплено в ч. 3 ст. 330 УК РФ, ныне утратившей силу).

Следовательно, в создавшихся условиях законодатель будет вынужден оперативно реагировать на различные социальные угрозы точно, избирательно. Такая нормативная рефлексия во многих случаях создавала пробелы в системности уголовного закона, приводила к правовым противоречиям и нестыковкам. По этой причине мы не считаем целесообразным избирательное ужесточение уголовно-экономического законодательства путем введения указанных квалифицирующих признаков. Тем более что п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусматривает такое отягчающее обстоятельство, как «совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, *в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий* (выделено нами. – О. С., И. П.). Добавим, что сейчас не существует нормативных или интерпретационных указаний, разъясняющих понятия: «период мобилизации», «военное время», «условия вооруженного конфликта или боевых действий» и проч. Например, можно ли «привязать» данные характеристики к лицу, которое в настоящее время совершило налоговое преступление, например, в Курске, Донецке или Луганске? Вооруженный конфликт по факту присутствует, мобилизация проходила, Донецк находится на линии боевого соприкосновения. Очень неясная правовая ситуация.

Другое дело, необходимым и полезным нормативным решением могло бы стать увеличение сроков лишения свободы для перечисленных преступлений. Это бы позволило в том числе расширить границы индивидуа-

лизации ответственности и более эффективно использовать отягчающее обстоятельство, характеризующее военное время или условия вооруженного конфликта.

Ссылки

1. Мишустин М. Авторы санкций надеялись разрушить экономику России за несколько дней. URL: <https://ria.ru/20220407/sanktsii-1782273042.html> (дата обращения: 11.02.2023).

2. Пар А. Запад стремится разрушить экономику России. URL: <https://news-front.info/2021/02/28/ekspert-zapad-stremitsya-razrushit-ekonomiku-rossii/> (дата обращения: 10.02.2023).

3. Иванчин А. В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 123–127.

4. Соловьев О. Г. Современные подходы к использованию конструкций преступлений в сфере экономической деятельности в уголовном праве России // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 71–74.

5. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.

6. Воронин Ю. А. Основополагающие начала уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности: исторический экскурс // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21, № 4. С. 7–14.

7. Грузинская Е. И., Бударина Д. В. Законодательная техника в уголовном праве: основное содержание, границы понятия, значение // Российский правовой журнал. 2020. № 3. С. 69–73.

Novelty of criminal legislation on liability for looting (Article 356.1 of Criminal Code of the Russian Federation): technical and legal analysis of the structure of the crime

Yu. O. Goncharova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -266-271

Research article
Full text in Russian

The article analyses the structure of the norm on criminal liability for looting (Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). This norm is a novelty of the current domestic criminal legislation, in connection with which, in the author's opinion, there are some shortcomings and technical gaps in it. The author gives a small retrospective analysis of the rule on responsibility for looting. When studying the composition of the crime in question, the author notes the excessive casuistics used by the legislator in the construction of the composition of looting. It is proposed to exclude the signs characterising theft from Part 1 of the article under study, as well as to exclude concretisation regarding the range of victims whose property may be stolen by a looter. The author considers it expedient to indicate in the disposition the rules on looting the features characterising: 1) extortion and 2) the place of commission of the crime, as the absence of these signs is a legal and technical error. A note to Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which contains quantitative characteristics of the damage caused to a person by looting actions, namely a large amount over 250 thousand rubles and a particularly large amount over one million rubles, also falls under the critical analysis. According to the author, these characteristics are overestimated and require adjustment, as the current norm will be «dead» due to the fact that it is difficult to imagine the amounts of money or other property fixed by the legislator that are with the victims of looting. In conclusion, the author proposes an amended version of the main composition of the looting rule.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; war crime; legislative equipment; looting; fighting; wartime; armed conflict; theft

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Goncharova, Yuliya O. | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления

Ю. О. Гончарова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -266-271
УДК 344.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется конструкция нормы об уголовной ответственности за мародерство (статья 356.1 УК РФ). Данная норма является новеллой действующего отечественного уголовного законодательства, в связи с чем, по мнению автора, в ней имеются некоторые недоработки и технические пробелы. Автором дается небольшой ретроспективный анализ нормы об ответственности за мародерство. При изучении состава рассматриваемого преступления отмечается лишняя казуистичность, использованная законодателем при конструировании состава мародерства. Предлагается исключить признаки, характеризующие хищение, из части 1 исследуемой статьи, а также исключить конкретизацию относительно круга потерпевших, чье имущество может быть похищено мародером. Автор считает целесообразным указание в диспозиции нормы о мародерстве признаков, характеризующих: 1) вымогательство и 2) место совершения преступления, так как отсутствие данных признаков является юридико-технической ошибкой. Под критический анализ подпадает и примечание к статье 356.1 УК РФ, содержащее в себе количественные характеристики ущерба, причиняемого лицу мародерскими действиями, а именно крупный размер свыше 250 тысяч рублей и особо крупный размер свыше одного миллиона рублей. По мнению автора, данные характеристики завышены и требуют корректировки, так как действующая норма окажется «мертвой» в силу того, что трудно представить себе закрепленные законодателем суммы денежных средств или иного имущества, находящиеся при себе у потерпевших от мародерства. В заключение автором предлагается измененная редакция основного состава нормы о мародерстве.

Ключевые слова: УК РФ; военные преступления; законодательная техника; мародерство; боевые действия; военное время; вооруженный конфликт; хищение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова, Юлия Олеговна | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Аспирант

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Следует признать, что в последнее время нашему обществу все чаще приходится сталкиваться с такими явлениями, как война, вооруженный конфликт, военные действия. В настоящий момент также ведутся боевые действия в рамках специальной военной операции (далее – СВО) на территории Украины и Российской Федерации. Очевидно, что в ситуации вооруженного конфликта резко возрастает количество противоправных проявлений в сфере охраны прав личности, общества и государства. Это обстоятельство приводит к тому, что проблемы, связанные с конструированием и правоприменением норм об уголовной ответственности за военные преступления, становятся все более актуальными.

Особое место в группе военных преступлений занимает мародерство, поскольку это посягательство в условиях непосредственного ведения боевых действий совершается наиболее часто [1, с. 111]. Мародерство – издревле известное опасное явление. Под мародером понимается человек, грабящий убитых и раненых на поле сражения или в районе военных действий; морально разложившийся солдат, грабящий население во время войны [2, с. 230]. В отечественном уголовном законодательстве ответственность за мародерство появилась в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 1607 года, однако самого термина «мародерство» данный акт не содержал. Статья 328 Устава предполагала уголовную ответственность за получение денег или иных ценностей путем самовольного поджога, что мы можем отнести к определенному виду мародерства. Термин «мародерство» впервые возникает в Уголовном кодексе РСФСР от 01 июня 1922 года, а именно в статье 214: «Мародерство, т. е. противозаконное отображение при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отображения для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей». В последующих уголовных законах ответственность за мародерство неизменно существовала, однако в Уголовном кодексе РФ от 13 июня 1996 года места для рассматриваемого нами преступления не нашлось. И только спустя 26 лет после принятия действующего кодекса, мы вновь видим на страницах закона – «мародерство».

Итак, статья 356.1 «Мародерство» является новеллой уголовного закона и была введена в УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ. Стоит отметить, с какой скоростью был принят данный законопроект: с момента внесения поправок до вступления их в законную силу прошло всего лишь пять дней. Думается, такая молниеносность принятия закона не прошла бесследно, законодатель допустил немало ошибок при конструировании состава уголовной ответственности за мародерство. Об этом далее мы и поговорим в данной работе.

Рассматривая приемы законодательной техники, стоит проанализировать степень обобщения конкретных показателей нормы, содержащейся в ст. 356.1 УК РФ. Исходя из этого анализа, можно сделать вывод об исполь-

---

зовании законодателем смешанного приема, но с большей степенью казуистичности. В части 1 данной статьи раскрыто понятие «мародерство», однако сделано это, на наш взгляд, совершенно необоснованно в части истолкования не только самого понятия «мародерство», но и понятия «хищение». Уголовный закон уже ранее в примечании 1 статьи 158 предусмотрел, что под хищением стоит понимать «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Таким образом, в целях лингвистической экономии более удачно было бы использовать скрытую отсылку к примечанию 1 ст. 158 УК РФ.

Очередной ошибкой излишне казуистичного характера, допущенной законодателем при конструировании исследуемой статьи, можно считать выделение определенного круга потерпевших, чье имущество может быть похищено при совершении такого преступления, как мародерство, а именно законодатель зачем-то сделал акцент на убитых, раненых и гражданском населении. Стоит отметить, что доктрина и практика признают применительно к иным хищениям (ст. 158, 221, 226, 229 УК РФ) оконченным преступлением неправомерное корыстное изъятие имущества, которое находится при погибшем человеке [3, с. 117–118], следовательно, дополнительной конкретизации в ч. 1 ст. 356.1 не требуется. Каким образом имущество, находящееся при раненом, выделяется из общей массы имущества, на которое может быть направлено посягательство, неясно. Указание на гражданское население, на наш взгляд, также излишне, поскольку мародерские посягательства, к примеру на имущество военнослужащих, которые находятся в строю и участвуют в боевых действиях, по своей общественной опасности могут в некоторых случаях существенно превышать аналогичные преступления в отношении гражданского населения. Следовательно, нахождение в диспозиции словосочетания «... в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения...» является излишним, данная формулировка может быть исключена из настоящей редакции ст. 356.1 УК РФ.

Следующим технико-юридическим приемом является способ изложения нормы. При конструировании исследуемой нами нормы были использованы прямой и бланкетный способ. Прямой способ изложения ранее был уже нами критически оценен в части изложения признаков хищения в ч. 1 ст. 356.1. При этом стоит отметить, что законодатель использует четыре бланкетных признака, при оценке которых необходимо обратиться к иноотраслевому законодательству: 1) военное положение, 2) военное время, 3) условия вооруженного конфликта, 4) условия ведения боевых действий. Для верного понимания данных терминов стоит обратиться к иным нормативно-правовым актам: федеральным законам, указам Президента, постановлениям правительства и т. д.

При конструировании нормы об уголовной ответственности за мародерство законодатель использовал приемы примечания и дефиниции. В Особенной части УК дефиниции в большинстве случаев размещаются как раз в по-статейных примечаниях и делятся на качественные (примечания к ст. 318, 322, 359 УК РФ) и количественные (ст. 293, 299, 327.1 УК РФ). В данном случае в примечании закреплена классическая количественная дефиниция, в которой раскрывается содержание крупного (стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей) и особо крупного размеров (стоимость имущества, превышающая один миллион рублей).

На наш взгляд, требует определенной коррекции формализация крупного и особо крупного размера, закрепленного в примечании к анализируемой норме. Существующие количественные характеристики ущерба, причиняемого лицу мародерскими действиями, в крупном размере (свыше 250 тысяч рублей) и особо крупном размере (свыше одного миллиона рублей) являются несколько завышенными. Очевидно, что указанные размеры были напрямую заимствованы законодателем из примечания 4 к ст. 158 УК РФ. В этой связи отметим два обстоятельства. Во-первых, в примечании 2 ст. 158 УК РФ закреплён и значительный размер, что говорит о возможности более глубокой дифференциации и в норме о мародерстве Во-вторых, практика и особенности ведения боевых действий, уровень денежного довольствия военнослужащих – участников СВО (в среднем 150–200 рублей (думаю, тысяч рублей. Да.) в месяц) позволяет говорить о том, что стоимость наличных денежных средств, различного имущества, которое может находиться при потерпевшем, в редких случаях может превышать 250 тысяч и тем более 1 миллион рублей. Это указывает на возможное правоприменительное «бездействие» количественных квалифицированных составов [4, с. 79].

Можно, конечно, возразить, что под уголовно-правовую охрану мародерства должны попадать и юридические лица, и граждане, способные обладать более высоким размером похищаемого имущества. Все это так, но прежде всего указанная норма направлена на противодействие мародерству в отношении участников боевых действий, в том числе погибших. В этой связи мы предлагаем понизить границы крупного размера до 100 тыс. рублей, особо крупного до 500 тыс. рублей. Вариант с введением признака значительного размера с пониженной количественной границей (например, 100 тыс. рублей) считаем менее удачным, поскольку он делает конструкцию нормы более громоздкой.

Значительным недочетом юридико-технического характера при описании такого преступного деяния, как мародерство, можно считать отсутствие указания на возможность совершения его путем вымогательства. На наш взгляд, данная разновидность хищения имеет место быть. Так, в настоящее время очевидна определенная распространенность фактов вымогательства на территориях проведения боевых действий в рамках СВО. Помимо «практического» аргумента, следует сказать и о нарушении правил внутриотраслевой системности в построении уголовно-правовых запретов Особенной

части УК [5, с. 170–171]. Все диспозиции норм о корыстных посягательствах на различные виды собственности наряду с хищением содержат альтернативный признак, характеризующий вымогательство. Таким образом, данный признак должен быть отражен и в норме о мародерстве.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, это отсутствие в ст. 356.1 УК РФ указания на место совершения преступления. Законодатель указывает лишь обязательное условие – совершение хищения в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Отсюда вытекает вопрос: хищение телевизора из квартиры, находящейся в сотнях километров от территории боевых действий, совершенное в военное время, будет признаваться мародерством? Конечно, мы понимаем, что это совершенно неверная квалификация деяния, однако, исходя из буквы закона, действия, описанные в примере, полностью подпадают под признаки мародерства, перечисленные в законе. Полагаем, что в целях устранения данного технико-юридического пробела необходимо включить в ч. 1 ст. 356.1 УК РФ указание на совершение деяния в зоне боевых действий.

Подводя итог нашего исследования, хотелось бы отметить, что действующая норма об уголовной ответственности за мародерство является несовершенной и подлежит коррекции. На наш взгляд, редакция основного состава статьи 356.1 УК РФ может выглядеть следующим образом:

Статья 356.1. Мародерство

1. Мародерство, то есть хищение либо вымогательство чужого имущества, совершенные в зоне боевых действий в период военного положения, в военное время или условиях военного конфликта, наказываются лишением свободы на срок до шести лет...

Примечание 1. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая сто тысяч рублей, а особо крупным – пятьсот тысяч рублей.

Ссылки

1. Курносова Т. И. История закрепления понятий о военных преступлениях и преступлениях против человечности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 110–115.
2. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: К–О / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 230 с.
3. Грузинская Е. И., Тахтенкова А. О. Хищение имущества, находящегося при трупе: вопросы квалификации // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 116–122.
4. Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 76–83.
5. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.

The content and specifics of the microstructural organization of the process of metathinking (article one)

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -272-287

Research article
Full text in Russian

Theoretical and experimental materials are presented that contribute to the solution of one of the main problems of modern metacognitivism - the question of the existence of independent content in the main metacognitive processes, as well as its specificity in relation to the content of primary cognitive processes. The main result of the experimental results obtained is the substantiation of a positive solution to this issue and the proof that additional procedural content is generated in the process of metathinking. The specific means underlying this are considered and interpreted. It is shown how exactly these data contribute to the expansion and refinement of existing views on the subject of metacognitivism.

Keywords: metathinking; structure; thinking; organization; metcognitivism; metacognitive processes; structural regularities

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member
of RAO

Funding: Russian science foundation (project 21-18-00039).

Содержание и специфика микроструктурной организации процесса метамышления (статья первая)

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -272-287
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены теоретические и экспериментальные материалы, содействующие решению одной из главных проблем современного метакогнитивизма – вопроса о существовании у основных метакогнитивных процессов самостоятельного содержания, а также его специфике по отношению к содержанию первичных когнитивных процессов. Основным итогом полученных экспериментальных результатов является обоснование позитивного варианта решения данного вопроса и доказательство того, что в процессе метамышления генерируется дополнительное процессуальное содержание. Рассмотрены и проинтерпретированы конкретные средства, лежащие в основе этого. Показано, как именно эти данные содействуют расширению и уточнению существующих взглядов относительно предмета метакогнитивизма.

Ключевые слова: метамышление; структура; мышление; организация; метакогнитивизм; метакогнитивные процессы; структурные закономерности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Финансирование: Российский научный фонд (проект № 21-18-00039).

Теоретические предпосылки исследования

Одной из наиболее сложных и в то же время важнейших и определяющих в метакогнитивизме является проблема обоснования самостоятельности статуса метапроцессов как такового [1–2]. Это, в свою очередь, предполагает доказательство наличия у них своего собственного, специфического им, содержания. Важность данной проблемы обусловлена тем,

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

что лишь при наличии этого статуса можно говорить об их несводимости к содержанию тех «первичных» когнитивных процессов, на основе которых они базируются и продуктами качественных трансформаций выступают. Следовательно, только в этом случае они могут рассматриваться как такие процессуальные образования, которые обладают собственной качественной определенностью и, следовательно, могут выступать как предмет изучения, который действительно дифференцируется от традиционно исследующихся «первичных» когнитивных процессов. И лишь в этом случае можно говорить о наличии у самого метакогнитивизма именно такого специфического *предмета* исследования, который делает данное направление обоснованным – *предметным*, причем не только в содержательном, но даже и в этимологическом отношении.

Вместе с тем данная проблема характеризуется не только определяющей важностью, но и столь же выраженной сложностью. Дело в том, что она связана с вопросом, который считается вообще одним из наиболее трудных и принципиальных в метакогнитивизме. Точнее было бы сказать не *в* метакогнитивизме, а *против* метакогнитивизма. Это вопрос о том, является ли тот или иной «вторичный» процесс (метакогнитивный) каким-то особым процессом. В более мягкой формулировке этот же вопрос формулируется следующим образом: является ли он отличным и *качественно специфическим* по отношению к «первичному» процессу (когнитивному)? Например, является ли таковым метамышление (как «вторичный» процесс) по отношению к просто мышлению (как «первичному»)? Целесообразно ли вообще дифференцировать его от просто мышления – даже в условном плане? Или же оно входит на правах аспекта и компонента, подпроцесса и – не исключено – уровня в составе все того же мышления? Являются ли отношения между ними отношениями паритетных сущностей или же эти отношения носят характер связи целого (мышления) и части (метамышления)?

Будучи очень сложным, но в то же время и критически значимым для всего метакогнитивизма, данный вопрос в действительности таит еще бóльшие сложности. Дело в том, что попытки его исследования собственными экспериментальными средствами, которые по понятным причинам являются решающими в плане обоснованного ответа на него, сталкиваются с новыми принципиальными трудностями. Они в конечном итоге обусловлены самой сутью метапроцессов как таковых, тем, что они выступают эффектами и продуктами своеобразного удвоения того или иного «первичного» когнитивного процесса – его оборачивания самого на себя. Вследствие этого они должны быть проинтерпретированы с позиций понятия *автовзаимодействия*, которое, однако, и обуславливает наиболее принципиальные трудности их экспериментального исследования. Дей-

ствительно, если бы речь шла о просто взаимодействии, то есть о взаимодействии в его традиционном понимании как процессе, развертывающемся между *разными* сущностями, то принципиальных трудностей его экспериментального моделирования и изучения не возникало, поскольку в этом случае вполне применимы традиционные схемы дизайна, разработанные для верификации взаимодействий между изучаемыми переменными. Однако в том случае, когда речь идет об автовзаимодействии, подобные схемы уже недостаточны и должны быть дополнены иными способами планирования эксперимента.

В целях разработки таких способов и, соответственно, общего подхода, который позволил бы решить этот вопрос, нами были сформулированы следующие положения, которые и были положены в основу представленного в данной работе исследования. Дело в том, что само автовзаимодействие, лежащее в основе конституирования любого метапроцесса, как показано нами ранее, реализуется на основе принципа *операндно-операторной обратимости*. Он, в свою очередь, означает, что в структуре метапроцессов как «вторичных» тот или иной «первичный» когнитивный процесс выступает в двух модусах – операторном и операндном. С одной стороны, он сохраняет свой исходный *операторный* модус и выступает в качестве активного операционного средства переработки информации, как внешней, так и внутренней. Однако, с другой стороны, он обретает и производный, вторичный, модус – выступает уже как то, на что он сам и направлен, в качестве предмета отражения, то есть в качестве относительно пассивного *операнда*. В этой связи необходимо отметить, что важные предпосылки для дифференциации этих модусов, синтез которых и составляет суть метакогнитивных процессов, содержатся, например, во взглядах С. Л. Рубинштейна, отмечавшего, что любой психический процесс – это не только то, *чем познается*, но и то, *что познается* [3]. Сходный тезис содержится и в работах и Л. М. Веккера, указывавшего, что когнитивные процессы могут выступать и в качестве операторов, и в качестве операндов [4]. Следовательно, отсюда вытекает, что раскрытие самого автовзаимодействия требует выявления взаимодействия именно этих двух модусов «первичного» процесса, которое и порождает «вторичный» процесс, – операторного и операндного. Поэтому не только общий подход к раскрытию структуры автовзаимодействия, но и процедура его исследования должны предполагать необходимость и возможность экспликации этих модусов «первичных» процессов в составе метакогнитивных процессов.

Показательно, что именно при такой конкретизации данной проблемы открываются благоприятные возможности для ее решения. Действительно, именно в связи с этим становится совершенно очевидным,

что операторный модус образован тем, что и составляет сущность любого процессуального образования – его *операционным* составом. Наряду с этим, столь же понятно, что операндный модус также эксплицируется естественным образом в итоговых, *результативных*, проявлениях и эффектах того или иного когнитивного процесса, в частности мышления. По отношению к нему в качестве итогового эффекта выступает интеллект как таковой. В силу этого исследованию должны быть подвергнуты взаимодействия между двумя основными модусами мышления, выступающими одновременно и как уровни его организации. Первый – базовый операторный (агрегативный) уровень, на котором мышление представлено как его операционный состав. Он, в свою очередь, эксплицирует собственно операционный аспект мышления: в нем «первичный» процесс – мышление представлено в составе «вторичного» процесса – метамышления в статусе активного *оператора*. Второй – производный операндный уровень (интегративный). На нем оно же эксплицируется как целостность, как эффект и следствие собственно системной организации; мышление представлено уже в ином статусе – в его результативном проявлении и, следовательно, как относительно пассивный *операнд*, то есть уже не то, *чем познается*, а тем, *что познается*. Эти представления создают необходимые и достаточные условия для того, чтобы перейти к разработке и реализации конкретной процедуры экспериментального исследования основного вопроса данной работы.

Процедура и методики исследования

Действительно, в целях ее разработки может быть реализован следующий методический прием. Как отмечалось выше и как это следует из основополагающих представлений о содержании любого когнитивного процесса, он в первом из своих модусов – операторном – образован специфическим *операционным* составом [3, 5, 6]. По отношению к процессу мышления этот состав также вполне определен и традиционно дифференцируется на совокупность операций анализа, синтеза, абстрагирования, конкретизации, сравнения, обобщения, аналогизирования, экстраполяции, индукции, дедукции и др. Тем самым в этом модусе мышление должно быть представлено как совокупность основных мыслительных операций, которая и должна выступить средством его экспериментальной экспликации. Безусловно, что в этой связи возникают сложности, связанные с определением критериев отбора базовых мыслительных операций и с решением вопроса о его достаточности. Вместе с тем нельзя не видеть и того, что все же наиболее важные и потому репрезентативные в плане общего содержания процесса мышления операционные образования как раз и представлены в указанном перечне. Именно они, следовательно, должны составить предмет исследования, а показатели их диагно-

стики выступить в качестве одной из основных изучаемых переменных. Подчеркнем также, что уже эта исходная и, казалось бы, относительно несложная задача сопряжена с достаточно существенными трудностями. Дело в том, что сами операции должны быть такими, чтобы, с одной стороны, выступать достаточно репрезентативными по отношению к общему предмету исследования, то есть они должны эксплицировать процессуальное содержание мышления. Однако, с другой стороны, они должны быть и в необходимой степени операциональными, то есть допускать возможность их исследования в целом и диагностики степени развитости в частности. Формулируется сложная в методическом и процедурном плане задача «операционализации самих операций». В целях ее решения были, во-первых, отобраны следующие репрезентативные когнитивные операции и, соответственно, определены методики диагностики степени их развитости. За базовую методику была при этом взята известная и широко применяющаяся психодиагностическая методика Р. Амтхауэра (ТУС) [7].

1. Осведомленность (ОС), связанная с определением той *информационной* базы, на которой реализуется вся совокупность мыслительных операций и которая является значимым фактором их осуществления.

2. Исключение лишнего (ИЛ), являющееся предиктором сформированности *индуктивных* компонентов мышления и, соответственно, аналогичных операций.

3. Поиск аналогий (ПА) как предиктор операций *аналогизирования*.

4. Определение общего (ОО) – индикатор *операций абстрагирования* и *обобщения*.

5. Арифметический тест (АР) как предиктор аналитических способностей и, соответственно, операций *анализа*.

6. Определение закономерностей (ОЗ) как индикатор степени сформированности операций *анализа* и *синтеза*.

7. Геометрическое сложение (ГС) как предиктор операций абстрагирования по отношению к пространственному материалу.

8. Пространственное воображение (ПВ) как предиктор оперирования пространственными образами и операций *обобщения* их отношений.

9. Завершение картинок (ЗК) как индикатор дедуктивных компонентов мышления, связанных с операциями *конкретизации*.

10. Складывание фигур (СФ) как предиктор операций зрительного *обобщения*.

11. Конструирование блоков (КБ) как предиктор операций *синтеза*.

12. Последовательные картинки (ПК) как показатель развитости операций *экстраполяции* и *конкретизации*.

Во-вторых, необходимо обратить внимание еще на одну сложность организации исследования, а также на то, каким образом она была в нем минимизирована. Дело в том, что отдельные операции, представленные в составе того или иного когнитивного процесса, практически невозможно ни изучать, ни диагностировать так сказать «в чистом» виде. В силу этого они практически не допускают возможности их непосредственного измерения и аналогичного представления в количественном виде, что, в свою очередь, является необходимым условием для распространения на них методологии экспериментального исследования. Возникает задача, которая и обозначена выше как проблема операционализации самих операций – приведения их к виду, допускающему собственно экспериментальное (или, как минимум, эмпирическое) исследование. Эта трудность носит действительно наиболее принципиальный характер. Однако она может быть существенно минимизирована при учете одного из основных положений, лежащих в основе практически всех диагностических методик когнитивной сферы в целом и интеллекта в особенности [8–10]. Оно состоит в том, что выполнение любого тестового задания предполагает, конечно, опору не только на тот или иной отдельно взятый процесс, но и на всю их совокупность. Однако – и в этом заключается суть данного приема – должно соблюдаться следующее важнейшее и непременное условие. В них основная функциональная нагрузка должна все же ложиться на какой-либо определенный когнитивный процесс. Это можно обозначить как принцип функционального доминирования тех или иных процессов в моделируемых когнитивных заданиях, направленных на диагностику когнитивных процессов. Именно на этой основе и построены практически все интеллектуальные тесты. Однако то же самое с полным правом можно констатировать и по отношению к исследованию и диагностике отдельных операций. Их также невозможно ни смоделировать, ни диагностировать «в чистом» виде». Вместе с тем к этому можно приблизиться за счет создания таких условий, в которых та или иная из них будет функционально доминировать. Именно это и было реализовано в представленном ниже исследовании посредством использования в нем методики ТУС в качестве базовой. Учет всех этих обстоятельств является в значительной степени достаточным для того, чтобы перейти к собственно эмпирическому исследованию: он позволяет определить ту «единицу», которая носит именно операционный характер.

Существенно меньшие сложности сопряжены с операционализацией предмета во втором модусе – операндном. Дело в том, что именно в нем он, как правило, и представлен в его результативном проявлении – в интеллекте как таковом. Интеллект – это и есть во многом или даже в его определяющем плане результативный аспект мышления как процессуального

образования, хотя, конечно, он включает и ряд иных собственно когнитивных составляющих, соотносящихся с другими когнитивными процессами. Тем не менее важнейшую и определяющую роль в его структуре играет все-таки мышление. Поэтому именно он не только может, но и должен быть рассмотрен в качестве практически полного аналога или даже воплощения второго модуса мышления (операндного). В нем оно выступает в качестве уже не его собственно процессуальной «составляющей», а в качестве того, на что этот процесс направлен. В данном исследовании в целях диагностики интеллекта использовался тест Векслера [11].

Далее необходимо было решить и еще одну методическую задачу, сущность которой состоит в следующем. Как известно, для раскрытия особенностей и закономерностей того или иного процесса, а также и его содержания в целом не только может, но и должен быть использован прием, состоящий в определении его детерминационного влияния на эффективность выполнения какой-либо деятельности, содержание которой, в свою очередь, требует первоочередной опоры именно на него. Другими словами, для того чтобы определить специфику организации процессов мышления, необходимо установить его детерминационную роль по отношению к выполнению таких заданий, которые как раз и предполагают опору на него. В этих целях в исследовании моделировалась именно такая деятельность – подчеркнуто *когнитивная* по содержанию, а ее сущность состояла в следующем. Для обеспечения ее когнитивного характера необходимо было, разумеется, использовать те задачи, которые релевантны ему и которые обычно применяются в подобных случаях. Это, как известно, широко используемые задачи интеллектуального плана, а также задания, входящие в различные интеллектуальные тесты. При их отборе и комплексировании в общую батарею мы руководствовались также требованием разнородности самих задач. В их наборе должны быть предусмотрены различные типы и виды: логические и инсайтные; вербальные и невербальные; образные и символические; подчеркнуто репродуктивные и креативные; относительно менее и более сложные; представленные и в текстовом, и в графическом виде. Так, в эту батарею входили анаграммы, задачи на продолжение логических последовательностей, числовые ряды, нахождение недостающего компонента (слова или фигуры), задания-головоломки, задания из тестов на креативность, инсайтные задачи («9 точек», «5 квадратов», «10 монет»), логические задачи в текстовом варианте, детективные задачи из серии «Инспектор Варнике» и др. [12–14]. В результате обеспечивалась ее репрезентативность по отношению к когнитивной деятельности как таковой, представленной в различных вариантах и реализуемой на существенно разном материале. В общей сложности батарея включала 80 заданий.

В качестве результативного показателя эффективности выполнения экспериментальной деятельности использовалось процентное отношение правильно выполненных заданий к их общему количеству.

Наконец, для определения функциональной роли мышления в выполнении экспериментальных заданий со стороны как его операционного, так и операндного модуса использовались еще три методических приема. Первый состоял в реализации по отношению к обработке результатов метода корреляционного анализа и в его базовом варианте, и в варианте вычисления корреляционного отношения, которое, как известно, позволяет выявить не только простое соотношение тех или иных переменных друг с другом, но и в определенной мере детерминационные связи между ними. Второй прием состоял в обработке экспериментальных результатов на основе метода дисперсионного анализа в его двухфакторном варианте, при этом каждый из факторов соотносился с одним из двух основных модусов мышления и позволял определить их функциональную роль в выполнении заданий, а также эффекты их синтетического влияния на него. Третий прием заключался в том, что по отношению к этим результатам применялась методология факторного эксперимента в том варианте, который получил распространение как метод «факторных декомпозиций» и описан, например, в [15–16]. То, как конкретно он был реализован, представлено в ходе последующего изложения.

Выборка исследования включала 120 человек (54 – мужского и 66 – женского пола) в возрасте от 17 до 40 лет – студентов ярославских вузов, а также специалистов, работающих в основном в ИТ-сфере.

Полученные результаты и их обсуждение

Всю совокупность полученных результатов можно сгруппировать следующим образом. Во-первых, наиболее простой и очевидный способ обработки результатов – нахождение корреляции между индивидуальной мерой выраженности двух исследуемых модусов мышления – дал следующий результат. Корреляция, как прогнозировалось априорно и что представляется естественным, оказалась значимой, но лишь при $p < 0,10$, то есть на достаточно умеренном уровне. Данный результат свидетельствует о том, что исследуемая связь хотя, конечно, и существует, но представлена в более сложном и опосредствованном виде, нежели это полагается традиционно. По-видимому, аддитивная совокупность операций и их потенциалов не вполне тождественна их интегративному объединению и его воздействию на итоговые результаты. Отсюда следует, что аналитическая и синтетическая детерминации, представленные, соответственно, как суммативное влияние операций, с одной стороны, и их интегративное объединение – с другой, не являются тождественными. Во второй возникают специфические для любой интеграции синер-

гетические эффекты, которые и являются ее отличительными чертами. Тем самым уже эта интегративная «прибавка» свидетельствует о том, что в составе метамышления имеют место новые дополнительные операционные и процессуальные проявления, несводимые к содержанию первичных операций мышления.

Во-вторых, в итоге обработки полученных данных, но уже не методом нахождения простой корреляции (ρ), а методом корреляционного отношения (η^2), был получен следующий результат. Подчеркнем, что этот метод в существенно большей степени позволяет перейти от определения связи между переменными как таковыми к установлению детерминационных отношений между ними (хотя, конечно, он и не тождественен такому установлению в полной мере). В результате было выявлено, что оба коэффициента корреляционного отношения (η^2 АМ/ИМ и η^2 ИМ/АМ) оказались статистически значимыми¹. Причем тот коэффициент, который соотносится с влиянием операторного модуса на операндный (η^2 АМ/ИМ), значим на уровне $p < 0,10$, а коэффициент, который эксплицирует обратное влияние (η^2 ИМ/АМ), оказался значимым на уровне $p < 0,20$, то есть лишь на уровне тенденции. Отсюда следуют два вывода – один вполне ожидаемый, а второй менее прогнозируемый. Действительно, достаточно хорошо может быть объяснен тот факт, что операторный модус, эксплицирующий степень развернутости процессуальной стороны, ее совершенство, прямо влияет на достигаемый с его помощью результат. Однако, как можно видеть, и последний также в определенной мере выступает детерминантой первого, хотя в меньшей мере. Следовательно, можно говорить об обратном влиянии результата на процесс. Это свидетельствует о том, что адекватность репрезентации результата – представления об уровне развития своих когнитивных возможностей – также влияет на эффективность реализации когнитивных функций. Показателен и сам факт существования *обоюдных* влияний, что указывает на тесную взаимосвязь двух исследуемых модусов.

В-третьих, пожалуй, наиболее важным и показательным в плане основных задач данной работы является еще один результат. Он состоит в том, что по итогам обработки данных методом двухфакторного дисперсионного анализа было установлено статистически значимое влияние на итоговую эффективность экспериментальной деятельности не только каждого из факторов по отдельности, но и их *совместного* влияния. Так, автономные влияния со стороны исследованных факторов оказались значимыми соответственно на уровне $p < 0,01$ для операторного моду-

---

¹ Согласно принятым в методологии корреляционного анализа обозначениям, первый из них показывает влияние агрегативного модуса (АМ), то есть операторного по его сути, на интегративный модус (ИМ) как операндный. Второй показывает степень обратного влияния – второго на первый, то есть интегративного на агрегативный.

са и на уровне $p < 0,05$ для операндного модуса. Этот результат также вполне ожидаем, поскольку, с одной стороны, эффективность деятельности и должна зависеть как от содержания процесса, так и от его итогового эффекта. С другой стороны, она должна в большей степени определиться не процессуальной стороной, а его результативным выражением – в данном случае не совокупностью содержания операций, а их эффективностью, эксплицированной в индивидуальной мере развития интеллекта как их результативного эффекта. Однако наиболее существенно то, что значимая в статистическом отношении ($p < 0,05$) доля детерминации приходится на дисперсию взаимодействия этих факторов, то есть модусов мышления. Это, как известно, является объективным индикатором того, что имеет место возникновение нового источника детерминации – *нового процессуального содержания*, которое и выступает дополнительным детерминационным фактором. Тем самым можно видеть, что в результате совместного влияния двух факторов – двух модусов мышления – по существу порождается новое процессуальное содержание, несводимое к содержанию самих интегрируемых модусов. Оно, как это следует из методологии дисперсионного анализа, выступает индикатором синергетических взаимодействий между изучаемыми факторами. Конечно, в связи с интерпретацией результата приходится учитывать сложность экспликации такого рода синергетических взаимодействий и их неполную эксплицированность только средствами математического плана – в данном случае методом дисперсионного анализа. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Действительно, как следует из полученных результатов, существенная и значимая в статистическом отношении доля дисперсии оказалась обусловленной взаимодействием факторов, соотносящихся с каждым из двух модусов. Это означает, в свою очередь, что общий результат обусловлен не только автономными вкладами со стороны каждого из этих модусов, но и эффектами их взаимодействия – фактически синтетического совместного действия (интеграции). В ее результате возникают такие эффекты, которые несводимы к аддитивной совокупности функциональной роли отдельных интегрируемых компонентов. Можно видеть, что в результате интеграции возникает новое процессуальное содержание, отсутствующее у их аддитивной совокупности. Делая этот вывод, мы, разумеется, учитываем те возможные возражения, которые обусловлены ограничениями самого метода дисперсионного анализа [17]. Действительно, одно из них может быть сформулировано следующим образом. Дисперсия взаимодействия, строго говоря, свидетельствует о том, как один фактор изменяет влияние на «внешний критерий» (эффективность деятельности) другого фактора, но не о «возникновении нового» непосред-

ственно нового содержания, то есть некоторой онтологически представленной сущности. Однако все дело в том, как именно следует понимать само это «новое», а также в том, каким образом следует трактовать и само понятие «содержание». Новым может быть не только какая-либо субстанциональная – именно содержательная (в традиционном понимании этого слова, то есть материализованная, «овеществленная») сущность, не только содержание того или иного образования, в том числе и психического, но и сущность совершенно иного плана – организационного. Сама организация может быть представлена в разной форме, с разной степенью и на разных уровнях, обретая тем самым существенно разную специфику и в этом смысле – разное содержание. При этом она вовсе необязательно требует изменения состава и *содержания* тех субстанциональных основ, которые ей, собственно говоря, и подвергаются. Сам «материал» организации может оставаться инвариантным, хотя она как таковая все же очень существенно трансформируется. Иными словами, здесь необходимо обратиться к представлениям, которые требуют дополнения традиционных взглядов о субстанциональной организации и ее высшей форме – субстанциональной системности представлениями о качественно *ином* типе организации. Это такой тип, который характеризует разные формы и уровни совершенства собственно процессуальных характеристик тех или иных явлений, в том числе и психических [18]. Ими являются временная, *темпоральная* организация и, соответственно, *темпоральная системность*. Все это своего рода аксиомы теории организации, равно как и основные положения современных представлений о системности как форме организации и ее основных типах – не только субстанциональной, но и темпоральной. Однако именно они и должны быть привлечены к интерпретации полученных результатов.

Действительно, процесс трансформации влияния какого-либо фактора на «внешний критерий» – это, прежде всего, именно процесс, смысл которого состоит в изменении влияния на него другого процесса; это, следовательно, «процесс по изменению процесса», то есть собственно организационное средство. В результате этого и возникает новое содержание, но не в смысле того, что генерируется какая-либо «новая субстанция», новое содержание в его материализованном, субстанциональном смысле, а в смысле возникновения новой дополнительной организации уже представленных в психике процессов (с их средствами и механизмами). Трансформируется их темпоральная организация и, соответственно, эта организация обретает черты системности, но уже собственно темпоральной. Она и порождает новое содержание, но, повторяем, не субстанциональное, а организационное, то есть собственно процессуальное. В итоге имеет место обогащение процессуального содержания в целом. Поэтому именно

в тех случаях, когда дисперсионному анализу подвергаются сущности именно процессуального плана (как в данном исследовании), сами эффекты влияния одних факторов на другие, индицируемые в величинах дисперсии взаимодействия, могут и должны быть поняты как индикаторы нового организационного, собственно процессуального содержания. Оно как раз и эксплицирует иной уровень процессуального содержания, на котором представлены все те же «первичные» процессы, но в их синтетическом виде – в том, в котором они и приводят к возникновению нового содержания, выходящего за пределы их суммы. Тем самым этот результат уже непосредственно индицирует возникновение на уровне метамышления нового процессуального содержания, несводимого к содержанию того уровня, на котором локализован «первичный» процесс мышления и, следовательно, о наличии у него специфического процессуального статуса – статуса «вторичного» процесса.

В-четвертых, результаты были обработаны и посредством методологии факторного эксперимента [19] в варианте метода «факторных декомпозиций» [20]. Так, на рис. 1 представлены данные, полученные при его реализации.

	A ⁻	A ⁺
I ⁻	A ⁻ I ⁻ (1 подгруппа)	A ⁻ I ⁺ (2 подгруппа)
I ⁺	A ⁻ I ⁺ (3 подгруппа)	A ⁺ I ⁺ (4 подгруппа)

а

	A ⁻	A ⁺	
I ⁻	64	73	68,5
I ⁺	67	89	76,5
	66,5	81	

б

знаки «-» и «+» символизируют, соответственно, минимальный и максимальный уровни значений рассматриваемых факторов, то есть степени выраженности этих процессов; в ячейках плана указаны сочетания значений факторов, на основе которых формировались экспериментальные подгруппы (а) и значения результатов деятельности в процентном отношении правильно выполненных заданий к их общему числу (б). 68,5 и 76,5 – средние значения по строкам; 66,5 и 81 – средние значения по столбцам

Рис. 1. Факторный план эксперимента (а) и результаты экспериментальной деятельности в подгруппах с различными сочетаниями выраженности агрегативного (А) и интегративного (И) модусов (б).

Расчеты, произведенные на основе представленных выше данных, показывают, что на долю автономного влияния фактора, связанного с агрегативным (операторным) модусом, приходится (69,5–59,5) 10 единиц «внешнего критерия»; на долю автономного влияния фактора, связанного с интегративным (операндным) модусом – (71,5 – 57,5) 14 единиц. Отметим, что обе эти величины являются статистически значимыми ($p < 0,05$). Вместе с тем наиболее показательно, что коэффициент взаимодействия между этими факторами, то есть между операторным (агрегативным) и операндным (интегративным) модусами (кАМ × ИМ), определенный по известному методу вычисления «разности двух разностей» [19], равен 14 единицам:

$$k_{\text{АМ} \times \text{ИМ}} = (55 - 64) - (60 - 79) = 14 \text{ единиц.}$$

Он также является статистически значимым ($p < 0,05$). Следовательно, между рассматриваемыми процессами имеет место значимое взаимодействие – их взаимовлияние друг на друга. Однако именно это взаимодействие также свидетельствует о генерации, по существу, нового процессуального содержания, связанного с тем, как один модус опосредствует влияние другого на конечные результаты. Тем самым вновь возникают основания для вывода, что во взаимодействии двух модусов мышления возникают новые процессуальные характеристики, которые отсутствуют у каждого из них по отдельности. Они являются специфичными именно для их синтеза, который и образует процесс метамышления, свидетельствуя в пользу относительной самостоятельности его процессуального статуса.

Выводы

1. Наиболее сложная и в то же время определяющая проблема современного метакогнитивизма – обоснование самостоятельности статуса метапроцессов как таковых может быть решена посредством доказательства существования у них собственного специфического содержания. Лишь в этом случае можно говорить об их несводимости – нередуцируемости к содержанию тех «первичных» когнитивных процессов, на основе которых они базируются и продуктами качественных трансформаций которых они выступают.

2. Вся совокупность представленных экспериментальных результатов является аргументом в пользу позитивного решения данного вопроса. Действительно, разными путями и различными экспериментальными средствами показано, что содержание процесса метамышления в целом не может быть сведено к содержанию «первичного» процесса – мышления, продуктом усложнения которого оно является. На уровне этого «вторичного» процесса генерируются новые процессуальные характеристики,

обуславливающие дополнительное по отношению к самому «первичному» процессу содержание.

3. По отношению к процессу метамышления такая генерация реализуется посредством специфического типа его организации через автовзаимодействие двух основных модусов мышления – операторного (агрегативного), представленного как аддитивная совокупность его основных операций, и операндного (интегративного), представленного как их общая организация, то есть как их системный синтез. В первом модусе мышление выступает как активный оператор, а во втором – как относительно пассивный операнд. В ходе автовзаимодействия двух базовых модусов «первичного» процесса мышления имеет место действие средств собственно интегративного типа, приводящих к возникновению эффектов синергетического плана, которые, в свою очередь, обуславливают генерацию дополнительного процессуального содержания, не представленного в каждом из интегрируемых модусов.

4. Порождение этого дополнительного содержания является доказательством наличия у метамышления как «вторичного» качественной специфичности по отношению к тому «первичному» процессу, на основе которого он формируется, – мышлению. Вместе с тем эта специфичность не отрицает качественной определенности самого «первичного» процесса, а, напротив, конституируется посредством ее трансформации и качественного усложнения.

5. Специфика и содержание микроструктурной организации метамышления состоит в том, что оно образовано двумя основными компонентами – операторным и операндным. В качестве первого выступает совокупность его основных операционных средств, синтезированных в операционный состав этого процесса. В качестве второго оно же выступает как интегративный эффект их синтеза, в результате чего порождаются синергетические эффекты, эксплицирующиеся в итоговом результативном проявлении – индивидуальной мере его развития и проявляющиеся в уровне интеллекта.

Ссылки

1. Flavell J. H. Metacognition: answered and unanswered questions // Educational Psychology. 1989. V. 24. P. 143–158.
2. Metacognition: Knowing about / eds.: J. Metcalfe, A. P. Shimamura. Knowing. Cambridge, MA: MIT Press. 1994. 323 p.
3. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Москва: Педагогика, 1973. 424 с.
4. Веккер Л. М. Психические процессы. Ленинград: ЛГУ, 1974–1976. Т. 1. 334 с.

5. Ментальная репрезентация. Москва: ИП РАН, 1998. 320 с.
6. Познавательные процессы. Москва: Педагогика, 1982. 328 с.
7. Тест умственных способностей / И. Г. Сенин, О.В. Сорокина, В. И. Чирков. Ярославль: Психодиагностика, 1996. 47 с.
8. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. Москва: Изд. дом РАО, 2015.
9. Солсо Р. Когнитивная психология. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 586 с.
10. Anderson J. R. Cognitive psychology and its implications. 2nd ed.. N. Y.: W.H. Freeman, 1985. 521 p.
11. Психодиагностика: теория и практика. Москва: Прогресс, 1986. 207 с.
12. Понтыкина М. И. Сборник задач и упражнений по логике. Тольятти, 2002. 72 с.
13. Сухин И. Н. 800 новых логических и математических головоломок. Москва: Астрель, 2008. 270 с.
14. Туник Е. Е. Диагностика креативности. Тест Э. Торренса. Санкт-Петербург: Иматон, 1998. 178 с.
15. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. Москва: Изд. дом РАО, 2011. 1080 с.
16. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. Москва: Изд. дом РАО, 2012. 494 с.
17. Шеффе Г. Дисперсионный анализ. Москва: ГИФ, 1963. 331 с.
18. Карпов А. В., Карпов А. А., Филиппова Ю. В. Специфика взаимосвязи процессов метамышления и метапамяти // Экспериментальная психология. 2022. № 4. С. 50–67.
19. Experimental Psychology. Methodological approach. 3rd ed. / Ed. F. J. McGuigan. Englewood Cliffs, 1978. 441 p.
20. Карпов А. А. Новые методики исследования метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: Москва: МПСУ, 2019. 132 с.

Communicative aspects in indicators of inclusive education monitoring

E. V. Koneva¹, G. O. Roschina², L. S. Rusanova²

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²K. D. Ushinsky Yaroslavl state Pedagogical University, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -288-297

Research article
Full text in Russian

The article analyzes one of the basic methodological tasks of monitoring and ensuring the quality of inclusive education of children with disabilities – determination of indicators, to be using in monitoring process. The authors consider the possibility of usage monitoring indicators based on solutions of PMPC. It's also shown many important factors of successful inclusion – parent's settings and, especially, teachers attitudes, their previous experience, motivation, professional work skills, communication, children's with disabilities well-being, sociometric status, manifestation of bullying in inclusive classes. Relevant indicators require standardization and ask a question of organizational aspects.

Keywords: children and teens with disabilities; inclusive education monitoring; communicative aspects in indicators; organization of monitoring

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V.	E-mail: ev-kon@yandex.ru Doc. Sc. (Psychology), Associate Professor
Roschina, Galina O.	E-mail: g.roschina2020@mail.ru Cand. Sc. (Pedagogy)
Rusanova, Lilia S.	E-mail: lirusanova@yandex.ru Cand. Sc. (Pedagogy)

Коммуникативные аспекты в показателях мониторинга инклюзивного образования

Е. В. Конева¹, Г. О. Рощина², Л. С. Русанова²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 1500003, Российская Федерация

²Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-288-297
УДК 159.9, 379.8

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассмотрена одна из базовых методологических задач мониторинга и обеспечения качества инклюзивного образования детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) – определение показателей, которые подлежат фиксации в процессе мониторинга. Авторы рассматривают возможность конкретизации мониторинговых показателей на основе рекомендаций ПМПК. Показано также, что одним из существенных факторов успешной инклюзии детей с ОВЗ становится отношение к ней родителей и педагогов, их опыт, мотивация, профессиональные навыки и коммуникация. Специфичность критериев успешного функционирования образовательной среды применительно к обучающимся с ОВЗ привлекает особое внимание к их психологическому благополучию, социометрическому статусу и проявлениям буллинга в инклюзивных классах. Соответствующие показатели требуют стандартизации и ставят вопрос об организационных аспектах мониторинга инклюзивного образования.

Ключевые слова: дети и подростки с ограниченными возможностями; мониторинг инклюзивного образования; коммуникативные аспекты в показателях; организация мониторинга

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна | E-mail: ev-kon@yandex.ru
Доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии

Рощина, Галина Овсеповна | E-mail: lirusanova@yandex.ru
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры медико-биологических основ дефектологии и теории логопедии

Русанова, Лилия Сергеевна | E-mail: lirusanova@yandex.ru
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры медико-биологических основ дефектологии и теории логопедии

Обеспечение качественного образования для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) различных нозологических групп, детей-инвалидов и детей с нарушениями поведения¹ актуализирует задачи изучения и анализа условий их образовательной среды. Одним из соответствующих инструментов, находящимся в настоящее время в процессе становления, является мониторинговая процедура [1–2].

Определяя сущность мониторинга, разные авторы солидарны в понимании его как целенаправленного наблюдения, слежения за педагогическим процессом [3–4], а также как участие в управлении им с помощью обратной связи, которую участники образовательного процесса получают в ходе оценки его результатов [5–6]. Важнейшим аспектом мониторинга является, кроме того, получение информации для построения прогноза развития изучаемой в процессе мониторинга системы [3].

Если цели мониторинга отчетливо следуют из приведенных выше определений, то его осуществление сопряжено с решением целого ряда методологических задач. Базовая из них, на наш взгляд, это определение показателей, подлежащих фиксации в процессе мониторинга. От этого зависят многие частные аспекты: используемые методы и процедуры, критерии оценки результатов, профессиональный состав специалистов, проводящих мониторинг, источники информации и др.

Применительно к обучению детей и подростков с ОВЗ измеряемые показатели закономерно приобретают специфику, обусловленную созданием специальных условий обучения и воспитания. Но собственно констатации этого факта недостаточно для определения методологической основы и направлений мониторинга в сфере обучения данной категории лиц. Возможности конкретизации показателей, подлежащих фиксации, предоставляют рекомендации психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК). Использование рекомендаций для выделения искомых показателей обусловлено несколькими причинами. Во-первых, рекомендации выделены на основе комплексного обследования детей специалистами различных профилей, то есть обладают комплексностью и высокой степенью достоверности. Во-вторых, многолетний опыт работы ПМПК создает основу для обобщения результатов обследования детей и подростков разных нозологических групп и получения на основе такого обобщения данных, позволяющих сформулировать базовый комплекс рекомендаций для каждой нозологической группы. С учетом индивидуальных особенностей каждого обучающегося этот комплекс вместе с тем предоставляет образовательным учреждениям возможность универсализации процесса обучения сложных категорий детей и подростков и, соот-

---

¹ В последующем тексте будем употреблять формулировку «дети с ОВЗ».

ветственно, дает организаторам образования ориентиры оптимального процесса. Следовательно, учет рекомендаций ПМПК может служить значимым показателем при мониторинге условий, создаваемых образовательными учреждениями для детей с ОВЗ.

В свою очередь, выводы о выполнении решений ПМПК могут быть обоснованы либо конкретизированы с учетом особенностей образовательного процесса. Во-первых, следует исходить из наличия отдельных материальных компонентов социальных условий: применения специальных образовательных учебных программ и методов обучения и воспитания; использования специальных дидактических материалов, учебных пособий, учебников; применения специальных технических средств обучения индивидуального и группового пользования; организации деятельности ассистента (помощника) для оказания обучающимся необходимой технической помощи; наличия тьютора; организации групповых и индивидуальных коррекционных занятий; конструктивных особенностей учебных зданий, адаптированных для нужд детей с ОВЗ; сопутствующих условий, профилактирующих возможные затруднения при освоении обучающимися с ОВЗ образовательных программ.

Во-вторых, важна оценка организации психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ, а также кадровая обеспеченность учебного и воспитательного процесса.

Как материальная, так и организационная базы психолого-педагогического сопровождения сами по себе представляют систему, включающую множество элементов и требующую значительных ресурсов. В числе прочего, объемной и многообразной по содержанию является задача психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса детей с ОВЗ. В настоящее время ПМПК в своих рекомендациях не ограничиваются общей формулировкой о необходимости сопровождения, а конкретизируют ее в соответствии с особенностями и психологическим потенциалом детей. В процесс психолого-педагогического сопровождения включены их родители, педагоги, дети с нормативным развитием. Как традиционные формы психолого-педагогического сопровождения (консультации и интерактивные занятия), так и инновационные виды могут реализовываться лишь в условиях взаимного принятия указанными группами друг друга.

Толерантное отношение участников образовательного процесса может быть одним из показателей, подлежащим измерению в ходе мониторинга, поскольку способствует психологическому благополучию детей с ОВЗ, а оно, в свою очередь, отражает эффективность условий, создаваемых для детей образовательными учреждениями. О важности этой про-

блемы свидетельствует значительное число работ, затрагивающих разные аспекты данной темы.

В частности, в качестве одного из факторов успешной инклюзии выступает отношение родителей и педагогов к самому факту ее наличия. Исследования показывают, что обе стороны образовательного процесса (родители и учителя) в целом положительно воспринимают саму идею. При этом значительная часть педагогов, в отличие от большинства родителей, полагают, что реализация инклюзии более целесообразна в начальной школе, нежели на протяжении всего периода обучения детей с ОВЗ. В свою очередь, родители не всегда осведомлены о различных моделях инклюзии – полной, комбинированной, временной, что достаточно хорошо известно педагогам [7]. Тем не менее по-прежнему важной остается подготовка педагогов к работе с детьми с ОВЗ, несмотря на, казалось бы, немалый опыт, накопленный в этом направлении.

Согласно данным мониторинговых исследований, многие педагоги выражают готовность к выполнению трудовых функций, связанных с освоением методов и технологий психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ в условиях инклюзивного образования, понимая, что они в большей степени связаны с реализацией индивидуального подхода к обучающимся, которые чаще являются объектом сопровождения.

Очевидно, что на практике не все педагоги оказываются готовыми к ситуации обучения в инклюзивном классе, многие переживают чувство «страха», «тревоги», «ответственности» за возможные ошибки. Подобные эмоциональные проявления, иррациональные установки и состояние «выученной беспомощности» могут существенно снизить эффективность деятельности специалистов. Показано, что нарушение мотивации деятельности педагогов в связи со сложившимися представлениями о безрезультатности усилий оказывает заметное влияние на самооффективность [8]. Исходя из концепции А. Бандуры о самооффективности [9], Р. Л. Кривичевский определяет ее как «...убежденность людей в своих возможностях мобилизовать мотивацию, интеллектуальные ресурсы, поведенческие усилия на осуществление контроля за событиями, оказывающими влияние на их жизнь» [10].

Все это подтверждает, что мотивационную готовность педагогов к преодолению ситуативных препятствий, намеренные поведенческие ситуации относительно ребенка и его семьи, уверенность в результативности применения инклюзивных методов и технологий, перспективное видение результатов образовательной деятельности можно рассматривать как важные показатели в мониторинговых исследованиях инклюзивного

образования, которые во многом определяют успешность достижения ребенком с особенностями в развитии учебных целевых ориентиров.

Говоря о социально-психологических показателях мониторинга, можно начать с того, что коммуникативная структура инклюзивного образования, в частности, межличностные отношения между детьми существенно зависят от позиции как родителей детей с ОВЗ, так и родителей их одноклассников с нормативным развитием. По мнению Т. Н. Авдеевой, у родителей обычных детей отсутствует база для формирования когнитивного, мотивационного и поведенческого компонентов психологической готовности к инклюзии, поскольку у большинства родителей нет опыта общения с детьми с ОВЗ [11]. Совершенно очевидно, однако, что не следует рассматривать родителей как однородную выборку. На их отношение к обучению их детей вместе с детьми, имеющими ОВЗ, влияют социально-экономический статус, уровень образования, нозология детей с ОВЗ. Однако наряду с этими факторами называется, как и в вышеупомянутом источнике, опыт интеграции [12].

Родители детей с ОВЗ при общем положительном отношении к инклюзии отмечают не только ее позитивные стороны. В частности, массовая школа не нацелена на формирование трудовых навыков, тогда как в ряде случаев целесообразно обучение детей с ограничениями здоровья в специализированных профессиональных учебных заведениях, где обучающиеся получают навыки, соответствующие их возможностям [13].

К негативным составляющим коммуникативной структуры инклюзивного образования можно отнести и конфликтность между педагогами, причинами которой могут становиться неравнозначность функциональных обязанностей, повышенные родительские требования, противоречивые взгляды на успешность обучения ребенка с ОВЗ в инклюзивном классе и т. п. [14].

Заслуживают внимания данные, полученные исследователями при непосредственном изучении психологического благополучия детей с ОВЗ. При этом существенно, что фактором, влияющим на психологическое благополучие, выступает тип учебного коллектива, в который включены обучающиеся: смешанный (инклюзивный) класс или однородный (фактически коррекционный). В частности, при переходе из начального в среднее звено обучения психологическое благополучие учащихся коррекционных классов (детей со смешанными специфическими расстройствами развития) ухудшилось в большем объеме, чем в общеобразовательных классах [15].

Психологическое благополучие, будучи сложным феноменом психики, закономерно объединяет ряд отдельных компонентов либо коррели-

рует со смежными феноменами, например с самооценкой и социальным статусом. При их изучении обнаружилась различная связь между ними в обычном и инклюзивном классе: в классе инклюзивного типа (включающем детей с ОВЗ разных нозологических форм) эти два феномена связаны обратной связью, в классе, где обучаются дети без ОВЗ, – прямой [16], что еще раз подчеркивает специфичность критериев успешного функционирования образовательной среды применительно к обучающимся с ОВЗ.

Изучение социального статуса детей с ОВЗ в инклюзивном классе с применением социометрии позволяет получить и другие результаты, свидетельствующие, в частности, о низком уровне принятия детей с ОВЗ в инклюзивном классе [17]. Аналогичные данные получены с использованием других процедур измерения [18]. Существуют факторы позитивного отношения обучающихся к детям с инвалидностью: принадлежность к женскому полу, высокое качество жизни, дружба с ребенком, имеющим инвалидность, и получение от родителей или из средств массовой информации сведений, положительно характеризующих людей с инвалидностью, а также степень включенности детей с инвалидностью в социальные процессы [19–20]. Играет роль и нозологическая форма, обуславливающая принадлежность детей к категории лиц с ОВЗ: в наибольшей степени негативно школьники относятся к одноклассникам с когнитивными или поведенческими нарушениями [21].

В исследованиях, проводимых совместно с коллегами, одним из авторов данной статьи [22] изучались проявления буллинга в школьных классах и группах колледжа, где обучались лица со смешанными специфическими расстройствами психологического развития в сопоставлении с контрольной группой школьников без ОВЗ. Методика предполагала оценку испытуемыми выраженности в учебном коллективе следующих проявлений неуставных отношений: внутригрупповой поляризации, социальной регуляции поведения в группе, дискриминации членов аутгруппы, принуждения к погашению фактического или мнимого долга, землячества, внутригрупповой иерархии. Обнаружено, что в количественном отношении буллинг в группе обучающихся со смешанными специфическими расстройствами психологического развития (состоящей из школьников и обучающихся колледжа) находится на среднем уровне и несущественно отличается от такового у группы испытуемых, не имеющих отклонений. Зафиксированы различия в отдельных проявлениях буллинга, но они незначительны. Поэтому есть основания полагать, что и в инклюзивном классе данный феномен не обладает специфичностью ни в количественном, ни в качественном отношении, то есть он отличается определенной константностью независимо от характеристик контингента обучающихся.

Следовательно, данные о выраженности буллинга высоко диагностичны: превышение среднего уровня следует рассматривать как тревожный симптом. Буллинг как явление оказывает негативное влияние на психологическое благополучие обучающихся, соответственно, его диагностика также целесообразна для получения информации о функционировании учебного процесса, в том числе в инклюзивных классах.

Таким образом, в качестве показателей успешности инклюзии детей с ОВЗ, наряду с традиционными и относительно легко фиксируемыми (учебные программы, тьюторы, доступная среда), можно рассматривать следующее:

- маркеры психологического благополучия обучающихся с ОВЗ и их нормативно развивающихся одноклассников;
- социометрический статус детей с ОВЗ;
- проявления буллинга в инклюзивном классе;
- отношение родителей обеих категорий детей к факту их совместного обучения.

Использование тех или иных показателей само по себе не означает безусловную успешность их применения. Для ее обеспечения необходима прежде всего стандартизация процедур измерения обозначенных показателей, но в любом случае реализация этих процедур представляет собой довольно трудоемкий процесс. Кроме того, сравнение результатов может быть затруднено разницей в условиях обучения детей с ОВЗ, начиная с используемой модели инклюзии и заканчивая конфигурацией класса (количество детей в классе, процент среди них обучающихся с ОВЗ, нозологические формы ОВЗ и т. д.).

Немаловажно и определение организационных аспектов мониторинга, а именно тех структур, которые заинтересованы в его проведении и располагают возможностями для этого. По-видимому, это прежде всего ПМПК разных уровней, поскольку информация о выполнении их рекомендаций представляет собой ценнейшую обратную связь, способствующую и повышению качества работы ПМПК, и углублению их интеграции с образовательными учреждениями. Организовать мониторинг могут и сами образовательные учреждения, так как этот процесс вполне согласуется с другими средствами решения задач системы образования. Более того, он потенциально способен стать источником уникальной информации, на основе которой возможно проектирование различных направлений деятельности образовательного учреждения – от организации внеучебных мероприятий для детей с ОВЗ до программ повышения самоэффективности педагогов.

Ссылки

1. Алехина С. В. Психолого-педагогические исследования инклюзивного образования в практике подготовки магистрантов // Психологическая наука и образование. 2015. № 3. С. 70–78.
2. Экспертиза качества специальных условий для получения образования обучающимися с ОВЗ как условие повышения эффективности психолого-педагогического сопровождения / И. В. Пестова [и др.] // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17, № 2. С. 139–149.
3. Майоров А. Н. Мониторинг в образовании М.: Интеллект-Центр, 2005. 424 с.
4. Кардашова К. В. Мониторинг в специальном образовании // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. 2016. № 1 (5). С. 220–223.
5. Болотов В. А. Оценка качества образования. Ретроспективы и перспективы // Управление школой. 2012. № 5. С. 9–11.
6. Назарова С. И. Экспертиза качества педагогического образования на основе профессионального стандарта педагога // Человек и образование. 2015. № 1. С. 129–134.
7. Косикова Л. В. Инклюзивное образование: отношение родителей и педагогов к инклюзивному образованию // Северо-Кавказский психологический вестник. 2009. Т.7, №1. С. 69–73.
8. Рощина Г. О. Самоэффективность педагога инклюзивного образования: от «выученной беспомощности» до профессиональной самооценки // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2022. № 2. С. 47–54.
9. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия. 2000. 320 с.
10. Кричевский Р. Л. Самоэффективность и акмеологический подход к исследованию личности // Акмеология. 2001. № 1. С.47–52.
11. Авдеева Т. Н. Проблемы психологической готовности родителей различных категорий детей к инклюзивному образованию // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 4. С.112–119.
12. De Boer A., Pijl S. J., Minnaert A. Students' attitudes towards peers with disabilities: A review of the literature // International Journal of disability, development and education. 2012. Vol.59, № 4. pp. 379–392.
13. Heyam E. Attitudes toward inclusion of children with special needs in regular schools (A case study from parents' perspective) // Educational Research and Reviews. 2009. Vol. 4, pp. 164–172.
14. Торосян Ю. А., Суняйкина Т. В. Исследование конфликтологической культуры педагогов общеобразовательной организации // Концепт. 2017. № 2. С. 160–167.

15. Деревянкина Н. А. Изменение психологического благополучия школьников с задержкой психического развития при переходе в среднее звено // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4. С. 176–185.
16. Тальшева И. А. Самооценка и социальный статус детей, учащихся в инклюзивном классе // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-6. С. 309–315.
17. Плотников С. Г., Бочарова И. С., Колесникова Е. А. Оценка социометрического статуса детей с ограниченными возможностями здоровья в коллективе сверстников при инклюзивном обучении // Наука и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции (8 ноября 2014 г, г. Уфа). Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. С. 289–291.
18. Старовойт Н. В. Инклюзивный класс: размышления ученого над результатами социометрического исследования // Инклюзивное образование: теория и практика. 2018. С. 97–101.
19. Determinants of students' attitudes towards peers with disabilities / C. Vignes [et al.] // Developmental Medicine & Child Neurology. 2009. Т. 51, № 6. С. 473–479.
20. De Boer A., Pijl S. J., Minnaert A. Attitudes of parents toward inclusive education: A review of the literature // European Journal of Special Needs Education. 2010. Vol. 25, № 2. P. 165–181.
21. Improving attitudes towards children with disabilities in a school context: A cluster randomized intervention study / E. Godeau [et al.] // Developmental Medicine & Child Neurology. 2010. Vol. 52, № 10. P. 236–242.
22. Конева Е. В., Солондаев В. К., Пелевина А. А. «Неуставные отношения» в учебных коллективах // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 95–99.

Phenomenological analysis of the art perception

A. V. Chistopolskaya¹, D. L. Karpov¹, S. A. Trifonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -298-307

Research article
Full text in Russian

The article presents some results of a qualitative study of the phenomenology of perception of art. As the main results, we received an aesthetic preference for the directions of realism and impressionism by most of the subjects. Aesthetic experience can be described in the categories of rational and emotional. The aesthetic evaluation of paintings is dominated by rational categories. The category of emotional is highly differentiated and includes various types of emotions: ethical, aesthetic, hedonistic and everyday.

Keywords: aesthetic experience; perception of paintings; emotional and rational signs; aesthetic evaluation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chistopolskaya, Alexandra V. | E-mail: chistosasha@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Karpov, Denis L. | E-mail: karpovdl@yandex.ru
Cand. Sc. (Philology)

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project CS-01/2022).

Феноменологический анализ восприятия художественных произведений

А. В. Чистопольская¹, Д. Л. Карпов¹, С. А. Трифонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 1500003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-298-307
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены некоторые результаты качественного исследования феноменологии восприятия художественных произведений. В качестве основных результатов мы получили эстетическое предпочтение направленный реализма и импрессионизма большинством испытуемых. Эстетический опыт может быть описан в категориях рационального и эмоционального. В эстетической оценке картин преобладают рациональные категории. Категория эмоционального весьма дифференцирована и включает различные типы эмоций: этические, эстетические, гедонистические и повседневные.

Ключевые слова: эстетический опыт; восприятие картин; эмоциональные и рациональные признаки; эстетическая оценка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чистопольская, Александра Валерьевна | E-mail: chistosasha@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Карпов, Денис Львович | E-mail: karpovdl@yandex.ru
Кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии

Трифорова, Светлана Алексеевна | E-mail: sv-trif@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ (проект CS-01/2022).

Введение

В последние десятилетия активно развивается область когнитивной нейронауки – нейроэстетика и когнитивная психология искусства, изучающие процесс эстетической оценки объектов и мозговые механизмы эстетического опыта. При этом в большей степени в фокусе исследовательского внимания оказывается скорее процесс восприятия произведений искусства.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Одной из популярных моделей восприятия живописи является модель Х. Ледера и коллег [1]. Авторы предлагают модель обработки информации, которая объясняет возникновение эстетического удовольствия и формирование эстетических суждений. В этой модели выделяется 5 этапов обработки информации и факторы, которые влияют на каждом этапе [1].

А. Шимамура предлагает свою схему компонентов художественного опыта. Она включает три основных блока: художника с его намерением создать произведение искусства, произведение искусства и смотрящего на это произведение, реципиента, зрителя. При этом главной проблемой для исследователя является то, как мы воспринимаем искусство, то есть опыт эстетического восприятия зрителя. В описании этого опыта важно, как произведение искусства влияет на три основные психические функции зрителя: чувства, знания и эмоции [2]. В качестве намерений художника автор рассматривает 4 возможных подхода к искусству: миметический подход, экспрессионистский, формалистский и концептуальный подход. Таким образом, важно здесь и включение намерений и задач автора произведения, которые могут быть распознаны и оценены эстетически зрителем.

М. Пеловски в своей статье «Слезы и трансформация: желание плакать как показатель пронизательного или “эстетического” опыта общения с искусством» показывает, что слезы или чувство «как будто слезы подступают» могут являться показателем инсайта и эстетического опыта, возникающего в результате изменения представлений о себе или окружающем мире при встрече с произведением искусства. Слезы могут указывать на обработку информации [3].

Таким образом, существует большое количество факторов и переменных, оказывающих влияние на наш эстетический опыт, – от относительно низкоуровневых (цветовая гамма, знакомость объекта, группировка, сложность) до достаточно высокоуровневых (задача, которую решает автор, наш опыт, личные предпочтения, изменение представлений о себе или мире в результате просмотра картины, репутация автора и содержание картины). Кроме того, совершенно четко можно выделить два отдельных источника эстетического опыта: когнитивный – включающий наше эстетическое суждение о картине (к какому стилю и направлению ее можно отнести, мастерски ли она написана и т. д.) и аффективный – наши чувства и эмоции по поводу данной картины (например, чувство отращения к содержанию картины при полном понимании таланта автора).

Все эти аспекты представлены скорее на уровне рефлексии исследователей восприятия искусства, однако не до конца понятно, как эстетическое переживание описывается и ощущается зрителями в их «наивной» рецепции. Чаще всего от зрителя можно услышать, что картина ему

понравилась либо не понравилась. Однако не совсем понятно, на каком уровне (когнитивном, аффективном) выносятся эта оценка и какая феноменология скрывается за опытом эстетического переживания. Чаще всего в описанных выше моделях эмпирическая проверка осуществляется с помощью шкал Лайкерта, где испытуемым нужно оценить те или иные объекты по ряду шкал, которые задаются авторами на основе своих предположений.

В настоящее время не существует опросников на фиксацию особенностей эстетического опыта зрителей, основанных на феноменологии данного процесса. Эмоциональный компонент эстетического опыта слабо дифференцирован и чаще всего сводится либо к факту его наличия, либо к частным проявлениям типа желания плакать. Все это приводит к необходимости проведения качественного исследования, направленного на феноменологический анализ опыта эстетического переживания с целью эмпирической проверки имеющихся теоретических моделей восприятия искусства и выявления критериев эстетической оценки художественных произведений.

Процедура исследования

В ходе нашего исследования для сбора феноменологии переживания чувства прекрасного нашим испытуемым было предложено структурированное интервью.

В рамках данной статьи нас интересуют ответы на следующие вопросы:

1. Придумайте не менее 5 характеристик для описания того, какая картина является красивой.
2. Кто Ваши любимые художники?
3. Испытывали ли Вы чувство, похожее на желание плакать («слезы подступают») при встрече с искусством? Если да, опишите свой опыт.
4. Назовите хотя бы одну любимую картину. Почему Вам нравится именно она?
5. Рассмотрите, пожалуйста, внимательно картину. Какие переживания и мысли она вызывает? Что Вам нравится в этой картине? Что не нравится?

В качестве картин для оценки мы предлагали следующие:

А) «Рожь», художник И. И. Шишкин (предлагалась всем участникам исследования).

Б) «Обнаженная, спускающаяся по лестнице», художник М. Дюшан (предлагалась 36 участникам исследования).

В) «Пейзаж с желтым домом (зимний пейзаж)», художник К. Малевич (предлагалась 37 участникам исследования).

Выборка: всего в исследовании приняли участие 76 испытуемых ($M=26,6$, $SD = 11.9$), из них – 62 женщины, 11 мужчин. Данные трех человек были исключены из дальнейшего анализа.

Обработка результатов

Все высказывания испытуемых были закодированы двумя экспертами в соответствии с определенными категориями, выделенными двумя экспертами на основе наиболее часто встречающихся вербальных паттернов в общем массиве данных.

1. Любимые картины респондентов были проанализированы с точки зрения направления живописи, определена частота предпочтений направления живописи.

2. Для анализа признаков красивой, любимой картины и конкретных произведений искусства, которые предлагались испытуемым, были использованы следующие категории для кодирования вербальных отчетов.

- Эмоциональная категория означает, что в фокусе внимания при оценке картины находятся эмоции, которые человек испытывает при ее восприятии. Высказывания, относящиеся к этой категории, могут быть общие, указывающие на недифференцированное эмоциональное переживание. Например, человеку важна чувственность картины или ее настроение, однако какое именно настроение и валентность не поясняется («Мне нравится эмоциональность этой картины») либо высказывания могут конкретизировать тип эмоций, на которые обращает внимание респондент – частные эмоции. В данном подразделе мы выделили три типа эмоций: этические «чувство надежды», эстетические «восторг и восхищение», гедонистические «удовольствие, нравится снова и снова смотреть на картину». Кроме того, часть высказываний не относилась ни к одной из описанных категорий и выражала обыденные эмоции, встречающиеся повседневно (тревожность, скука, грусть, тоска). Эту часть высказываний мы обозначили «без категории»;

- Рациональная категория означает, что в фокусе внимания респондента при оценке картины – какие-либо характеристики самой картины, которые он анализирует. Здесь мы выделили две большие группы категорий рационального, традиционно выделяемые в теории эстетики [4]:

- форма включает выделение элементов («нравятся пейзажи»), цвет («не нравится коричневый цвет», «красиво подобраны цвета на картине»), внешнюю композицию («нравится построение пространства») и технику художника («нравится реалистичность изображения»),

- содержание включает замысел («нравится философский смысл дороги»), этический аспект (духовная значимость и религиозные мотивы), контекст (нравится личность художника и обстоятельства создания картины) и личный опыт зрителя (навевает воспоминания о каникулах в детстве).

Соответственно результаты представляют собой анализ частот встречаемости разных категорий при оценки различных объектов: красивая картина, любимая картина, реальное художественное произведение.

Результаты

1. 65% респондентов (48 человек из 74) отметили, что испытывали чувство, похожее на желание плакать при переживании эстетического опыта.

2. Любимый художник. Лидером среди любимых художников наших респондентов оказался И. К. Айвазовский (отметили 7 человек), далее Г. Климт (6 человек), В. Ван Гог (5 человек), М. А. Врубель (5 человек), В. М. Васнецов (3 человека), А. И. Куинджи (3 человека), А. Матисс (3 человека).

3. Предпочитаемые направления живописи среди респондентов (абсолютная частота встречаемости, кол-во раз):

реализм – 24, импрессионизм – 16, мир искусства – 8, символизм – 8, модернизм – 4, авангардизм – 3, соцреализм – 3, сюрреализм – 2, описание картины без названия и автора – 2, барокко – 1, гиперреализм – 1, без категории – 1.

Лидерами стилистических направлений живописи являются реализм и импрессионизм. Это согласуется с рейтингом предпочтений любимых художников: большая часть фаворитов в живописи – представители реализма и импрессионизма.

1. Частотный анализ выраженности различных признаков при оценке категорий «Красивая картина», «Любимая картина» и реальных произведений искусства.

- Среди общего массива характеристик красивой картины встречались признаки, которые далее испытуемыми совсем не использовались. Это признак «гармоничность», трудно дешифруемый, поскольку неясно, к чему именно (форме, содержанию, эмоциональному состоянию) он относится, а также «интенции художника», включающий такие высказывания, как «искренность автора, его вдохновение». В случае оценок реальных картин, любимых или предлагаемых в исследовании эти признаки не использовались.

- Всего категорий, описывающих эмоциональные аспекты восприятия картины (25 %), существенно меньше по сравнению с рациональными (71,5 %). В рациональной категории признаков, относящихся к содержанию картины (36 %), фактически в два раза меньше по сравнению с оценкой формы (64 %). Среди эмоциональных аспектов чаще всего встречаются гедонистические (29 %), повседневные (25 %) и общие (26 %). В категории содержание картины чаще всего анализируется замысел картины (50 %), а в форме – техника (34 %) и цвет (27 %).

- Распределение выделяемых признаков при просмотре трех различных картин также существенно отличается (табл. 1, 2).

Таблица 1

Соотношение частоты встречаемости категорий эмоциональных аспектов восприятия различных картин и их распределение по подтипам, %

Тип картины для оценки респондентов	Эмоции относительно общего количества высказываний	Категории эмоциональных аспектов				
		общие	эстетические	этические	гедонистические	без категории (повседневные)
Шишкин	35	7	20	2	56	15
Дюшан	32	5	16	0	0	79
Малевич	26	13	33	0	27	27
Красивая картина	22	42	13	9	17	19
Любимая картина	19	36	9	0	24	31

Таблица 2

Соотношение частоты встречаемости категорий рациональных аспектов восприятия различных картин и их распределение по подтипам, %

Тип картины для оценки респондентов	Рациональные признаки, всего	Содержание	Форма
Шишкин	65	34	66
Дюшан	68	44	56
Малевич	74	40	60
Красивая картина	68	47	61
Любимая картина	81	32	65

Таким образом, из таблиц с процентным распределением частоты встречаемости различных признаков можно резюмировать следующее. Для абстрактно красивой картины важна общая эмоциональность картины (42 % от всех эмоциональных признаков), а также в большей степени, чем для остальных картин, этические эмоции (9 %).

Для восприятия любимой картины также важна общая эмоциональность (36 %).

Для восприятия картины художника Шишкина важную роль играют гедонистические эмоции (56 %), для восприятия картины художника Малевича – эстетические эмоции (33 %), а картина Дюшана вызывает повседневные эмоции, не относящиеся к сфере эстетики (79 %), чаще всего в качестве таких эмоций респонденты отмечали тревогу и напряжение. Гедонистических эмоций предложенная картина не вызывала вовсе (0 %).

Кроме того, во всех картинах существенное внимание уделяется форме картины, а именно технике и цветам.

Обсуждение результатов

По результатам нашего качественного анализа можно утверждать, что наиболее часто встречающимся художественным направлением в изобразительном искусстве является направление реализма. Реализм стремится к адекватному и многообразному отражению действительности в ее типичных аспектах. Это согласуется с задачей искусства открыть зрителю «Окно в мир» и максимально точно его запечатлеть. Фактически это первая и основная функция искусства как мимезиса, описанная еще Аристотелем. На втором месте по популярности – импрессионизм. В отличие от реализма импрессионизм стремится запечатлеть не столько сами объекты реальности, сколько чувственное впечатление, вызываемое этими объектами. С момента появления фотографии направление реализма начало уступать место импрессионизму, поскольку технически задача запечатления реальности решается гораздо более экономично с помощью фотографии [5]. Еще одним фактором, который может объяснить данный результат, является достаточно широкая популярность произведений искусства в русле реализма и импрессионизма, достаточно большое количество иллюстраций в учебниках по предметам школьной программы, большое количество художественных фильмов и сувенирной продукции (лидером в этом являются картины В. Ван Гога и Г. Климта). Это согласуется с данными исследователя искусства импрессионизма Дж. Каттинга, который показал, что во многом эстетическое предпочтение произведений искусства зависит от частоты их предъявления [2].

При анализе высказываний респондентов относительно их эстетического опыта мы выделили две большие группы признаков, на которые ориентируется зритель при восприятии картин: рациональные и эмоциональные. Данные критерии были выбраны с опорой на классические эстетические представления, которые помещают художественное на границу между интеллектуальным и эмоциональным.

Преобладание количества рациональных признаков в оценке различных художественных картин над эмоциональными по всей видимости свидетельствует о том, что восприятие художественного произведения

осуществляется интеллектуально, основываясь преимущественно на анализе техники художника и используемых цветах. Это, в общем, так же соотносится с классическим пониманием художественного произведения как результата освоения особой техники и мастерства, недоступного для большинства. Ведущая роль цвета в восприятии изобразительных произведений может объясняться теорией экологической валентности [6]. Эта теория предполагает, что людям нравится / не нравится определенный цвет в той степени, в какой им нравятся / не нравятся все объекты окружающей среды, которые ассоциируются с этим цветом. Примечательно также, что для красивой картины и любимой картины эмоциональных признаков меньше, чем для картин, которые предлагались испытуемым во время опроса. Это может быть связано с тем, что человек вспоминает ту или иную картину, не переживая эстетического опыта непосредственно, апеллируя в большей степени формальными характеристиками, которые важны для запоминания и извлечения информации о картине.

Картина Шишкина предлагает «знакомое», реалистическое изображение, обращающееся не только к эстетическому, но и повседневному опыту, не нарушает привычной оптики зрителя живописи, созерцателя окружающего мира.

Важным с точки зрения продвижения исследований в области нейроэстетики является развитие моделей восприятия картин. Наша работа показывает, что эмоциональный и когнитивный компоненты эстетической реакции [1] могут включать достаточно большое количество категорий. Так, нами были выделены эмоции, вызванные преимущественно объектом искусства: эстетические, этические, гедонистические и эмоции, встречающиеся в любой области человеческой жизни (печаль, тоска, радость, тревога). В статье «Что есть эстетические эмоции» авторы отмечают, что, несмотря на то что последние модели обработки визуальных произведений искусства, литературы и музыки включают компонент, называемый «эстетические эмоции», ни одна из этих моделей не дает подробного определения или обсуждения того, что такое эстетические эмоции на самом деле [7]. Этические эмоции выходят за рамки прямых личных интересов и связаны с интересами или благосостоянием общества в целом или других людей. Гедонистические эмоции тесно связаны с эстетическими и предполагают получение удовольствия от просмотра той или иной картины.

Таким образом, резюмируя, можно сделать следующие выводы:

1. Феноменологический анализ эстетического опыта показал, что зрители ориентируются на рациональные и эмоциональные признаки при восприятии картин;

2. Рациональные признаки при эстетическом восприятии художественных произведений преобладают: чаще всего зрители обращают внимание на формальные признаки: технику исполнения и цвет картины;

3. Наиболее предпочитаемым направлением является реализм и импрессионизм, что, по всей видимости, обусловлено опытом реципиента;

4. Направление живописи и тип картины влияет на опыт эстетического восприятия и распределение признаков, определяющих этот опыт;

5. Желание плакать действительно является важной составляющей феноменологии эстетического опыта;

В эмоциональной составляющей эстетического опыта можно выделить следующие типы эмоций: эстетические, этические, гедонистические, повседневные эмоции, не относящиеся исключительно к ситуации восприятия картины.

Ссылки

1. H. Leder et al. A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments // *British journal of psychology*. 2004. Т. 95, № 4. С. 489–508.

2. Shimamura A. P., Palmer S. E. *Aesthetic science: Connecting minds, brains, and experience*. 2012. 408 с.

3. Pelowski M. Tears and transformation: Feeling like crying as an indicator of insightful or «aesthetic» experience with art // *Frontiers in Psychology*. 2015. Т. 6. С. 1006.

4. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. Кожевникова и П. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

5. Ohlsson S. *Deep learning: How the mind overrides experience*. Cambridge University Press, 2011. – 540 с.

6. Palmer S. E., Schloss K. B. An ecological valence theory of human color preference // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Т. 107, № 19. С. 8877–8882.

7. Menninghaus W. et al. What are aesthetic emotions? // *Psychological review*. 2019. Т. 126, № 2. С. 171–195.

Socio-psychological specifications of volunteers taking into account the intergenerational approach

E. A. Serova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -308-315

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a study aimed at studying the socio-psychological characteristics of young volunteers and volunteers over 55 years old, taking into account intergenerational characteristics. It is revealed that the socio-psychological characteristics of the volunteers of the two studied generations have predominantly invariant characteristics. These include the polymotivation of prosocial activity, expressed with high significance for volunteers of all values; the importance of active social contacts; altruistic orientation of the individual; compassion as the most pronounced effective component of prosocial behavior and a tendency to emotionally colored actions in providing assistance.

Keywords: volunteering; volunteer activity; generation; prosocial behavior; values; value orientations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Serova, Evgenia A. | E-mail: serova85@yandex.ru

Социально-психологические особенности волонтеров с учетом межпоколенческого подхода

Е. А. Серова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -308-315
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение социально-психологических особенностей молодых волонтеров и волонтеров старше 55 лет с учетом межпоколенческих особенностей. Выявлено, что социально-психологические особенности волонтеров двух изучаемых поколений обладают преимущественно инвариантными характеристиками. К ним относятся полимотивированность просоциальной деятельности, выраженная в высокой значимости для волонтеров всех ценностей; большое значение активных социальных контактов; альтруистическая направленность личности; сострадание как наиболее выраженный действенный компонент просоциального поведения и склонность к эмоционально окрашенным действиям при оказании помощи.

Ключевые слова: волонтерство; волонтерская деятельность; поколение; просоциальное поведение; ценности; ценностные ориентации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Серова, Евгения Александровна		E-mail: serova85@yandex.ru
		Старший преподаватель кафедры социальных технологий

Введение

Исследование социально-психологических характеристик личности, включенной в волонтерскую деятельность, приобретает все большую актуальность в связи с изменениями, происходящими в современном российском обществе. Особый интерес вызывает изучение закономерностей социального поведения и просоциальной активности волонтеров различных поколенческих групп.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Исследованию психологических свойств волонтеров посвящены работы Е. А. Азаровой [1], Р. Гольдберг-Глена [2], П. Дриггерса [3], Р. А. Кнанан [2], П. А. Кислякова [4], У. П. Кретовой [5], М. А. Недошивиной [6], Е. А. Шмелевой [4] и др. Их исследования касаются прежде всего мотивации волонтерства и его психологического содержания. Исследования социально-психологических особенностей личности, включенной в волонтерскую деятельность, с учетом возрастных и поколенческих особенностей принадлежат У. П. Кретовой [5], Н. В. Ключевой [7], Е. С. Лехмус [8], А. В. Серому [9], М. С. Яницкому [9] и др.

Актуализирует изучение волонтерской деятельности как формы просоциального поведения необходимость применения новых методологических подходов к изучению феномена волонтерства с учетом межпоколенческих различий в ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфере. Ценности образуют мотивационное ядро личности, определяют мотивационную направленность, которая проявляет себя в деятельности. Ценности выступают фундаментом культуры любого общества, в связи с чем им свойственна высокая устойчивость, которую обеспечивает преемственность поколений [10]. Поколенческий подход позволяет учитывать неосознаваемые ценности представителей разных поколений, которые формируются под влиянием доминирующих социальных установок, характеризующих социокультурный контекст.

Цель исследования – выявление общих и специфических особенностей ценностно-смысловых ориентаций в просоциальном поведении волонтеров молодого и пожилого возраста с учетом межпоколенческих различий.

В исследовании приняли участие 195 человек, включенных в волонтерскую деятельность (молодые волонтеры в возрасте от 17 до 23 лет и волонтеры старше 55 лет).

Предмет исследования – общие и специфические социально-психологические особенности волонтеров с учетом межпоколенческих различий.

Гипотеза: социально-психологические особенности волонтеров двух поколений (молодых и пожилых волонтеров) имеют инвариантные характеристики и значимые различия в ценностных ориентациях и по ответственному компоненту просоциального поведения.

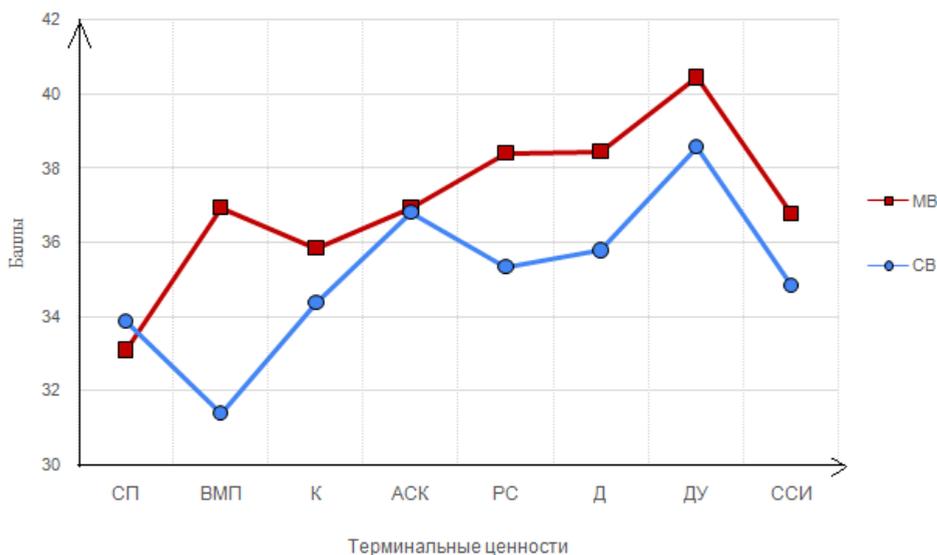
Методика

Методическое обеспечение исследования: методика «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенина, методика изучения типов просоциального поведения «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло и Б. А. Рэндалл, адаптированная Н.В. Кухтовой), методика измерения заботы (Н. Kohut, В. J. Boon, F.N. Kerlinger), адаптированная И. Ф. Фурмановым и Н. В. Кухтовой. Математическая обработка данных проводилась с помощью метода ранговой корреляции r -Спирмена для парных сравнений двух независимых групп, U -критерий Манна – Уитни. Данные

обрабатывались с помощью программы Excel 7.0 и Statistica 6.1. Для проведения анализа респонденты были распределены на две группы на основании принадлежности к определенному поколению (молодые волонтеры – группа 1, волонтеры пожилого возраста – группа 2).

На первом этапе исследования были проанализированы различия в ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфере волонтеров двух групп. Полученные данные представлены на рис. 1.

Обозначения: МВ – молодые волонтеры (группа 1), СВ – старшее поколение волонтеров (группа 2), ВМП – высокое материальное положение, СП – собственный престиж, К – креативность, АСК – активные социальные контакты, РС – развитие себя, Д – достижения, ДУ – духовное удовлетворение, ССИ – сохранение собственной индивидуальности

Рис 1. Ценностные ориентации в группах волонтеров:

В ценностном профиле волонтеров двух групп преобладают ценности духовного удовлетворения. В общей иерархии ценностей значимые различия выявлены по ценности высокого материального положения и развития себя (для молодых волонтеров данные ценности являются более значимыми), а наименьшие – по ценности активных социальных контактов. В то же время занятия волонтерством являются фактором формирования духовных ценностей личности волонтеров вне зависимости от отношения к поколению. Эта ценность выражается в стремлении делать то, что приносит внутреннее удовлетворение. Значимость активных коммуникаций также является инвариантной характеристикой двух исследуемых групп. При этом эта ценность имеет разное смысловое содержание.

Молодежи активные социальные контакты помогают расширить круг знакомств для будущего карьерного продвижения. Для старшего поколения – это возможность обмена мнением и опытом; ресурс ресоциализации и адаптации к новым условиям жизни после выхода на пенсию.

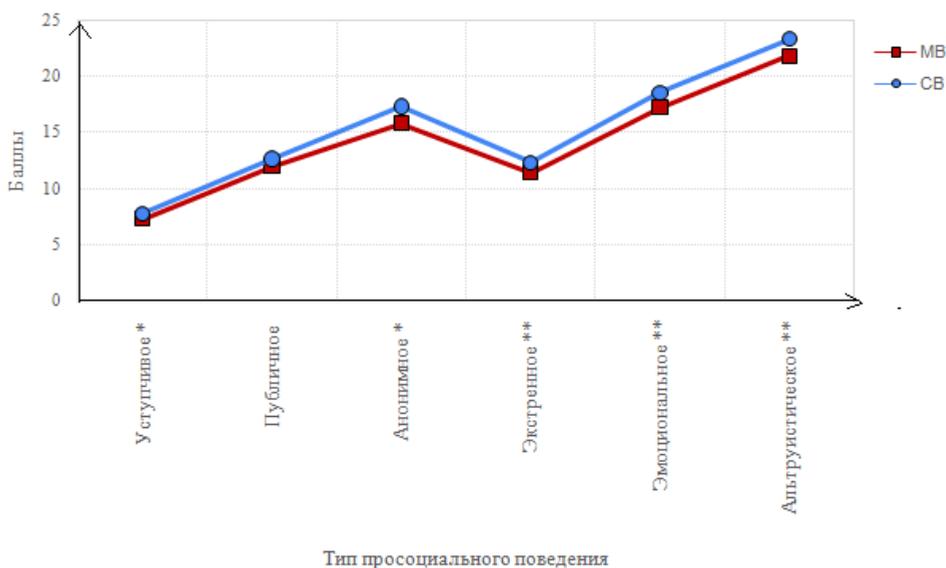
Данные корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции r -Спирмена позволили выявить общее свойство, характерное для всех волонтеров, не детерминированное принадлежностью к поколению и выраженное в высокой оценке всех ценностей. Его можно обозначить как «стремление наполнить жизнь смыслами и направленность на проявление себя в различных сферах жизнедеятельности (в том числе волонтерской деятельности)». Это свойство свидетельствует о полимотивированности участия в волонтерской деятельности и многообразии ее ценностных регуляторов.

На втором этапе исследования были проанализированы типы просоциального поведения волонтеров. Согласно полученным результатам, обе исследуемые группы обладают схожим профилем по типу просоциального поведения (рис.2.). Показано, что тип просоциального поведения является инвариантной социально-психологической характеристикой волонтеров независимо от принадлежности к поколению. Наиболее выражен у волонтеров альтруистический тип поведения. При этом есть и значимые различия. Так, например, выраженные различия наблюдаются по экстремному ($U=3626,5$; $Z=-2,88$; $p<0,01$), эмоциональному ($U=3667,5$; $Z=-2,76$; $p<0,01$) и альтруистическому типу просоциального поведения ($U=3568$; $Z=-2,47$; $p<0,01$).

Волонтеры группы 2 показывают большую готовность помогать другим в чрезвычайных и трудных ситуациях и участвовать в ситуациях, в которых оказание помощи эмоционально окрашено, что отражает такие особенности старшего поколения, как оптимизм, жизнелюбие, энтузиазм, коллективизм, принадлежность к группе, командный дух, вовлеченность в жизнь других. Это, вероятно, может быть связано с богатым опытом проживания трудных жизненных ситуаций. При этом волонтеры могут испытывать ощущение освобождения от тягостных переживаний, ослабления боли.

У молодых волонтеров ценности реализуются прежде всего в публичном и эмоциональном типах просоциального поведения. Чем выше ценность собственного престижа, тем меньше выражен альтруистический тип поведения ($r_s=-0,30$; $p<0,01$) и тем более выражена связь с публичным ($r_s=0,47$; $p<0,001$) и эмоциональным просоциальным поведением ($r_s=0,44$; $p<0,01$). Молодые волонтеры ориентированы на оценку своих действий со стороны других людей, что свидетельствует о выраженной потребности в признании, социальном одобрении их поведения. Публичный и эмоциональный типы поведения молодых волонтеров значимо коррелируют

с ценностью активных социальных контактов ($r_s=0,50$; $p<0,001$ и $r_s=0,41$; $p<0,01$). Главным в процессе волонтерской деятельности для молодых волонтеров является установление таких взаимоотношений, которые будут способствовать формированию положительного имиджа, что соотносится с их поколенческими особенностями – ориентацией на достижения и рациональностью. Следует отметить, что у представителей старшего поколения больше связей по ценностям с альтруистическим просоциальным поведением. Так, среди респондентов второй группы присутствует высокая связь ценности духовного удовлетворения с альтруистическим типом поведения ($r_s=0,35$; $p<0,001$). Другими словами, они связывают возможность бескорыстного и благотворительного оказания помощи другим без личной выгоды с получением морального удовлетворения, что соотносится с такими поколенческими особенностями, как оптимизм, энтузиазм и кооперативность.

Обозначения: МВ – молодые волонтеры (группа 1);

СВ – волонтеры старшего поколения (группа 2)

Рис.2. Тип просоциального поведения волонтеров двух поколений.

У волонтеров старшего поколения прослеживается высокая связь всех ценностей с публичным, экстренным и эмоциональным просоциальным поведением. На самом высоком уровне значимости у них, как и у молодых волонтеров, связь ценности собственного престижа с публичным типом просоциального поведения ($r_s=0,50$; $p<0,001$). Это может свидетельствовать о необходимости для волонтеров старшего поколения поддерживать

свой социальный статус, получая одобрение со стороны окружающих, осознавать и чувствовать принадлежность к группе.

На третьем этапе исследования был изучен действенный компонент просоциального поведения испытуемых двух групп. Волонтерская деятельность влияет на формирование поведения и ориентирована на заботу о других людях через проявления сострадания, эмпатии и альтруизма. Были выявлены инвариантные характеристики в действенном компоненте просоциального поведения волонтеров. Наиболее выраженным компонентом поведения в двух исследуемых группах является сострадание (69,1 и 71,1 соответственно). На втором месте находится альтруизм (69,9 и 69,7 соответственно). Эмпатия у волонтеров находится на среднем уровне (62,0 и 61,7 соответственно). Статистически значимых различий по альтруизму, эмпатии и состраданию выявлено не было. Вероятно, средний уровень эмпатии связан с актуализацией психологических защит волонтеров. Сдерживание от полного включения в проблемную ситуацию позволяет волонтерам продолжать заниматься добровольческой деятельностью длительное время не «выгорая».

Таким образом, в социально-психологических особенностях волонтеров двух изучаемых поколений преобладают инвариантные характеристики в ценностных ориентациях и по действенному компоненту просоциального поведения, что свидетельствует об особом типе личности, включенной в волонтерскую деятельность. При этом в ценностно-смысловой сфере волонтеров двух поколений присутствуют и значимые различия.

На основании проведенного эмпирического исследования можно сделать выводы:

1. Выявлены значимо выраженные связи внутри ценностного профиля волонтеров, свидетельствующие о полимотивированности волонтерской деятельности и многообразии ее ценностных регуляторов. Это объединяет волонтеров молодого и пожилого возраста и свидетельствует об особом типе личности, вовлеченной в волонтерскую деятельность;

2. Инвариантной характеристикой для двух исследуемых поколений является значимость активных коммуникаций. Молодежи активные социальные контакты помогают расширить круг знакомств для будущего карьерного продвижения. Для старшего поколения волонтеров – это возможность обмена мнением и опытом; ресурс ресоциализации и адаптации к новым условиям жизни после выхода на пенсию;

3. В той и другой группах наиболее выражен альтруистический тип просоциального поведения. К общей тенденции можно отнести склонность волонтеров к эмоционально окрашенным действиям при оказании помощи;

4. Наиболее выраженным действенным компонентом просоциального поведения в двух исследуемых группах является сострадание. На втором месте находится альтруизм. Эмпатия у волонтеров находится на среднем уровне. Не всегда сопереживание и альтруистическая направленность личности волонтера подталкивают их к реальным действиям.

Ссылки

1. Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности. Хабаровск: Беловский полиграфист, 2008. 287 с.
2. Snaan R. A., Goldberg-Glen R. S. Measuring motivation to volunteer in human services // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 1991. Vol. 27, No. 3. P. 269–284.
3. Driggers P. *Managing library volunteers*. Chicago: Americanpress, 2002. 186 p.
4. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Стеклова Ю. В. Психология безопасного просоциального поведения личности // *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всерос. симпозиума психологов / под общ. ред. Д. В. Социвко*. Рязань, 2019. С. 596–602.
5. Кротова У. П. Особенности исследования психологических особенностей волонтеров // *Полевые исследования на Камчатке – 2015: сборник отчетных материалов по итогам проведения летних профильных научно-исследовательских лагерей и школ-экспедиций ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»*. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2016. С. 104–128.
6. Недошивина М. А. Ситуационные факторы альтруистического поведения // *Человеческий капитал*. 2019. № 6 (126). С. 87–96.
7. Серова Е. А., Ключева Н. В. Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров // *Вестник КемГУ*. 2022. № 4 (92). С. 454–461.
8. Лехмус Е. С. Волонтерская мотивация у поколения Z // *Гуманитарные науки*. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 3. С. 138–140.
9. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун [и др.] // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 72. С. 46–67.
10. Кошетарова Л. Н. Трансмиссия ценностей в контексте теории поколений // *Феномены культуры: сборник научных статей по материалам конференций, Тюмень, 26 июня 2018 года – 27 июня 2019 года / отв. ред. Л. Л. Мехришвили*. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2019. С. 50–57.

Influence of self-esteem on the level of professional competence of a manager

I. G. Senin¹, S. A. Zhiltsov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -316-324

Research article
Full text in Russian

In modern organizational psychology the problem of studying the influence of self-esteem on the success of managerial activity is becoming more and more relevant. Complex and dynamic managerial activity requires modern managers to achieve a high level of professionalism. The success of managers' activity is connected with the realization of their creative and career strategies, development of professional and career competence. The purpose of the article is to identify the relationship between the level of self-esteem and the success of the manager's professional activity. Achieving this goal will help to determine the degree of influence of self-esteem on professional competence.

Keywords: self-esteem; professional competences; manager; professional activity; managerial activity; self-concept; optimum motivation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Senin, Ivan G. | E-mail: isenin@bk.ru
| Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Zhiltsov, Semen A. | E-mail: semen.zhiltsov.99@mail.ru
| Graduate

Влияние самооценки на уровень профессиональной компетенции руководителя

И. Г. Сенин¹, С. А. Жильцов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -316-324
УДК 159.9, 379.8

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлен эмпирический анализ феномена самооценки в управленческой деятельности, а точнее, влияние самооценки на успешность управленческой деятельности. Рассматривается вопрос об успешности профессиональной деятельности руководителей. Делается вывод, что успешность профессиональной деятельности обеспечивается профессиональной компетентностью руководителя и формируется под влиянием его самооценки.

Ключевые слова: самооценка; профессиональные компетенции; руководитель; профессиональная деятельность; управленческая деятельность; Я- концепция; оптимум мотивации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сенин, Иван Геннадьевич | E-mail: isenin@bk.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Жильцов, Семён Алексеевич | E-mail: semen.zhiltsov.99@mail.ru
Магистрант

Определение уровня выраженности профессионально важных психологических характеристик руководителя является одной из наиболее актуальных прикладных задач организационной психологии. Выявление тех психических свойств, которые так или иначе оказывают воздействие на эффективность деятельности руководителя, является важным направлением работы любого специалиста, занимающегося вопросами оптимизации управленческой деятельности и разработки программ обучения навыкам эффективного менеджмента. Среди всего многообразия психических особенностей человека, которые могут влиять на выполнение руководителем своих управленческих функций, в последнее время всё чаще стали рассматриваться профессиональные компетенции. Под профессиональной компе-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

тенцией чаще всего понимается базовое качество индивида, имеющее причинное отношение к эффективному и наилучшему исполнению им своих профессиональных функций. Компетенция предопределяет специфику поведения человека, она определяет варианты поведения и мышления, распространяемые человеком на различные рабочие ситуации [1].

Применительно к деятельности руководителя профессиональные компетенции — это те интегративные психологические характеристики, которые необходимы человеку для успешного выполнения деятельности управления. От того, насколько высоким уровнем компетенций обладает конкретный управленец, зависит насколько грамотно он будет решать те задачи, которые обеспечивают достижение намеченных целей организации.

Уровень развития профессиональных компетенций руководителя определяется рядом как внешних, средовых, факторов, так и внутренних, включающих в себя целую совокупность личностных и когнитивных характеристик. Несмотря на то, что все эти характеристики уже довольно подробно описаны в научной литературе [2], тем не менее влияние на деятельность руководителя такого его психического свойства, как самооценка, на наш взгляд, изучено довольно слабо. В немногочисленных литературных источниках, посвященных описанию взаимосвязей между уровнем самооценки и особенностями выполнения профессиональной деятельности руководителя отмечается лишь, что уровень самооценки влияет на умение руководителя правильно устанавливать цели работы своей организации и определять пути их реализации. При этом отмечается, что руководитель, для которого характерна завышенная самооценка при постановке целей, может пренебрегать важной и необходимой информацией, переоценивать свои возможности и быть слишком сильно ориентированным на успех. Заниженная самооценка, в свою очередь, приводит к пассивности руководителя, его боязни брать на себя ответственность, а также к склонности ставить перед собой слишком легкие задачи [1].

Исходя из этого, основная цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выявить особенности взаимосвязей между самооценкой руководителей и уровнем их профессиональной компетенции, а затем на основе этого определить специфику влияния самооценки на уровень профессиональной компетенции.

В качестве респондентов в исследовании приняли участие 100 руководителей государственных и частных организации в возрасте от 28 лет до 61 года. Средний стаж руководящей работы участников исследования составил 4 года. Соотношение мужчин и женщин выборки респондентов было примерно одинаковым.

Методический инструментарий исследования включал в себя два психодиагностических опросника:

1. Русскоязычная адаптация опросника самооценки О. Брайена [3].
2. Ситуационный тест профессиональных компетенций Д. Ермолиной [4].

Опросник самооценки О. Брайена является многофакторным личностным тестом, состоящим из 11 шкал и измеряющим 11 компонентов самооценки, куда входят.

1. Общий уровень самооценки (ОУС)
2. Оценка собственной компетентности (КМП)
3. Оценка способности вызывать любовь окружающих (СВЛ)
4. Оценка способности вызывать симпатии окружающих (СВС)
5. Оценка своей личностной силы (ЛИС)
6. Оценка способности к самоконтролю (ССК)
7. Оценка собственных моральных принципов (СМП)
8. Оценка своей внешней привлекательности (ВПП)
9. Оценка своих физических возможностей (ФИВ)
10. Самоидентификация (САИ)
11. Тенденция переоценивать свои достоинства (ТПД)

Ситуационный тест профессиональных компетенций Д. Ермолиной (СТПК) представляет собой опросник, задания которого содержат описания наиболее часто встречающихся в работе руководителя проблемных ситуаций. Испытуемому необходимо выбрать тот вариант ответа, который в данной ситуации, по его мнению, является наиболее правильным. Список диагностических шкал опросника состоит из 6 наименований и включает следующие профессиональные компетенции руководителя:

1. Управление изменениями
2. Планирование и организация
3. Межличностные навыки
4. Ориентация на результат
5. Лидерство
6. Общий интеллект.

В результате тестирования по СТПК высчитывается суммарный показатель, отражающий общий уровень профессиональной компетенции руководителя.

Поскольку основная цель нашего исследования состояла в выявлении взаимосвязей между отдельными компонентами самооценки руководителей и уровнем их общей профессиональной компетенции, то на этапе подсчета результатов нами прежде всего были рассчитаны коэффициенты корреляции между данными показателями. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Полученные на данном этапе результаты показывают, что только пять из одиннадцати шкал самооценки имеют значимую корреляционную связь с общим показателем профессиональной компетенции. Это шкалы: «Общий уровень самооценки», «Оценка собственной компетентности», «Оценка способности вызывать симпатии окружающих», «Оценка своей личностной силы», «Оценка способности к самоконтролю». Именно для этих шкал были получены значимые положительные коэффициенты корреляции. Опираясь

на эти результаты, мы можем предположить, что уровень профессиональной компетенции руководителя может определяться некоторыми особенностями его самооценки. Несмотря на то, что чисто математически коэффициент корреляции не отражает влияния одной переменной на другую, тем не менее сама природа самооценки, а также особенности ее формирования и развития позволяют с уверенностью говорить, что по сравнению с профессиональной компетентностью онтогенетически самооценка является более ранним образованием. Поэтому, как нам кажется, наличие корреляционной связи позволяет косвенно судить о влиянии самооценки на уровень профессиональной компетенции.

Таблица 1

Корреляции между компонентами самооценки и уровнем общей профессиональной компетенции

Шкалы самооценки	r
Общий уровень самооценки	0.53
Оценка собственной компетентности	0.50
Оценка способности вызывать любовь окружающих	0.10
Оценка способности вызывать симпатии окружающих	0.42
Оценка своей личностной силы	0.54
Оценка способности к самоконтролю	0.62
Оценка собственных моральных принципов	0.10
Оценка своей внешней привлекательности	-0.03
Оценка своих физических возможностей	0.14
Самоидентификация	0.12
Тенденция переоценивать свои достоинства	-0.05

На следующем этапе анализа данных мы поставили задачу провести более детальный качественный анализ всех значимых взаимосвязей, которые были получены между шкалами самооценки и общего показателя профессиональной компетенции. Исходя из этого, для каждой значимой взаимосвязи были построены диаграммы рассеивания. Для большей наглядности представления результатов при построении диаграмм рассеивания для каждой 5 испытуемых оценки по всем показателям были усреднены, в результате чего 100 первичных оценок были преобразованы в 20. Далее мы рассмотрим некоторые из этих диаграмм, которые, по нашему мнению, отражают наиболее характерные особенности выявленных взаимосвязей.

На рис. 1 представлена диаграмма рассеивания, отражающая взаимосвязь между шкалой «Способность вызывать симпатии» и показателем профессиональной компетенции руководителя ($r = 0,42$, $p = 0,05$).

Руководитель, получивший высокую оценку по шкале «Способность вызывать симпатии», считает, что он хорошо умеет располагать к себе лю-

дей, производить на них приятное впечатление, пользуется уважением среди них. Он полагает, что приятен в общении и поэтому люди готовы взаимодействовать с ним. Ему кажется, что он хорошо уживается с людьми и легко заводит новые знакомства.

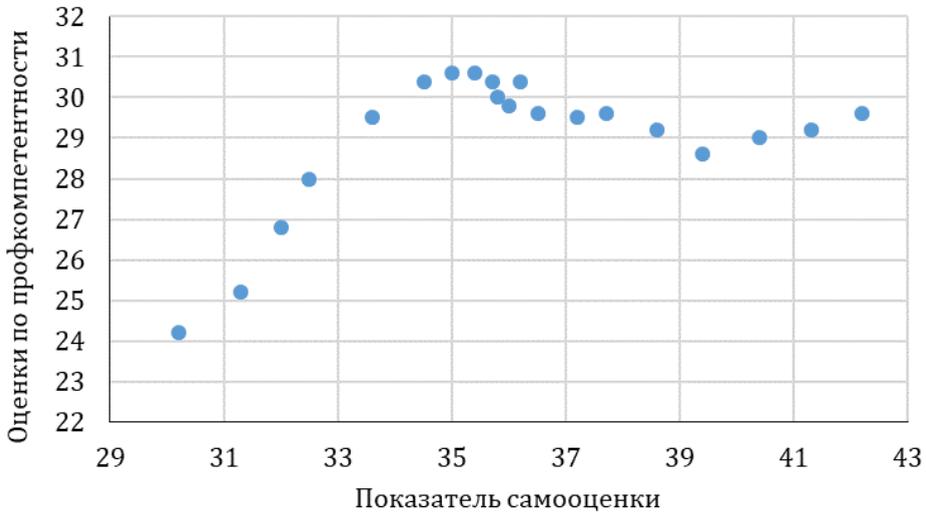

Рис. 1. Диаграмма рассеивания оценок шкалы «Способность вызывать симпатии» и показателя профессиональной компетенции руководителя

Диаграмма, представленная на рис.1, показывает, что для данной шкалы можно зафиксировать определенный оптимальный уровень выраженности ее оценок, ниже которого существует их прямая взаимная связь с уровнем профессиональной компетенции, но выше которого такая связь существовать перестает. В поведенческом смысле это говорит о том, что руководитель, считающий, что он *неплохо* умеет располагать к себе людей, производить на них приятное впечатление и т. п., будет выполнять свои функции управления более эффективно, чем руководитель, считающий, что он умеет это делать *очень хорошо*.

На рис. 2 представлена диаграмма рассеивания, отражающая взаимосвязь между шкалой «Оценка личностной силы» и показателем профессиональной компетенции ($r=0.53$; $p=0.05$).

Руководитель, получивший высокую оценку по шкале «Личностная сила», полагает, что он хорошо умеет убеждать людей и воздействовать на их поведение. Он считает, что проявляет энергичность в решении сложных задач и оценивает себя как человека, который может иметь большое влияние на людей.

Диаграмма рассеивания, представленная на рис. 2, показывает, что до определенного момента существует прямая линейная связь между показателями самооценки и профессиональной компетенции. Однако такая динамика сохраняется только до тех пор, пока оценка по шкале «Личност-

ная сила» не становится равной 39 баллам. После этого дальнейшее повышение оценки по этой шкале уже не сопровождается таким же повышением уровня компетенции, а имеет некоторую тенденцию к понижению. Иначе говоря, оценка личностной силы сохраняет свое положительное влияние на уровень профессиональной компетенции лишь до определенного предела, по достижении которого это влияние либо исчезает, либо даже становится отрицательным.

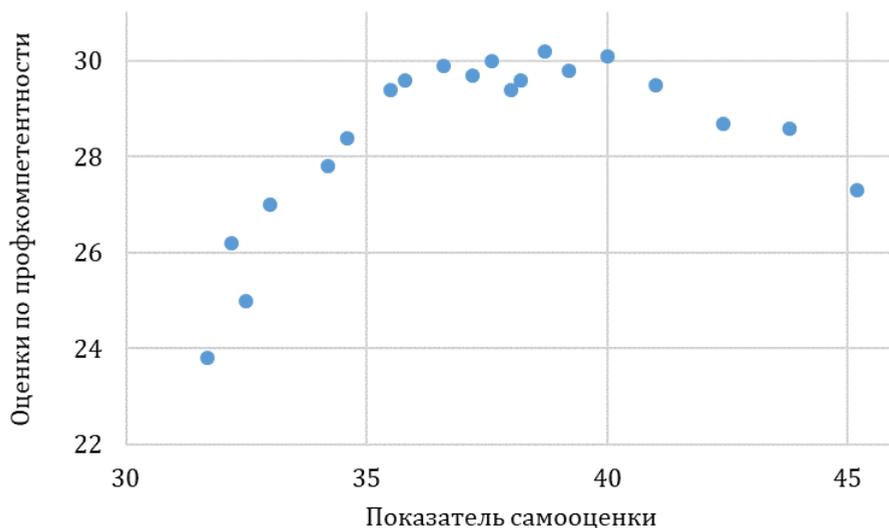

Рис. 2. Диаграмма рассеивания оценок шкалы «Оценка личностной силы» и оценок показателя профессиональной компетенции руководителя

Такой результат свидетельствует о том, что для шкалы оценки личностной силы также можно выявить определенный оптимум выраженности, ниже которого существует его прямая взаимная связь с уровнем профессиональной компетенции, но выше которого такая связь существовать перестает или приобретает тенденцию становиться отрицательной.

На рис. 3 представлена диаграмма рассеивания, отражающая взаимосвязь между шкалой «Общий уровень самооценки» и уровнем профессиональных компетенций ($r=0.52$; $p=0.05$).

Руководитель, получивший высокую оценку по шкале «Общий уровень самооценки», доволен собой, чувствует собственную значимость, уверен в себе, не сожалеет о прошлом, в будущем рассчитывает на успех.

Диаграмма рассеивания, представленная на рис. 3, показывает, что при повышении общего уровня самооценки происходит соответствующий рост уровня профессиональных компетенций. Однако после достижения значения примерно 35 баллов дальнейшее повышение оценки по шкале «Общий уровень самооценки» уже не сопровождается таким же повышением уровня компетенции, а имеет некоторую тенденцию к понижению.

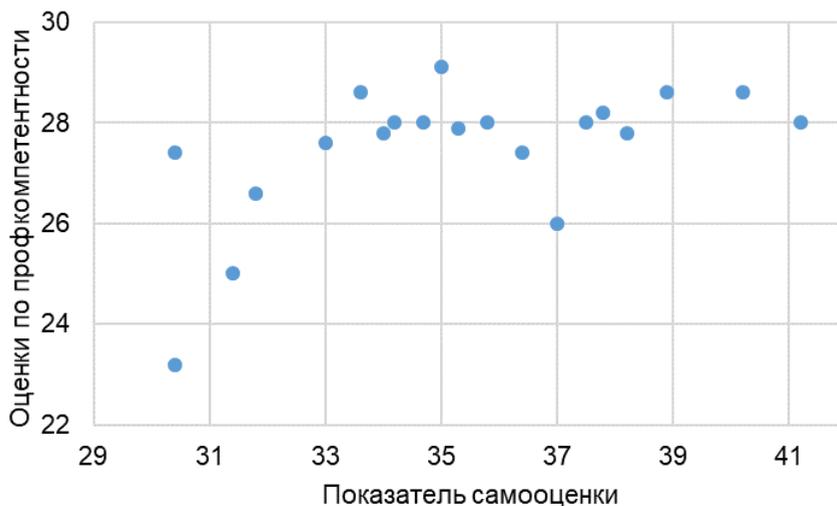

Рис. 3. Диаграмма рассеивания оценок шкалы «Общий уровень самооценки» и оценок показателя профессиональной компетенции руководителя

Данная диаграмма рассеивания свидетельствует об определенной границе, до которой общий уровень самооценки и уровень профессиональных компетенций растет относительно пропорционально, но в определенный момент значения по шкале «Общий уровень самооценки» продолжает идти вверх, а значения шкалы профессиональных компетенций либо остаются на плато, либо снижаются.

Приведенный нами анализ полученных результатов показывает, что характерной особенностью взаимосвязей между отдельными компонентами самооценки и уровнем выраженности общей профессиональной компетенции руководителя является наличие определенного уровня выраженности самооценки, до которого влияние самооценки на уровень профессиональной компетенции оказывается положительным, но после которого данное положительное влияние утрачивается.

Исходя из этого, можно говорить, что существует некий оптимальный уровень выраженности самооценки, который и обеспечивает реализацию профессиональной компетенции руководителя в максимальной степени. Это позволяет нам предположить, что влияние самооценки на уровень личностной профессиональной компетенции соответствует так называемому закону оптимума.

В самом общем понимании закон оптимума заключается в том, что прямое положительное влияния одной переменной на другую имеет свой предел. В наиболее обобщенном смысле оптимум — это совокупность наиболее благоприятствующих условий; наилучший вариант решения задачи или путь к достижению цели при данных условиях и ресурсах [5].

Наиболее ярким проявлением идеи оптимума и оптимальности в психологии можно считать закон оптимума мотивации Йеркса-Додсона [5]. Закон Йеркса-Додсона фиксирует нелинейную зависимость между продуктивностью деятельности и мотивацией субъекта. Оптимумом мотивации считается тот уровень мотивации, при котором деятельность максимально успешна. В соответствии с законом Йеркса-Додсона существует определенная граница или оптимум мотивации, до которой продуктивность деятельности повышается, но после которой он начинает снижаться. При этом наиболее продуктивна будет та деятельность, которая выполняется при наличии среднего уровня мотивации [6].

Общая тенденция взаимосвязей данных показателей с уровнем профессиональной компетенции руководителей заключается в том, что повышение уровня данной компетенции фиксируется только до определенного уровня выраженности самооценки.

Таким образом, полученные нами результаты позволяют предположить, что только некоторые показатели самооценки действительно можно рассматривать в качестве факторов, влияющих на уровень профессиональной компетенции руководителей. При этом влияние этих показателей на уровень профессиональной компетенции руководителей в целом носит положительный характер. Кроме того, важно отметить, что качественные особенности взаимосвязей между показателями самооценки и уровнем профессиональной компетенции руководителей во многом соответствуют общему положению закона оптимума. Иначе говоря, уровень профессиональной компетенции руководителей наиболее высок в тех случаях, когда их уровень самооценки находится в пределах средних значений. Исходя из этого, можно сделать еще одно предположение о том, что те свойства самооценки, взаимосвязи которых с профессиональной компетенцией в целом соответствуют закону оптимума, могут действовать в качестве фактора внутренней мотивации. Это определяется тем, что слишком сильное стремление к самоутверждению, определяемое повышенной самооценкой, сочетается с некоторым понижением показателя профессиональной компетенции, а значит, и с понижением продуктивности всей деятельности. Именно такая специфика взаимосвязей характерна также и для других факторов мотивации, имеющих высокую степень выраженности.

Ссылки

1. Спенсер Л. М., Спенсер С. М. Компетенции. Модели максимальной эффективности работы. М.: Нипро, 2005. 320 с.
2. Герчикова И. Н. Менеджмент. М.: ЮНИТИ, 2001. 480 с.
3. Ермолина Д. А., Сенин И. Г. Разработка и валидизация ситуационного теста диагностики личностных компетенций руководителя // Ярославский психологический вестник. 2020. № 2(47). с. 98–101.
4. Радлова Э. Л. Философский словарь. М.: Дело, 1993. 284 с.
5. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.